
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (114). Февраль, 2011

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 1 (114). February, 2011

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Гущин В. Р.
Афинский демос и судебные процессы
первой половины V века до н. э. 7
- Фишман О. М.
Факторы формирования природно-
хозяйственного пространства микроло-
кальной группы (тихвинские карелы) 15
- Пащикова А. А.
Статус разговорного русского и церков-
нославянского языков среди карел
Салминского и Сортавальского уездов
в конце XVIII – начале XX века 22

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Рогоза Н. В.
«Вечная женственность» как воплоще-
ние высшей идеи женственности в куль-
туре Серебряного века 26

ПЕДАГОГИКА

- Добрынина О. Л.
Технология непрерывного языкового об-
разования в неязыковом вузе 29
- Калачев Н. В., Ланских А. Н.
Использование ИТ в преподавании ес-
тественно-научных дисциплин в усло-
виях открытого образования 35

СОЦИОЛОГИЯ

- Разумова И. А.
Брачный статус и проблема типологии
брака 38
- Чеботкова Ю. Ю.
Алкоголизм как социальная проблема
в социологии и общественном мнении 46

ФИЛОЛОГИЯ

- Котов А. А.
Изучение русского предикативного при-
лагательного: неподведенные итоги 49
- Новак И. П.
Чередование ступеней согласных в соб-
ственно карельском наречии карельского
языка 53
- Львова И. В.
«Христос Достоевского» в художествен-
ном сознании Керуака 58
- Лычагин А. В.
Особенности поэтического диалога в
творчестве Иосифа Уткина 61
- Фисковец Е. В.
Природа символического в рассказе
В. Астафьева «Индия» 65

ФИЛОСОФИЯ

- Пивоев В. М.
Новая парадигма осмысления мира 69
- Воронов В. М.
Мировоззренческая функция фило-
софии истории: связь смысла жизни
и смысла истории 77

ЭКОНОМИКА

- Крутова О. С., Морозова Т. В.
Интеллектуальная миграция как ответ
на процессы глобализации 81
- Курило А. Е., Дружинин П. В.
Малое предпринимательство в Карелии
как форма адаптационной стратегии на-
селения 89

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Воропанов В. А.
Об особенностях и значении ревизион-
ных форм судебного процесса в конце
XVIII – первой половине XIX века 93
- Козырева Т. В.
Способы извещения о рассмотрении
дела об административном правона-
рушении 100
- Бурцев В. И.
Ученые-юристы о понятии «экологиче-
ская безопасность» 103

РЕЦЕНЗИИ

- Мальчукова Т. Г.
Рец. на кн.: Завьялова В. П. Каллимах
и его гимны 106
- Сенявская Е. С.
Рец. на кн.: Веригин С. Г. Карелия в го-
ды военных испытаний: Политическое и
социально-экономическое положение
Советской Карелии в период Второй
мировой войны 1939–1945 гг. 108
- Суни Л. В.
Рец. на кн.: Byckling Liisa. Keisarinajan
kulisseyssa. Helsingin venäläisen teatterin
historia 1868–1918. 110

Юбилей

- К 80-летию со дня рождения
В. С. Максимовой 112

Научная информация 113

Contents 115

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 11.02.2011. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 110 экз.) Изд. № 39.

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВАЛЕРИЙ РАФАИЛОВИЧ ГУЩИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Пермский государственный педагогический университет

valerii@pspu.ac.ru

АФИНСКИЙ ДЕМОС И СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V ВЕКА ДО Н. Э.

В статье исследуется роль афинского демоса в известных политических процессах первой половины V века до н. э. Это процессы против афинского полководца Мильтиада, драматурга Фриниха, а также против таких известных политических деятелей, как Аристид, Фемистокл и Кимон. Все они инициировались исангелиями, рассматривавшимися ареопагом, однако окончательное решение выносилось гелиэей (судом) или народным собранием. Объяснение этому мы находим в одной из надписей (IG 13 105), отразившей ранее установленное правило: наиболее важные политические и судебные решения могли выноситься только большинством афинян.

Ключевые слова: исангелия, ареопаг, демос, гелиэя, судебные процессы

Процесс становления демократии в Афинах – одна из наиболее значимых и дискутируемых проблем. Стимулами для развития демократии нередко считаются процессы, происходившие в военной сфере: реализация Морской программы Фемистокла, усилившей значение фетов и так называемой корабельной черни (*nautikos ochlos*), а также обретение Афинами гегемонии в Делосском союзе. Однако мы полагаем, что демократизация была связана не только с этими процессами. В данной работе нам хотелось бы обратить внимание на существенный рост политической значимости афинского демоса уже в первой половине V века до н. э., что находит свое отражение в судопроизводстве и, в частности, в тех судебных процессах, о которых пойдет речь ниже. Естественно, каждый из этих процессов был объектом пристального рассмотрения исследователей [15], [12], [2]. Однако мы хотели бы обратить внимание на некоторые детали, которые позволяют по-новому взглянуть на систему судопроизводства и роль в ней демоса¹.

Первый процесс связан с именем героя Марафонской битвы Мильтиада, который вернулся в Афины в 493 году до н. э. Напомним, что он был тираном Херсонеса Фракийского, что и послужило основанием для обвинений. Геродот в этой связи замечает, что, «избежав преследования финикийн, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию (*αἰρεθεὶς ὑπὸ τοῦ δήμου*) был назначен афинским стратегом» (*Herod. VI. 104*, здесь и далее пер. Г. Стратановского).

Сейчас трудно установить людей или группировку, инициировавшую упомянутый процесс. Нередко высказывают предположение, что судебное преследование Мильтиада было делом рук Ксантиппа, который будет его обвинителем

несколько лет спустя (ср.: *Arist. Ath. Pol. 28.2*), или кого-то из Алкмеонидов – например Мегакла, сына Гиппократы – одного из первых изгнанных остракизмом [42; 113], см. также: [37; 348], [5; 103]. Не исключено и то, что это мог быть и кто-то из менее известных представителей рода Алкмеонидов [13; 51 и сл.]. Что касается Фемистокла, который в 493 году до н. э. избирается архонтом [18; 55], то его нередко относят к числу потенциальных союзников Мильтиада. Основанием для этого служат антиперсидские устремления того и другого [6; 127]². Но есть и иные суждения. Нам известно приводимое Плутархом замечание Стесимброта о том, что Фемистокл, приковавший афинян к корабельным скамьям и веслам, «достиг... своей цели лишь после того, как одержал верх над Мильтиадом, возражавшим против его плана» (*Plut. Them. 4*, пер. С. Я. Лурье = *FgrHist. 107 F3*). Если речь здесь идет о так называемой «морской программе» Фемистокла, реализация которой относится к концу 80-х годов V века до н. э., то упоминание Мильтиада можно назвать ошибкой. А что, если речь здесь идет о более ранних событиях?³ Помимо Морской программы с Фемистоклом традиция связывает начало строительства гавани в Пирее (*Thuc. I. 93.3*)⁴. В таком случае разногласия между Фемистоклом и Мильтиадом можно отнести именно к этому периоду и связать их со строительством гавани в Пирее [10; 30]⁵. А если это так, то за организацией судебного процесса против Мильтиада можно видеть и Фемистокла.

Скудные источники, которыми мы располагаем, не позволяют выяснить окончательно, где же слушалось дело. Геродот, рассказывая об этом процессе, использует термин *δικαστηρίῳ*. На этом основании некоторые авторы делают вывод, что слушания проводились в *гелиэе*, или народном собрании, другие авторы указывают на ареопаг (см. [15; 192–193])⁶. Очевидно, что в данном случае имело место чрезвычайное заяв-

ление – *исангелия*, которая должна была рассматриваться ареопагом [36; 103 и сл.], [15; 201, 202]⁷. Мало того, именно ареопагом рассматривались обвинения в тирании (*Arist. Ath. Pol.* 8. 4, ср.: *Plut. Sol.* 19) [23; 74], [8; 308]⁸.

Любопытно другое. Даже если возбуждение данного процесса было связано с ареопагом, оправдательный приговор, надо думать, был вынесен в *дикастерии*, то есть, скорее всего, в *гелиэе* [2; 52]. Ареопаг при этом лишь подтвердил ранее вынесенное решение. А если учесть, что Мильтиад был оправдан афинянами, не удивляет и то, что вскоре ими же он был избран стратегом⁹.

Примерно в это же время судебному преследованию подвергся драматург Фриних. Его трагедия «Взятие Милета» вызвала настолько бурную эмоциональную реакцию афинян, что автор был оштрафован¹⁰. Причиной наказания, согласно Геродоту, было то, что автор напомнил афинянам об их собственных потерях (*Herod.* VI. 21). Рассказу о наложении штрафа на Фриниха Геродот предпосылает рассказ о глубокой скорби милетян по поводу взятия Сибариса кротонцами. «Совершенно по-иному, однако, поступили афиняне, которые, тяжко скорбя о взятии Милета, выражали свою печаль по-разному. Так, между прочим, Фриних сочинил драму “Взятие Милета”, и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы» (*Herod.* VI. 21). Правда, наказание драматурга вряд ли было только следствием охватившей афинян скорби. Мотивы этого могли быть сугубо политическими. Полагают, что *хорегом* при постановке трагедии выступил Фемистокл, цель которого, по мнению У. Форреста, состояла в том, чтобы настроить афинян против политики примирения с Персией [20; 235]¹¹. Если это так, то за наказанием Фриниха могли стоять противники Фемистокла – те, кто не стремился к конфликту с могущественной державой и, в частности, Алкмеониды¹². Но для нашего сюжета важно другое. Хотя инициирование процесса опять-таки могло быть связано с *исангелией*, а значит, с ареопагом, слушания, по-видимому, происходили в народном собрании или *гелиэе*. На это указывает упоминание афинян (*Ἀθηναῖοι*), которые привлекли Фриниха к ответственности.

Следующим стал очередной процесс против Мильтиада, состоявшийся в 489 году до н. э. После Марафонской битвы Мильтиад «потребовал у афинян 70 кораблей, войско и деньги, не сказав, однако, на какую землю собирается в поход. Мильтиад объявил только, что афиняне разбогатеют, если последуют за ним, а он, по его словам, поведет их в такую землю, где они легко добудут много золота» (*Herod.* VI. 132). Корней Непот излагает иную версию событий, согласно которой афиняне поручили Мильтиаду

захват островов: «После Марафонского сражения, – пишет он, – афиняне опять поручили Мильтиаду флот из семидесяти кораблей для наказания островов, помогавших варварам» (*Nep. Milt.* 1.7, пер. Н. Н. Трухиной).

Как бы то ни было, морская экспедиция стала для Мильтиада роковой: ему не удалось овладеть о. Парос и после возвращения в Афины он был привлечен к суду Ксантиппом. «Афиняне же, – по словам Геродота, – стали бранить Мильтиада по возвращении его с Пароса, и прежде всего Ксантипп, сын Арифрона. Он обвинил Мильтиада перед народом за обман афинян (*ὃς θανάτου ὑπαγαγὼν ὑπὸ τὸν δῆμον Μιλτιάδεα ἐδίωκε τῆς Ἀθηναίων ἀπάτης εἵνεκεν*)» (*Herod.* VI. 136) [15; 193–194], [2; 53 и сл.].

И вновь можно утверждать, что начало данного процесса было связано с *исангелией* (а значит, с ареопагом). Его инициатором, по-видимому, был Ксантипп, который, если верить Аристотелю, после Клисфена становится *протом* демоса (*Arist. Ath. Pol.* 28.2). Упоминание Геродотом демоса свидетельствует о том, что дело рассматривалось в *гелиэе* или народном собрании [15; 193–194], [5; 103]. В приведенном выше отрывке говорится, что Мильтиаду грозила смертная казнь (*θανάτου ὑπαγαγὼν*). Однако большинством афинян столь суровая мера наказания была отклонена. «При голосовании, – продолжим рассказ Геродота, – народ поддержал Мильтиада, отклонив смертную казнь (*προσγενομένου δὲ τοῦ δήμου αὐτῷ κατὰ τὴν ἀλόλυσιν τοῦ θανάτου*), но признал виновным и наложил пеню в 50 талантов» (*Herod.* VI. 136). Сократ в платоновском диалоге «Горгий» замечает, что Мильтиада предлагали сбросить в пропасть (баратр, или баратрон. – В. Г.), и сбросили бы, полагает он, если бы не вмешался притан (*Plat. Gorg.* 516 d, пер. С. Маркиш)¹³.

Последующие процессы связаны с именами Аристиды и Фемистокла, между которыми в 80–70-е годы V века до н. э. разворачивается ожесточенное политическое соперничество. В 80-е годы Аристид обретает наибольшую известность как народный судья – *гелиаст* (см.: [1]). Некоторые подробности судебной деятельности Аристиды мы узнаем от Плутарха. «Когда ему был поручен надзор за общественными доходами (*epimeletes*), он уличил в огромных хищениях не только лиц, занимавших государственные должности одновременно с ним, но и тех, кто занимал их прежде, в особенности Фемистокла» (*Plut. Arist.* 4, здесь и далее пер. С. Маркиш)¹⁴. В ответ на выпад Аристиды Фемистокл, «собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже и, как сообщает Идоменей, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность» (*Plut. Arist.* 4).

Если считать данные свидетельства достоверными, то в том и другом случае речь вновь

может идти об ареопаге, где рассматривались отчеты должностных лиц (*euthynai*) [15; 201, 202]. И Аристид, и Фемистокл использовали ареопак для инициирования судебных процессов. Но, как и в предыдущих случаях, можно предположить, что эти дела слушались в *гелиэ* или народном собрании. Трудно сказать, чем закончился первый процесс. Процесс же, начатый Фемистоклом, если верить Идоменею, был им выигран. Правда, «первые и лучшие», в которых можно, пожалуй, видеть ареопагитов, изменили ранее принятое решение.

На этом противостояние двух политиков не завершается. «Фемистокл, – продолжает Плутарх, – распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем – вот только что стражей не обзавелся» (*Plut. Arist. 7*). Фемистокл, очевидно, намекает на то, что Аристид установил едва ли не тиранию, подменив собой демократические институты.

С середины 70-х годов в адрес Фемистокла все чаще звучит критика. Наибольшие опасения Фемистокл вызывал у спартанцев. Его влияние и авторитет, которыми он продолжал пользоваться, в сочетании с ярко выраженной антиспартанской позицией не могли не пугать лакедемонян¹⁵. «Лакедемоняне, – замечает Диодор, – видя, что Спарта стала слабой из-за предательства Павсания, а афиняне пользуются уважением, потому что у них ни один гражданин не был обвинен в предательстве, решили выдвинуть подобного рода обвинения против афинян. Поэтому, поскольку Фемистокл у них был в почете и славился своей доблестью, лакедемоняне обвинили его в измене делу эллинов, утверждая, что он был большим другом Павсания и вместе с ним сообщал замышлял предать Элладу Ксерксу» (*Diod. XI. 54. 2–3*, здесь и далее пер. В. М. Строгнецкого). Таким образом, именно спартанцы, которые занимались расследованием деятельности Павсания, выступили с обвинениями и против Фемистокла. «Лакедемоняне, – продолжим рассказ Диодора, – вступили в контакт и с врагами Фемистокла, подстрекая их к тому, чтобы они выступили против него с обвинением, и дали им деньги, убеждая в том, что Павсаний, решив предать Элладу, сообщил о своем замысле Фемистоклу и предложил разделить с ним его намерение. Фемистокл же не принял предложение, но и не посчитал нужным разорвать дружбу с этим человеком. Тем не менее, хотя враги выступили с обвинениями против него, он тогда избежал осуждения» (*Diod. XI. 54. 2–5*).

Если верить Диодору, главным пунктом обвинения было лишь то, что Фемистокл своевременно не донес на Павсания. Обвинения в измене здесь пока еще не звучат. По-видимому, недонесение было не столь серьезным проступком, к тому же Фемистокл еще пользовался расположением демоса, что позволило ему опровергнуть выдвинутые обвинения. А если так, то можно

предположить, что ареопагиты не изменили вынесенного народом оправдательного приговора.

Такова была подоплека организованного против Фемистокла политического процесса, который вслед за Диодором можно датировать 471/0 годами до н. э. [27; 114, note 203]. Впрочем, сообщение о процессе, закончившемся оправданием Фемистокла, вызывает недоверие у исследователей¹⁶. Ниже мы еще обсудим эту проблему, а пока обратимся к другим сообщениям древних авторов.

Вскользь об этом процессе говорит и Аристотель, дополняя рассказ некоторыми неправдоподобными деталями. В частности, Фемистокл здесь оказывается союзником Эфиальта. По словам Аристотеля, Эфиальт в это время «добился устранения многих из ареопагитов, привлекая их к ответственности за действия, совершенные при отправлении обязанностей» (*Arist. Ath. Pol. 25. 2*). Содействие ему оказал и Фемистокл, который, «хотя и принадлежал к числу ареопагитов, должен был судиться за сношения с мидянами» (*Arist. Ath. Pol. 25. 3*).

Если этот процесс имел место в действительности, можно предположить, что его началом вновь стала *исангелия*, рассматривавшаяся, как мы говорили, ареопагом. Однако у нас есть основания полагать, что и это дело слушалось в народном собрании или *гелиэ*¹⁷. Быть может, именно к этому процессу относится рассказ Плутарха об Аристиде, проявившем великодушие по отношению к сопернику. «...Велика была и кротость, проявленная им по отношению к Фемистоклу, – рассказывает Плутарх. – Всю жизнь тот был его противником на государственном поприще, из-за него Аристид подвергся ostracismu, но когда Фемистокл, в свою очередь, попал в беду и предстал перед судом, обвиненный в преступлении против государства, Аристид забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид и не сделал, и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастью врага, как прежде не завидовал его благоденствию» (*Plut. Arist. 25*, пер. С. Маркиш). Упоминание Кимона не позволяет связывать этот процесс с ареопагом, членом которого он, возможно, не был¹⁸.

П. Грин склонен принимать сообщение Диодора, но хронологически связывает этот процесс с изгнанием Фемистокла по закону об ostracismе [27; 114, note 203]¹⁹. «Персы» Эсхила, поставленные в 472 году до н. э. (хорегом при этом был Перикл), считает он, были своего рода откликом на начавшиеся нападки на Фемистокла [27; 116]. Трагедия, как известно, напоминала о славной победе афинян у Саламина, которая была одержана благодаря Фемистоклу. Несмотря на возможную хронологическую близость этого процесса и изгнания Фемистокла по закону об ostracismе, П. Грин упускает из виду то, что последний, по словам Диодора, все же был оправдан.

Скажем несколько слов об остракизме Фемистокла. Назвать точную дату его изгнания не представляется возможным. В версии Диодора это произошло в архонтство Праксирерга, то есть в 471 году до н. э.²⁰ Возможно, изгнанию предшествовали новые, более серьезные обвинения, например в мидизме, то есть в предательстве. Однако исследователи обращают внимание на то, что вопрос о предательстве Фемистокла будет активно подниматься позднее – во время второго процесса, проходившего без участия Фемистокла – *in absentia*. Подобные обвинения, как правило, влекут за собой не изгнание, а осуждение на смерть [27; 116]. Возникли эти обвинения накануне изгнания, Фемистокл был бы приговорен к смерти. Следовательно, приходится подыскивать другие объяснения остракизма Фемистокла.

Если сказанное нами верно, причины изгнания кажутся не вполне ясными. Возможно, дело здесь не только в политических оппонентах. Если с доверием отнестись к сообщениям древних авторов, активность мог проявить и афинский демос. В источниках отмечается возросшее (вместе с ростом влияния) сомнение Фемистокла, что перестало нравиться народу. Хотя обвинения в адрес Фемистокла чаще всего звучали в ареопаге, членом которого он был [15; 198–199], немалую роль в ослаблении позиций Фемистокла и его изгнании все же мог сыграть и демос (см. также [21; 177]). «Так как уже и сограждане из зависти охотно верили разным наветам на Фемистокла, – замечает Плутарх, – ему приходилось поневоле докучать им в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах. <...> Он навлек на себя неудовольствие народа также и постройкой храма Артемиды, которую он назвал “Лучшей советницей”, намекая этим на то, что он подал городу и всем эллинам самый лучший совет, и к тому же построил этот храм близ своего дома в Мелите <...> ...Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение; так афиняне обыкновенно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и несовместимым с демократическим равенством. Остракизм был не наказанием, а средством утишить и уменьшить зависть, которая радуется унижению выдающихся людей и, так сказать, дыша враждой к ним, подвергает их этому бесчестью» (*Plut. Them.* 22, пер. С. Соболевского, ср.: *Dem.* 23. 205).

Об активности демоса в процессе изгнания Фемистокла говорит немалое количество найденных археологами *острака* с его именем. На сегодняшний день известно более двух тысяч *острака* с именем Фемистокла, а точнее 2264 [37; 279], [26; 235, note 72]. По их количеству Фемистокла можно поставить на второе место после Мегакла. Правда, следует учитывать, что вопрос о его изгнании как минимум дважды выносился на голосование. Первый раз – в конце

80-х годов, в разгар его соперничества с Аристидом. Поэтому установить, какое количество *острака* относится к данной остракофории, очень сложно. И все же приведенная цифра (даже если ее условно поделить пополам) достаточно внушительная и может свидетельствовать об активном участии демоса в изгнании Фемистокла. А нам остается только гадать, было ли тому причиной охлаждение афинян к своему лидеру или успешная пропаганда его врагов.

Однако и этого врагам Фемистокла показалось недостаточно. Вскоре, уже будучи изгнанным из Афин, он подвергся новым, правда, на сей раз заочным обвинениям. Некоторые исследователи полагают, что имела место *исангелия*, которая в данном случае рассматривалась не в ареопаге, а в народном собрании. Этот вывод делается на том основании, что сведения о процессе содержит отрывок из Кратера (*FgrHist* 342 F11), корпус которого представляет собой собрание *псефизм* (постановлений) народного собрания²¹. Однако не исключено и то, что процесс, как и в предыдущих случаях, был инициирован через ареопаг, но дело слушалось в народном собрании [40; 124, note 41]²².

Установить точную дату этих событий весьма сложно [2, 60–61]. Мотивами для возбуждения процесса становятся новые обвинения со стороны лакедемонян, а также активная антиспартанская деятельность Фемистокла в Аргосе [20; 237 и сл.]. «Изгнанный из отечества, – рассказывает Плутарх, – Фемистокл жил в Аргосе. Случай с Павсанием дал повод его врагам к выступлению против него. Обвинителем его в измене был Леобот, сын Алкмеона из Аглавры; в обвинении приняли участие также и спартанцы» (*Plut. Them.* 23, здесь и далее пер. С. Соболевского, ср.: *Diod.* XI. 54. 4). По-видимому, главными врагами Фемистокла в Афинах оказались Алкмеониды, действовавшие заодно со спартанцами и Кимоном. Правда, в источниках имеет место некоторая путаница. В биографии Фемистокла Плутарх говорит, что обвинителем был не Леобот, а Алкмеон – отец упомянутого Леобота, и Кимон (*Plut. Arist.* 25).

Основанием для повторных обвинений стали материалы, предоставленные лакедемонянами, расследовавшими дело Павсания [20; 237], [2; 58 и сл.]. Вот что пишет по этому поводу Фукидид: «Лакедемоняне, отправив послов к афинянам, обвиняли по делу Павсания вместе с ним в сочувствии к персам также и Фемистокла, доказательства чего они находили в показаниях против Павсания. Поэтому лакедемоняне потребовали подвергнуть такой же каре (то есть смерти. – В. Г.) и Фемистокла. Афиняне поверили этому (Фемистокл, изгнанный остракизмом, проживал в то время в Аргосе, но посещал также и другие места Пелопоннеса) и вместе с лакедемонянами, выражавшими готовность преследовать Фемистокла, послали несколько своих граждан с приказанием доставить его в Афины, где бы они с

ним ни встретились» (*Thuc.* I. 135. 2–3, пер. Ф. Мищенко). В этом сообщении мы слышим о прибытии в Афины лакедемонских послов (чего не было ранее), выступивших, надо думать, в народном собрании, и о самом серьезном внимании к нему со стороны афинян. О прибытии лакедемонских послов в Афины рассказывает и Диодор. «Они (послы. – В. Г.) также утверждали, что приговор за все преступления, совершенные против Эллады, нужно выносить не отдельно в Афинах, но на общем собрании эллинов, которое обычно созывалось в это время» (*Diod.* XI. 55. 4, пер. В. М. Строгеецкого). Фемистокл, по словам сицилийского историка, полагал, что принятые на этом собрании решения будут угодны лакедемонянам (*Diod.* XI. 55. 5).

Рассказ Плутарха отличается в некоторых деталях. «После казни Павсания, – пишет он, – были найдены кое-какие письма и документы, относившиеся к этому делу, которые набросили подозрение на Фемистокла. Подняли крик против него спартанцы, а обвинять стали завидовавшие ему сограждане. Его не было в Афинах; он защищался письменно – главным образом против прежних обвинений. В ответ на клевету врагов он писал согражданам, что он, всегда стремившийся к власти и не имевший ни способности, ни желания подчиняться, никогда не продал бы варварам и врагам вместе с Элладой и самого себя. Тем не менее народ поверил обвинителям и послал людей, которым велено было арестовать его и привести для суда в собрание эллинов» (*Plut.* Them. 23). Здесь также говорится, что суд должен был проходить не в Афинах, а на некоем собрании эллинов, о чем не говорит упоминавшийся выше Фукидид.

Есть смысл еще раз поставить вопрос о том, сколько же процессов было возбуждено против Фемистокла. Сведения, которыми мы располагаем, позволяет высказать следующие соображения. Предположим, что Фемистокл был осужден единожды – заочно, что могло быть связано с полученными лакедемонянами сведениями о предательстве Павсания. В таком случае информация о первом процессе – ошибка. Но в рассказе о первом процессе ничего не говорится о спартанских послых, а только об инструкциях неким врагам Фемистокла. Следовательно, первый процесс еще не имел столь солидного дипломатического подкрепления. Не было и документальных оснований для такой серьезной атаки на него. А кроме того, изгнанный из Афин Фемистокл, как оказалось, представлял не меньшую опасность для Спарты. Поэтому лакедемоняне были вынуждены серьезно им заняться.

Последний из рассматриваемых нами процессов связан с именем Кимона. Незадолго до своего изгнания по закону об ostracismе – возможно, в 463 году до н. э. – враги попытались привлечь Кимона к суду, но он был оправдан. «Изгнав персов и победив фракийцев, он подчинил весь Херсонес власти афинского государст-

ва, а затем, сразившись на море с фасосцами, отпавшими от афинян, захватил тридцать три корабля, осадил и взял город, а сверх того, приобрел для афинян находившиеся по другую сторону пролива золотые рудники и овладел всеми бывшими под управлением фасосцев землями. Отсюда он легко мог бы напасть на Македонию и отторгнуть значительную часть ее. Считали, что он не захотел этого сделать, и обвинили его в том, что он вошел в соглашение с царем Александром и принял от него подарки. Враги объединились, и Кимон был привлечен к суду» (*Plut.* Cim. 14, здесь и далее пер. В. В. Петуховой, ср.: *Arist.* Ath.Pol. 27.1).

У Демосфена есть упоминание о том, что Кимон был оштрафован на 50 талантов за попытку изменения государственного строя – *patrios politeia* (*Dem.* XXIII. 205). Это, по-видимому, следует считать ошибкой. Подобный штраф мог быть наложен, скорее, на отца Мильтиада, который, как известно, привлекался к суду как тиран Херсонеса [37; 335], [12; 28]²³.

Итак, объединившись, враги Кимона, к числу которых следует, по-видимому, отнести лучшего реформатора Эфиальта и его сторонников, возбудили против него судебный процесс. Негативным фоном для процесса могло стать раздражение народа, вызванное гибелью в 464 году до н. э. афинских колонистов, поселившихся близ местечка, именуемого Девять путей (позднее – Амфиполь). Ведя военные действия во Фракии, они были разбиты фракийцами близ Драбеска (*Thuc.* I. 100, 3, IV. 102.2; *Diod.* XI. 70, 5, XII. 68, 1).

Формальной причиной для преследования стали действия Кимона в Македонии, хотя, как резонно замечает Р. Бауман, приказа или решения о захвате Македонии у Кимона не было [12; 28]. Неясны некоторые юридические детали начатого процесса. Скорее всего, Кимон, как сообщает Аристотель (*Arist.* Ath.Pol. 27.1), был привлечен к ответственности во время сдачи им должностного отчета (*euthyna*) [12; 28]. Подобные отчеты, как известно, принимались ареопагитами. Возможно, имела место *исангелия*, но слушания проходили в народном собрании или *гелиэе* (*Plut.* Cim.14, Per.10) [12; 28]²⁴, причем выдвинутые обвинения были столь серьезными, что могли повлечь за собой смертный приговор (*τὴν θανάτικὴν δίκην ἔφευγεν* – по словам Плутарха) (*Plut.* Per.10).

Упоминание общественных обвинителей, самым влиятельным из которых (*ὁ σφοδρότατος*), по словам цитируемого Плутархом Стесимброта, был Перикл, указывает на то, что слушания происходили на заседаниях народного собрания или в *гелиэе*. Правда, Перикл оказался не самым строгим из судей. Плутарх находит этому свое объяснение. «Упомянув о процессе, – говорит он, – Стесимброт рассказывает, что Эльпиника, решившись ходатайствовать за Кимона перед Периклом как перед самым влиятельным из об-

винителей, пришла к нему домой, а тот, улыбувшись, заметил ей: «Стара ты стала, Эльпиника, чтобы братья за такого рода дела»; однако же в суде Перикл был очень снисходителен к Кимону и выступил против него только однажды, да и то как бы по обязанности» (*Plut. Cim.* 14). На этом процессе, дополняет свой рассказ Плутарх, Перикл «только раз выступил с речью, лишь формально исполнив возложенное на него поручение, и ушел, меньше всех обвинителей повредив Кимону» (*Plut. Per.* 10).

Очевидно, что Перикл не был суровым гонителем Кимона. В это время он, как полагают некоторые исследователи, был теснее связан с Кимом, чем это могло показаться на первый взгляд (см. [12; 28], а также [16; 58]). Дело, пожалуй, в том, что и тот, и другой имели связи с семейством Алкмеонидов²⁵. Возможно, еще и поэтому, а не только благодаря ходатайству сестры Кимона Эльпиники, Перикл проявил мягкость по отношению к Кимону²⁶. Впрочем, причина снисходительности Перикла могла крыться еще и в том, что Кимон был чрезвычайно популярен в Афинах [33; 18].

«Защищаясь перед судьями (πρὸς τοὺς δικάστας), Кимон говорил, что он связал себя узами гостеприимства и дружбы не с ионянами и не с фессалийцами, людьми богатыми, как это делали другие, чтобы за ними ухаживали и подносили им дары, а с лакедемонянами, любит и старается перенять их простоту, их умеренность жизни, никакого богатства не ценит выше этих качеств, но, сам обогащая государство за счет его врагов, гордится этим» (*Plut. Cim.* 14). Итого этого процесса, рассказывает Плутарх, было оправдание (*Plut. Cim.* 15). Если в упоминаемых Плутархом судьях видеть гелиастов, то следует предположить, что оправдательный приговор был вынесен еще в *гелиэе*.

Возможно, оправдательный приговор по делу Кимона был вынесен благодаря вмешательству ареопага, как полагают некоторые современные авторы [36; 105], [37; 287, 312], [15; 203, note 54]²⁷. Действительно, ареопагиты обладали таким правом и могли оправдать Кимона, поскольку именно в ареопаге заслушивались отчеты должностных лиц. К тому же ареопаг в это время имел возможность влиять на решения народных судов и даже отменять их. Ранее ареопагом был оправдан Аристид, привлеченный к ответственности Фемистоклом (*Plut. Arist.* 4).

Считается даже, что вмешательство ареопага в дело Кимона станет впоследствии поводом для проведения Эфиальтом демократических реформ [36; 105], [37; 287, 312], [15; 203, note 54]. Однако сказанное Плутархом свидетельствует о том, что народные судьи (а возможно, и *гелиэя*), несмотря на суровость обвинения, не склонны были применять крайние меры. Безусловно, можно предположить, что ареопагиты не оставались безучастными к судьбе представителя знатнейшей афинской фамилии. Не исключено и

то, что в период слушаний имело место противостояние сторонников и противников Кимона. Однако у нас нет достаточных оснований предполагать открытое вмешательство ареопага в судебный процесс, поскольку оправдательный приговор, подтвержденный затем ареопагом, скорее всего, был вынесен в *гелиэе*. Иначе говоря, в этом деле противостояния народного суда и ареопага могло и не быть. Это означает, что неудачная попытка привлечь к ответственности Кимона вряд ли могла быть поводом для реформирования ареопага Эфиальтом.

Попробуем подвести некоторые итоги. Возможно, упомянутые выше судебные процессы начинались с чрезвычайных заявлений – *исангелий*, рассматривавшихся ареопагом, но главные слушания проходили в народном собрании или *гелиэе*, которые и выносили окончательное решение. Народное собрание или *гелиэю* следует, пожалуй, видеть в тех случаях, когда античные авторы говорят об «афинянах», «демосе» или *дикастерии*²⁸. Ареопагиты, возможно, лишь присоединялись к решению народа. Только в одном случае – в деле Аристида – их решение противоречило решению афинян.

В чем же здесь дело? Почему народное собрание или *гелиэя* на равных участвует в рассмотрении этих дел? Быть может, ареопаг утратил (или постепенно утрачивал) право вести дела по *исангелиям*? И. Е. Суриков полагает, что они стали рассматриваться в народном собрании (или *гелиэе*) еще до реформы Эфиальта²⁹. Т. В. Кудрявцева, анализируя судебные процессы V века до н. э., также высказывает предположение, что некоторые из судебных дел, инициированных через *исангелии*, рассматривались народным собранием или *гелиэей* (см. [2; 65]). Но почему это происходило? Исследователи предполагают, что уже в это время существовало установление, согласно которому наиболее важные решения, в том числе и судебные, не могли выноситься без рассмотрения демоса – «без большинства народа» (*aneu demou plethuon*)³⁰. Другими словами, судебные разбирательства, инициируемые по *исангелиям*, а значит, ареопагом, проходили в *гелиэе* или народном собрании. В этом можно видеть наглядное свидетельство роста политического значения демоса и перемен, наметившихся после реформ Клисфена.

Однако в связи со сказанным выше возникает еще один вопрос, решение которого, правда, выходит за рамки данного исследования. Чем в таком случае была вызвана реформа Эфиальта? Мы уже говорили, что причину реформирования ареопага некоторые исследователи усматривают в его предполагаемом вмешательстве в дело Кимона [37; 312], [15; 205]. Если сказанное выше верно, то обнаружить следы подобного вмешательства крайне затруднительно. В таком случае причины реформирования ареопага остаются не до конца понятными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В этой работе мы намерены развить некоторые идеи, ранее высказанные в работах М. Оствальда [32], [33].
- ² П. Бикнелл допускает существование между ними семейных связей [14].
- ³ Дж. Уэллс, с недоверием относящийся к Стесимброту, считает сам факт разногласий заслуживающим доверия [42; 122].
- ⁴ Строительство гавани в Пирее в 493 году до н. э. было вызвано начавшейся борьбой с эгинетами (Thuc. I. 93.3, ср.: Plut. Them. 4; см. также: [25; 71, note 29], [10; 28–30]).
- ⁵ Быть может, поэтому начатые в Пирее работы, как считает Р. Гарланд, остались незавершенными [24; 19].
- ⁶ Т. Фигейра полагает, что поводом для преследования стало стремление расставить политические точки над «i» – указать одному из лидеров «княжеского типа» на приоритет народного собрания [19; 278]. Обзор существующих точек зрения приводится в [2; 50 и сл.].
- ⁷ Т. В. Кудрявцева полагает, что в данном случае могла иметь место исангелия, правда, рассматривавшаяся в народном собрании [2; 52].
- ⁸ Э. Рушенбуш считает сказанное Аристотелем (Arist. Ath. Pol. 8.4 и 16.10) частями одного закона, касавшегося тирании [39; F37 a-b].
- ⁹ Н. Хаммонд полагает, что Мильтиад был избран всем народом, а не одной из фил [28, 119].
- ¹⁰ Э. Кэрвэн датирует процесс 492 годом до н. э. [15; 194–195], см. также [2; 49–50].
- ¹¹ Исследователи говорят и о возможных религиозных мотивах наказания Фриниха [см.: 2, 50].
- ¹² М. Оствальд считает, что Фемистокл мог встретить серьезное сопротивление со стороны тех, кого источники называют «друзьями тиранов» [31; 132]. И. Е. Суриков называет молодого Фемистокла участником группировки Алкмеонидов [7; 350]. Правда, такой вывод делается им лишь на том основании, что Фемистокл был родом из паралийского дема Фреарры, где, как считает автор, были сильны позиции Алкмеонидов.
- ¹³ В связи с этим высказывается предположение, что Мильтиад был осужден на основании так называемой псефизмы Канона об осуждении лиц, виновных в оскорблении афинского народа, которая, таким образом, датируется 90-ми годами V века до н. э. [2; 56–57].
- ¹⁴ Р. Девелин допускает, что Аристид занимал должность эпимелета и относит это ко времени, предшествующему Саламинской битве [18; 60]. Некоторые авторы все же склонны отвергать данный факт на том основании, что должности эпимелета еще не существовало (см. [15; 201–202]). Э. Караван высказывает предположение, что речь может идти о надзоре за взиманием фороса. Правда, в этом случае данный эпизод следует отнести к более позднему времени.
- ¹⁵ Кроме того, мог получить огласку, как полагает П. Грин, план Фемистокла по уничтожению союзного флота, что превратило бы Афины в безусловного лидера [27; 114, note 203].
- ¹⁶ С недоверием к этому сообщению относится, в частности, В. М. Строгеецкий [3; 26–27], см. также [2; 61–62].
- ¹⁷ М. Оствальд говорит о народном собрании [34; 147–148, 151].
- ¹⁸ Информация, которой мы располагаем, заставляет усомниться в том, что Кимон был ареопагитом, поскольку мы ничего не знаем об избрании его архонтом.
- ¹⁹ У. Р. Коннор, поддерживаемый Ф. Фростом, считает обвинения в адрес Фемистокла следствием внутриродового соперничества [17], ср. [22; 193–194].
- ²⁰ Э. Кивни доверяет сообщению Диодора [30; 104–112]. П. Грин называет весну 470 года до н. э. [27; 116, note 205]. (О дате остракизма см. также: [38; 34–35], [9; 137–138, 333 и сл.].) К рассказу об изгнании Фемистокла Диодор добавляет несколько общих замечаний об остракизме в Афинах. При этом он ошибочно утверждает, что изгнанные по этому закону удалялись из Афин на пять лет (Diod. XI. 55. 2). На этом основании некоторые исследователи, опираясь на приведенное выше сообщение Аристотеля о сотрудничестве Фемистокла и Эфиальта (Arist. Ath. Pol. 25. 2–3), высказывают предположение, что Фемистокл вернулся в Афины в 465 году до н. э. и вместе с Эфиальтом участвовал в нападках на ареопаг [27; 116, note 206].
- ²¹ Обзор точек зрения см. в [2; 59].
- ²² П. Родс и Р. Бауман считают, что дело слушалось в ареопаге [35; 201], [12; 27].
- ²³ То, что говорит Демосфен, с недоумением отмечает Р. Бауман, никак не связано с македонским делом Кимона [12; 28].
- ²⁴ М. Хансен полагает, что это был процесс по исангелии, декретом народного собрания перенесенный в гелиэю [29; 46, 71], см. также [2; 63–64].
- ²⁵ В этой связи можно назвать Метиоха, получившего известность как сторонника Перикла (Plut. Mor. 811 и сл.). Такое же имя, согласно Геродоту, носил сводный брат Кимона (Herod. VI. 41) [16; 61]. Даже если это не одно и то же лицо, перед нами явное свидетельство связи двух семейств.
- ²⁶ Позднее мы еще раз услышим об Эльпинике. Перикл, если верить Плутарху, заключит с ней тайное соглашение, по которому возвращавшийся из изгнания Кимон должен был сразу же отправиться в очередную морскую экспедицию (Plut. Per. 10); см. также [41; 150].
- ²⁷ Участие в этом деле ареопагитов, по мнению Р. Баумана, подтверждается тем, что Кимон впоследствии будет активным противником реформы Эфиальта, лишившей ареопаг многих полномочий [12; 29].
- ²⁸ Анализ см. [32; 30 и сл.], [40; 124].
- ²⁹ Он полагает, что рассмотрение исангелий было передано народному собранию на рубеже VI–V веков до н. э. [4; 32].
- ³⁰ Речь идет об анализе положений, зафиксированных в надписи IG I3 105. М. Оствальд связывает это установление с реформами Клизфена и исономией, Ф. Райан – с реформами Солона [33; 14 и сл.], [40].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории.
 CQ – The Classical Quarterly.
 CSCA – Californian Studies in Classical Antiquity.
 G&R – Greece and Rome.
 GRBS – Greek, Roman, and Byzantine Studies.
 JHS – The Journal of the Hellenic Studies.
 TAPA – The Transactions and Proceedings of the American Philological Association.
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гушин В. Р. Аристид и афинские суды // Политическая история и историография. От античности до современности. Петрозаводск, 2007. С. 25–32.
2. Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.
3. Строецкий В. М. Диодор Сиционский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI. 39–47, 54–59): Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 3–29.
4. Суриков И. Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.
5. Суриков И. Е. Ксантипп, отец Перикла. Штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. М.: Магнитогорск, 1999. С. 100–109.
6. Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 118–130.
7. Суриков И. Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 342–364.
8. Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 351 с.
9. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. 640 с.
10. Шувалов В. В. Морская программа Фемистокла // ВДИ. 2006. № 2. С. 24–42.
11. Шуллер В. Афинская демократия и Афинский морской союз // ВДИ. 1984. № 3. С. 49–59.
12. Bauman R. Political Trials in Ancient Greece. London & New York, Routledge, 222 p.
13. Bengtson H. Einzelpersönlichkeit und athenische Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. Sitzungsberichte der Bayerische Akademie der Wissenschaften zu München, 1939. 122 s.
14. Bicknell P. J. Themistocles' Father and Mother // Historia. 1982. Bd. 31. H. 2. P. 161–173.
15. Carawan E. Eisangelia and euthyna: the trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. Vol. 28. № 2. P. 167–208.
16. Connor W. R. The New politicians of Fifth-Century Athens. Princeton UP, 1971. 218 p.
17. Connor W. R. Lycomides against Themistocles? A note on intragenos rivalry // Historia. 1972. Bd. 21. H. 4. P. 569–574.
18. Develin R. Athenian Officials. 684–321 B. C. Cambridge UP, 1989. 556 p.
19. Figueira T. J. Xanthippos, Father of Perikles, and Pritaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd. 35. H. 3. P. 257–279.
20. Forrest W. G. Themistocles and Argos // CQ. Vol. 10. 1960. № 2. P. 221–241.
21. Forsdyke S. Exile, Ostracism and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton UP, 2005. 344 p.
22. Frost F. J. Plutarch's Themistocles. A Historical Commentary. Princeton UP, 1980. 240 p.
23. Gagarin M. The thesmothetai and the earliest Athenian tyranny law // TAPA. 1981. Vol. 111. P. 71–77.
24. Garland R. The Piraeus. London, Routledge, 1987. 280 p.
25. Gouschin V. Athenian synoikism of the Vth century B. C., or two stories of Theseus // Greece & Rome. 1999. № 2. P. 168–187.
26. Gouschin V. Athenian ostracism and ostraka: some historical and statistical considerations // Greek history and epigraphy. Swansea, The Classical Press of Wales, 2009. P. 225–250.
27. Green P. Diodorus Siculus. Book 11 – 12.37.1. Greek History 480–431 B. C. The Alternative Version. Austin: University of Texas Press, 2006. 312 p.
28. Hammond N. G. L. Strategia and hegemonia in Fifth-Century Athens // CQ. Vol. 19. 1969. № 1. P. 111–144.
29. Hansen M. Eisangelia. The Sovereignty of the People Court in Athens in the Fourth Century B. C. and the Empeachment of Generals and Politicians // Odense University Classical Studies. Vol. 5. 1975. 136 p.
30. Keaveney A. The Life and Journey of Athenian Statesmen Themistokles (524–460 B. C.?) as a Refugee in Persia. Lewiston: E. Mellen Press, 2003.
31. Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford: Greenwood Press, 1969. 228 p.
32. Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley: University of California Press, 1986. 500 p.
33. Ostwald M. La Démocratie athénienne. Réalité ou illusion? // Metis. 1992. Vol. 7. № 1. P. 7–24.
34. Ostwald M. The Areopagus in the Athenaion Politeia // Aristote et Athènes. Paris, 1993. P. 139–153.
35. Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxford: The Clarendon Press, 1972. 352 p.
36. Rhodes P. J. Eisangelia in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 109–114.
37. Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford: The Clarendon Press, 1993. 809 p.
38. Rhodes P. J. A History of Classical Greek World. 478–323 B. C. London: Wiley-Blackwell, 2005. 457 p.
39. Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, Historia Einzelschriften 9, F. Steiner Verlag, 1966. 140 s.
40. Ryan F. X. The original date of the demos plethun provisions of IG I3 105 // JHS. 1994. Vol. 114. P. 120–134.
41. Sealey R. The Entry Pericles into History // Idem, Essays in Greek Politics. N. Y.: Manyland, 1967. P. 59–74.
42. Wells J. Studies in Herodotus. Oxford: Blackwell, 1923. 232 p.

УДК 39 3.9

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии Северо-Запада, Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)
olga_fishman@mail.ru

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА МИКРОЛОКАЛЬНОЙ ГРУППЫ (ТИХВИНСКИЕ КАРЕЛЫ)

Статья посвящена выявлению объективных и субъективных факторов формирования природно-хозяйственной среды обитания тихвинских карел, с XVII века населяющих Тихвинский уезд Новгородской губернии (современный Бокситогорский район Ленинградской области). Архивные и полевые авторские материалы анализируются в русле междисциплинарной проблемы культурного освоения переселенцами нового жизненного пространства и установления системы его границ. Определены базовые концепты новой родины: лес, озеро, болото, река, подсека.

Ключевые слова: карелы, мигранты, природно-хозяйственная среда, факторы формирования, граница, концепты, XVII–XX века

Тихвинскими карелами в научной литературе принято называть тех карел, которые переселились в Тихвинский край Новгородчины после подписания Столбовского мира 1617 года со Швецией. Первая миграционная волна относится к 1630-м годам, когда карелы фиксируются на землях Тихвинского монастыря, вторая, согласно документам, отмечает их поселение на погосте Озереве в верхнем течении реки Чагоды 1656 годом. Современная историческая память отличает их как старо- и новопоселенцев.

На основании корпуса документальных, историко-археологических и собранных нами полевых данных (включая топографическо-натурные исследования) на территории расселения тихвинских карел-мигрантов было предпринято выявление объективных и субъективных факторов, способствовавших организации ими на новом месте поселения (Тихвинский край – Тихвинский уезд Новгородской губернии – современный Бокситогорский район Ленинградской области) структуры собственного жизненного пространства и установлению целостной системы его границ.

Базовыми для постановки многоаспектной проблемы культурного освоения переселенцами новой природной среды, анализа характера связей, которые существовали и существует между потребностями этнолокального коллектива в создании и функционировании среды обитания, являются три положения: 1) каждой этнической культуре присущ индивидуальный способ видеть и познавать природу (О. Шпенглер) [22]; 2) ведущим признаком карельской культуры являются ее «природоподражательность» (термин В. П. Орфинского) и природоукорененность, основанные на лесной зонально-климатической ориентированности; 3) «корельские выходцы» обладали гибкой системой жизнеобеспечения лесо-таежного типа с высоким уровнем адаптации к окружающей среде. В настоящей статье

акцент будет сделан на факторах и способах создания природно-хозяйственных границ микро-этнолокальной группы на основании современного дискурса границы как феномена общественной жизни.

Согласно отрывочным сведениям, опубликованным в отдельных листах Новгородских писцовых книг (НПК) за 1564 год, о «волости в Езерево (Озереве. – О. Ф.) на реке Чядогоще», здесь находились восемь одно- и трехдворных деревень: «В поместье за Олексаем за Григорьевым сыном Ефимчева», а позже за его сыном Ширяем и «ширяевыми детьми». Названия некоторых из них существуют в современной топонимике юго-восточной части бывшего Георгиевского прихода в Озереве (Онисимово, Корзово, Горка, Городец, Мельница Еванцево). В неопубликованной части писцовых книг Бежецкой пятины К. А. Неволин приводит сведения о том, что в 1581–1583 годах в Егорьевском (Георгиевском) погосте «за старыми и новыми помещики в поместьях и порожжих землях и монастырской земли» значились 10 селений живущих и 126 пустошей [13; 1–4]. Погост Озереве был основан на месте средневекового селища, вокруг которого сосредоточен массив археологических памятников бассейна р. Чагоды (пять сопок, курган, курганно-жальничные захоронения), которые называются «порицкими / порецкими курганами» и связываются в легендах со временем польско-литовской войны. Водным путем через р. Соминку и сухопутным – через Суглицкий погост Озереве связывалось с Тихвинской и Устюженской дорогами, соединявшими Приладжье и Верхневолжье. Ряд косвенных свидетельств говорит о том, что карельское заселение шло через Озеревский погост, хотя не менее древняя водная дорога пролегла через систему волоков между слабозаселенным верховьем Чагоды и р. Воложбой (бассейн р. Сясь)¹.

Опираясь на собственный набор компонентов, организующих структуру жизненного пространства, на новом месте поселения карелы создали и свою систему границ. Современные исследования границы как феномена общественной жизни основаны на двух интерпретациях границы: территориальной и социально-культурной.

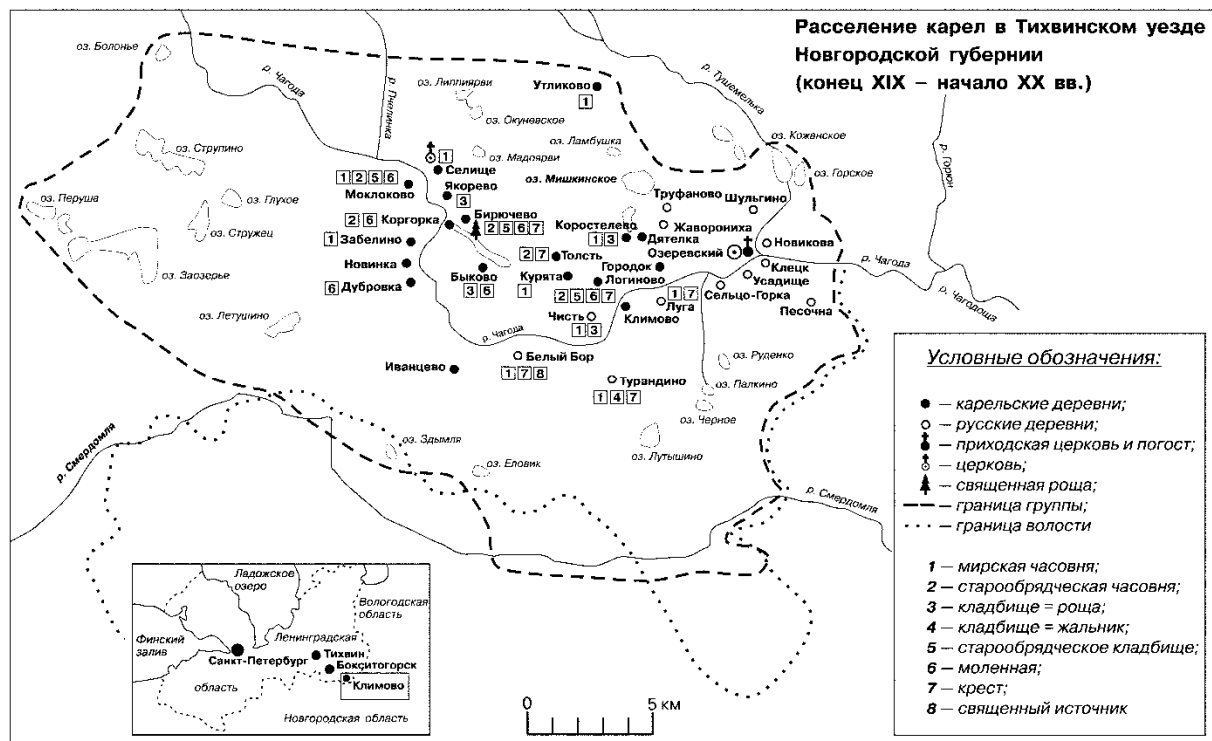
Территориальная интерпретация подразумевает принципиальную возможность выразить границу символически на местности. Это политические, административные, владельческие, региональные, этнические и этнографические границы. Но последние три имеют и явное социально-культурное выражение, что подразумевает «принципиальную возможность для человека выделить, ограничить себя в социуме с помощью определенных культурных символов того или иного типа общности». Однако и здесь все не так однозначно, так как не каждая групповая граница, которую может поддерживать человек, имеет социально-культурный характер [8]. Так, границами этнолокальной группы тихвинских карел являются и природные факторы: реки, болота, озера, возвышенности, леса, приобретшие символический характер в ходе процесса заселения и в силу устойчивости этнической самоидентификации.

Конфигурация зоны карельских поселений представляет собой вытянутый на 20 км в широтном направлении восток – северо-запад узкий клин освоенной поймы вдоль обоих берегов Чагоды. 17 деревень компактно расположены тремя группами на расстоянии от 1 до 5 км друг

от друга. С севера, запада и юга их ограничивают обширные лесные и болотные пространства протяженностью до 15 км и более; к юго-востоку и востоку от карельских деревень находятся русские поселения. В силу такой особенности географии расселения этнические границы группы приближены к каждой из деревень. С течением времени они менялись: расположение на востоке волости административного и приходского центров, компактного массива русских деревень предопределяло сокращение прежней карельской территории именно в этой ее части [2; 1–5 об], [3; 32 об], [5; 43–47].

На востоке естественной и хозяйственной границей были озера Руденко, Палкино, Черное, Лутышино и Горское; последнее принадлежало жителям русской деревни Горское (Мартинова Гора). Здесь же, вокруг погоста Озеревский (Егорьевский погост в Озерево), располагался основной массив русских деревень. Карельскими в XIX веке были Городок, Дятелка и Коростылево. Дятелское озеро находилось в совместном владении карел и русских деревни Труфаново.

На юге граница карельских владений проходила отчасти по левому берегу реки Чагода, так как на противоположном берегу были расположены русские деревни – Турандино, Белый Бор и др. К юго-западу в болотной малонаселенной зоне хозяйственные угодья простирались и на правый берег Чагоды до деревень Маренно / Марённо и Жилой Бор, включая озера Еловик (Jelovikka), Здымля (Diml'ä), Лутышино, Заозерье (Zaozer'ejärvi), Клоны, Перуша (см. рис.).

Расселение карел в Тихвинском уезде Новгородской губернии (конец XIX – начало XX века)

В первой трети XX века здесь, как нам представляется, на местах позднесредневековых русских деревень XVI века [10], [12; 102], были обустроены карельские хутора: Jovanča – Иванцево (ср.: Мельница Еванцева по документам XVI века), Косогоры, Цапля.

К северу от карельских деревень простиралась полоса болот и лесов, маркированных карельскими географическими терминами и, соответственно, лесными и промысловыми угодьями – Madojärvi; Ahvenlammi; Lippijärvi; Мишkinsкое (Большое) и Коженское озера. Самая северная карельская деревня, удаленная от основного массива по Чагоде, – Утливо.

Северо-западная граница группы, складывавшаяся в первые десятилетия после переселения в XVII веке как зона исключительно природно-хозяйственного внедрения и освоения, со временем, во всяком случае в XIX веке, приобрела черты этноконфессиональной границы со своими центрами «стягивания» разнотерриториальных святынь. Эта граница группы не совпадала с административной – волостной – и доходила до урочищ Буян и Опоки, озер Быково, Болонье и Струпино – *Струпино*, где каждая семья, промышлявшая рыбой, имела свой участок, называвшийся по имени / прозвищу хозяина – *Крымской лахта* (от фамилии Крымский), *Смоло лахта* (от прозвища Смол), *Попиленкова пристань* (от фамилии Попиленков) и т. д. В 1920-е годы – время хуторского землеустройства – были основаны хутора *Шагай*, *Топтыгин*, *Спирка* (по фамилии / прозвищу владельца), Струпино, Опоки. Именно здесь преобладает карельская микропонимия.

В настоящее время существуют три микролокальных круга карельских деревень. Первый – на востоке карельского локуса, сами жители называют его *Русь / Рузь*: «нас и за карел не считали» (деревни Коростелево, Дятелка, Утливо, Городок, Бережок, Курята, отчасти Логиново).

Второй, прямо противоположный круг деревень называется *Глухая Корела*, что синонимично понятию «настоящая Корела». Число деревень, относимых к ней, меняется в зависимости от того, жители какой деревни называют их *Глухой Корелой* и какой смысл они вкладывают при этом в само понятие. Самый простой определитель – географический: удаленная группа карельских деревень вверх по Чагоде, включающая в себя как старо-, так и новопоселенческие – Моклаково, Забелино, Новинка, Дубровка, Селище. Другие информаторы, памятуя об истории заселения, включают в этот ряд старокарельские деревни Бирючово и Коргорку.

Третий – промежуточный между *Глухой Корелой* и *Русью* – круг образуют старопоселенческие деревни Толсть, Курята, Логиново; две последние некоторыми современными людьми считаются *Русью*, так как число местных старожилов в них весьма ощутимо сократилось в последние десятилетия. Жители *Глухой Корелы*

называют их *те края*, и многие пожилые женщины крайне редко здесь бывали.

Современная оценка степени сохранения «карельского», на которой основывается отличие деревень, свидетельствует о важности этнической идентификации для тихвинских карел. Каждый из этих микролокусов имел свои брачные круги, собственные культовые и сакральные центры.

Сложению каждого из трех выделяемых карелами микролокальных кругов во многом способствовала географическая удаленность отдельных групп деревень друг от друга, история заселения (старо- и новопоселенцы), различная степень экономической зависимости (помещичьи, государственные крестьяне), существовавшая в XIX веке система поземельных общин, зачастую объединявшая карельские и русские деревни.

Двумя основными факторами для создания поселения были наличие пригодных пашенных, сенокосных и пастбищных земель, которые, как правило, соответствовали угодьям позднесредневековых поселений, и освященность этих мест реальными и легендарными свидетельствами. Принцип хозяйственно-сакральной преемственности универсального свойства отчетливо просматривался в карельской поселенческой системе: деревни первой волны переселения были построены на месте или рядом со средневековыми жальничными захоронениями (Моклаково, Коргорка, Логиново) [10; 23–24]. Тот же принцип использовался и в XIX–XX веках при создании деревень (Коростелево, Дятелка) и при переселении на хутора (Иованча, Солмов, Косогоры и др.). В народной памяти отчетливо сохранились названия деревень, которые были здесь до «Литвы» или во «времена Литвы» (предков), а ныне сохранились как сельскохозяйственная топонимика: «ранние люди» жили в Лубенихе, Мартыново, Горке, Присое, Жарово, Поделье, «на этих полянах находили, когда пахали, жернова для размолы, куски жженого железа» [4; 37]. С *Литвой* связаны и названия пашен, пожен, курганов, сопков, кладбищ = жальников. Собранные данные говорят, что информация о местной топонимической системе включает мотивационную рефлексию относительно причин происхождения названий.

Русские названия деревень бытуют в фонетически адаптированном виде. Ранее было установлено, что часть из них – старые топонимы, унаследованные переселенцами от русского населения, остальные, хотя и обозначают поздние, образованные на новых местах карельские поселения, также русского происхождения [23; 76].

Исходя из установленной зависимости между микропонимией и потребностями небольшого численно и территориально ограниченного коллектива [11; 110], были проанализированы природно-хозяйственные топонимы и особенности их локализации в околоселенском и хозяй-

ственном локусах, что позволило установить устойчивость весьма архаичной системы освоения природного пространства, свидетельствующей о специфической лесной составляющей ментальности и образа жизни тихвинских карел. Это карельские топонимы, отражающие особенности местного лесного и водного ландшафта, сохранение части топонимической модели, связанной с подсечной системой земледелия при явно преобладающей русской географической терминологии.

Согласно местным преданиям, вторая волна переселенцев конца XVII века вынуждена была двинуться в северо-западном направлении по верхнему течению Чагоды, и здесь естественной преградой для дальнейшего освоения стали непригодные для земледелия болота и *глухая тайга*. Именно в этой зоне фиксируется основной, а в ряде позиций и преобладающий над славянской пласт карельской микротопонимики.

Оценка переселенцами физико-географических условий новой родины как близких Карелии способствовала использованию карельской лексики для обозначения нового пространства. О сохранности понятия 'бор' (*kangaš*) – хвойный (преимущественно сосновый) лес, расположенный на высоком сухом месте, – свидетельствует то, что эта лексема употребляется для наименования окрестных лесных массивов³ [17]. Таким образом, выделяются хвойные леса около деревень – *dubro'van kangaš* (дубровский бор), *moklokovon kangaš* (моклаковский) и т. п., в то время как лиственные леса названы по преобладающей породе деревьев: *koivikko* – 'березняк', *gano vičča* от *gano* – имя собственное / прозвище + *vičča* – 'лозняк', *haavikko* – 'осинник', *l'epikkö* – 'ольшаник', *gaajikko* – 'ивняк' и т. п.

Основа местной гидрографической номенклатуры в зоне карельского расселения – безусловно русская [16; 226–227]. Бассейн р. Чагоды (Čuagoda) с левыми притоками – р. Тушемелькой (Tušemel'ka), р. Пчелинкой (Čel'in'ka, Čel'inän'e), р. Веткой (Vietka); правыми притоками – р. Корзовкой (Korzovka) с впадающими в нее Белым ручьем (Valgioja – пер. с русского), а также Забелинским ручьем (Zabil'nänoja); лесная речка Линёнка (на картах конца XIX века – Ленинка) и протока Узменка, соединяющая так называемые Горские озера. Наряду с этим в западной части карельского ареала имеются карельские топонимы с основой на -oja: *Laršioja* – 'детский ручей', *Mištaoja* – 'черный ручей' (может быть, это калькированный перевод с русского), *Viluoja* – 'холодный ручей', *Ihonoja* от *iho* – 'лицо', *huoba oja* / *gučča*. Изредка используется слово *jovut* – 'речка'.

«Анализ гидронимов показывает, что названия ручьев, ламб, озер и болот у тихвинских карел имеют, как правило, прибалтийско-финский облик» [9; 78]. Этот вывод эстонского ученого Я. Ёйспу можно принять с серьезной территориально-ограничительной поправкой: в окрест-

ностях Селищ (где эстонскими лингвистами был собран материал и большая часть топонимов В. Д. Рягоева) и в соседних деревнях западного ареала расселения карел, так как в целом «лингвистический ландшафт» носит явно славянский характер.

В номинации озер также преобладают русские географические термины, калькированные в карельском языке по типу *Vircovanjärvi* – Бирючовское озеро; известны 16 подобных топонимов, и только несколько названий глухих лесных и болотных озер к северу от *Глухой Корелы* имеют карельское происхождение с детерминантами -järvi и -lambi. Это *Suojärvi* – 'болотное озеро', *Madojärvi* – 'змеиное озеро', *Raidajärvi* – 'ивовое озеро', *Ahvenlambi* – 'окуневое озеро', *Löttölambi* – 'лягушачье озеро', *Püörökkälammut* – 'кругленькое озеро'. Карельский гидроним *Lammijärvi* (в русском варианте «Ламбушка») зафиксирован на волостной карте XIX века. Отметим, что термин не встречается в русских говорах Новгородчины, в отличие от Русского Севера, где он был заимствован из прибалтийско-финских языков, как установлено исследователями, в конце XIV века.

В карельских диалектах лексема *lampi*, *lambi* означает «небольшое лесное, обычно непроточное озеро. <...> ...В вепском языке указанный термин отсутствует» [11; 52].

Типично карельской гидронимной топоосновой является и -lahti – 'залив', ей обозначены два промысловых участка на оз. Струпино: *smolo lahta* (от *smolo* – прозвище) и *krimskoj lahta* (от *krimskoj* – прозвище, перешедшее в фамилию). Другой устойчивый карельский детерминант *šuo* – 'болото': *Alašuo* – 'нижнее болото', *Korbišuo* – 'дремучее, глухое болото', *Ruozmišuo* – 'ржавое / рудное болото', *Kuortanšuo* – 'сметанное болото'.

Итак, тихвинские карелы сохранили основную пласт собственных гидрографических топооснов, таких как -jogi, -oja, -järvi, -lambi, -lahti и -šuo, позволивших создать локальную микротопонимическую систему, не просто отражающую особенности местного «водного» ландшафта, но придающую ему карельские, стало быть, узнаваемые черты. Вбирание в собственную культуру и переосмысление новых географических реалий прослеживается на превращении лексемы -jogi в географический термин. Так называют только Чагodu, которая приобрела тем самым символическое значение «Реки», давшей начало новой жизни и ставшей основой мироустройства переселенцев.

Для названия возвышенных мест, расположенных рядом с деревнями, карелы Тихвинщины используют ныне русский термин «гора»; как правило, так именуют места молодежных игр и гуляний. Жители деревни Логиново ставили качели на Пасху на 'змеиной горе' (*Madogora*), а забелинская молодежь – на 'боровой горе' (*Kangahangora*), так как она находилась в лесу, здесь же жгли масленичные костры. Известны и

такие орографические топонимы, как Janis'gora – 'заячья гора', Limmukongora – 'костениковая гора' [6; 43–44]. Сухие возвышенные участки в лесах и на болотах назывались šuari – острова: Šuošuari / Zimn'ikanšuo – 'болотный остров', Madošuari – 'змеиный остров', Hirvišuari – 'лосяный остров', расположенные в одноименных урочищах⁴.

Сохранение, по мнению карел, прежнего типа хозяйствования актуализировало архаичную часть топонимической модели, связанной с подсечной системой земледелия. Известны следующие топоосновы и лексемы: huhta, huuhtu, gazi, niemi; -aho, -nurmi, -peldo. Сопоставим значения приведенных лексем в диалектах Карелии, Тихвинского и Тверского краев⁵ [16; 209, 228–230].

Лексема 'aho' в собственно карельском и ливвиковском диалектах – 'бывшая подсека, пожога, то есть заброшенный, оставшийся незасеянным на протяжении нескольких лет, заросший травой и смешанным лесом участок земли; поле, поляна; сосняк; низина, поросшая хвойным лесом и мхом; безлесное или поросшее редким лесом неплодородное место» [11; 20]. У тихвинских карел употребительнее понимание этой лексемы как «поляна, открытое место в лесу, пустошь»: Vuočinaho – пустошь в лесу около деревни Селище, Korgieaho – 'высокая' пустошь в окрестностях оз. Липнево, Šuuriaho – 'большая' пустошь в 3–4 км от деревни Селище и др. Вместе с тем использование в составе конкретных топонимов свидетельствует об их первоначальном осмыслении как «подсека», «пожог», что совпадает с известным в Карелии: Koivikkoaho – 'березовое поле', Naavikkoaho – 'осиновое поле', Kivikkoaho – 'каменистое поле'. Подтверждает это и место расположения топонимов с основой -aho вдали от деревень, в отличие от полей (peldo), находящихся рядом с деревнями.

О частичной утрате значений говорит переход двух лексем в топонимы. Одна из них Huhta: «скот гоняли в Хухта – поляночка такая» [1; 18 об]. Huhta, huuhtu, huuht в диалектах Карелии и финском языке обозначает подсеку в хвойном лесу, в отличие от лексемы kaški, kaski – подсека в лиственном лесу⁶ [11; 31, 37].

Второй термин, ставший топонимом, – gazi («часть пашни у деревни Бирючово, вырубка»). Лексема gazi известна в карельских диалектах и вепсском языке, где понимается как «подсека, оставшаяся неспаленной, лес с большим количеством вырубленных или упавших деревьев». Для сравнения укажем, что в говорах тверских карел gazi – это «густое мелколесье, мелкий густой лес с обилием валежника».

Топооснова -nurmi – «луг, покос, залежь», как и -aho, очень продуктивна в образовании микро-топонимов в карельском языке, в том числе и у тихвинских карел. В названии лугов отражены местные природные реалии: mättähikku nurmi (от mättähikku – 'кочкарник') – 'место, покрытое коч-

ками'; čilahikku nurmi (čilahikko – 'крапивник'); valgiešavinurmi (valgiešavi – луг 'белая глина'), määrgä nurmi – 'сырой луг'. 'Nurmi' в значении 'залежная земля' является эквивалентным русскому *лядина*; в их числе – Z'imn'ikka nurmi и D'emšinää nurmi около Бирючово и Коргорки, Bajärin nurmi – 'боярская залежь', Oncifor'ovaä karpan nurmi. Те из них, которые находились далеко в лесу, назывались «лесными» (mešča nurmet), в отличие от ближних = домашних покосов (kodi nurmet) на заливных лугах около озер, р. Чагоды и ее притоков. В подобном разделении очевидно влияние конкретной локальной системы землепользования, когда собственные крестьянские наделы, в отличие от помещичьих, зачастую находились в отдалении от деревень на 1–10 и даже 15 км. Кроме того, таким «словесным» образом маркировалось домашнее = свое и лесное. В соответствии с этим только поля рядом с деревнями назывались peldo: Časoonapeldo – 'часовенное поле' у Бирючово, Vietkapeldo – поле на р. Ветке, Uz'minapeldo – между Коргоркой и Бирючово в урочище Узмень, Ogorodopeldo – 'огородное поле', Kivikkopeldo – 'каменистое поле'. Многие поля назывались по именам владельцев: Mikkipeldo – 'Никитино поле', Stöpo – 'Степаново поле', Arhipanpeldo – 'Архипово поле' [6; 44].

Сенокосные и пастбищные угодья зачастую совпадали и, если они находились в пойменных зонах рек, озер или в лесных логах, для их обозначения использовали топооснову -niemi – «мыс, участок земли, глубоко вдающийся в лес или окруженный водой» [11; 63], или русский термин *лог* (loga): Zabiln'anniemä – 'забелинский лог', Šuväloga – 'глубокий лог'. В ряде случаев отмечен переход лексемы -niemi в самостоятельный топоним (niemi у деревень Толсть и Коргорки).

Наряду с уже упомянутыми русскими географическими терминами, обозначающими сельскохозяйственную деятельность (*лог*, *лядина*), тихвинские карелы использовали такие, как *полянка*, *пустошь* (puista), *поле*; они преобладали в восточной части расселения.

В целом же объем, характер и тип топонимов западной части – *Карелы*, хотя и представляют собой позднее и очаговое явление, говорят о принципе достаточности освоенной территории, соотносительности этих топонимов с основными историко-культурными характеристиками карельской традиции и достаточной природоустроенности, а также о сохранении специфической картины природного мира.

Сопоставление карельских топонимов показало смысловые сдвиги, произошедшие в языке тихвинских карел; примером тому могут служить переходы топооснов в топонимы, синонимия карельских и русских лексем по отношению к одним и тем же объектам (märgä nurmi = märgä lädina; logi = nurmet и др.). И вместе с тем пример географической лексики тихвинских карел подтверждает вывод А. А. Потебни, сделанный им в статье «Язык и народность», опубликован-

ной впервые в 1895 году, о том, что «лексическая сторона языка наиболее способна без перерождения выдерживать напор внешних влияний» [14]. В нашем случае она не просто сохранилась, но была активно использована для обживания нового природного пространства, к тому же обозначив в нем сходство и аналогии с покинутыми местами обитания – «леса, озера, как в Карелии». Таким образом, проанализированный микротопонимический материал подтвердил, что из всех локальных природно-климатических и природно-культурных факторов карелы особо выделили и сохранили следующие концепты: Лес, Озеро, Болото, Река и Подсека. Последнее косвенно подтверждает время переселения, когда основным типом земледелия в данной лесной зоне было подсечное. Будет уместным напомнить слова Л. С. Берга о том, что «распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизации, перемещение народных масс и взаимные влияния соседних народностей» [7; 100].

Об «островном» типе самоизоляции тихвинских карел свидетельствуют замкнутые круги деревенских, проселочных и лесных дорог. Они носят местные названия в зависимости от направления и конечного пункта назначения – это общепринятый принцип именования: *šuošuaŋen doroga* – ‘болотная дорога’, *orokan doroga* – дорога на Опоки, *mäcinan doroga* – дорога на деревню Мячино и т. п. Все они образуют круги, связанные друг с другом и формирующие внутриволостную сеть с тупиками на северо-западе в деревне Селище и юго-западе в деревне Дубровка [21].

Анализ дорожной волостной сети свидетельствует о концентрации ее ядра на востоке, около старого погоста в Озереве и волостного правления в Клецке (имение Тарантаево), откуда самая дальняя дорога к верховьям Чагоды шла, видимо, через Турандино, Белый Бор на Опоки. С XVII века, после литовского разорения, по мере заселения и освоения этих земель карелами началось обновление и формирование новой дорожной сети, не всегда, естественно, соответствующей прежней, более разветвленной, органично дополнившей старую систему и соединенной с восточной частью. Принципу замкнутости и дополненности карельских дорог вполне отвечает тот факт, что за пределами карельского локуса находились и крупные местные ярмарки.

Сравнение сформировавшейся карельской поселенческой структуры (в первую очередь созданных переселенцами новых деревень – Дубровка, Новинка) с деревнями, основанными в XIX веке (Дятелка, Коростелево), с хуторскими поселениями XX века и старыми русскими деревнями позволяет выдвинуть предположение о предпочтительности и преобладании при-

брежного типа расселения и поселений. Неслучайно в рассказах о выборе места для устройства деревни, установки часовни всегда говорится о воде; удобным местом считается место около реки или озера, а неудачное расположение вдали от того или иного водоема объясняется фактом позднего переселения, когда пригодные для земледелия и рыболовства места были уже заняты первопоселенцами.

Идея границы на уровне отдельного поселения выражена структурой, стремящейся к замкнутости, – в идеале это круг; отсюда устойчивость прослеженной в ряде деревень беспорядочно-круговой застройки (Толсть, Забелино, Моклаково, Селище), наличие в деревне центра, как правило, сакрального (часовня, *моленная*) и социального (земская станция, школа, лавки), обязательность деревенских ворот, закрытых в любое время суток.

Современная организация внутриверенского пространства отражает эволюцию круговой застройки; бани (*külüt*), амбары (*peldoaitat*) и риги с гумном (*riihizet*) выносились на разные концы деревни. Бани – вдоль берега реки или озера, а амбары, которые неслучайно в дословном переводе с карельского означают «полевые клетки», образовывали отдельные улицы (*piha*) в поле за деревней или в прогонах для скота (*kujo*) (Логиново, Толсть, Забелино, Новинка, Дубровка, Селище, Моклаково). Последние риги и амбары бытовали еще в конце 1960-х годов.

Система заселения иллюстрирует совокупность отражаемых ею культурных противостояний на уровне внутриверенских (старо- и новопоселенцы) и внешних отношений (старообрядцы – православные), а так как в числе последних наряду с русскими были карелы, то и здесь проявлялся этноконфессиональный уровень различия, пронизывающий и системообразующий собственно карельско-старообрядческую традицию.

Карельская локальная группа формировалась в рамках одной административной и церковной единицы – Озеревского Георгиевского прихода и Тарантаевской волости Тихвинского уезда, составляя его преимущественное большинство. Со временем карелы заполнили автономную и слабообжитую западную часть волости, где продолжалось хозяйственное освоение территории. В восточной же части волости преобладали русские деревни и проходила этническая граница между карелами и русскими. С течением времени она менялась, но всегда была реально ощущаема, напряжена и подвижна. Русифицировались в первую очередь карельские деревни этой восточной части волости. С XVIII века в пределах прихода складывались два полярных этноконфессиональных локуса: восточный и юго-восточный – православный, русский, и западный – старообрядческий, карельский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. И. Равдоникас писал: «Тихвинский край лежал на пути у норманнов при их сношениях с Булгаром. Поднявшись по Сяси, они Воложбой плыли до водораздела и затем волоком перебирались в Чагоду, реку уже каспийского бассейна. В Анисимовской волости Тихвинского уезда есть погост Волокославский; по писцовым книгам XVI–XVII веков, он назывался прямо «погост на Волоку». Он и стоит как раз на том месте, где Воложба и Чагода (приток Чагодоши) всего более сближаются между собой; здесь, несомненно, был древний волок» [15; 30–31].
- ² Названия хуторов, как правило, «восходят к названиям тех урочищ, на территории которых возникли хутора» [12; 102].
- ³ Современный исследователь А. Н. Соловьев предлагает расширить круг «автохтонной лексики прибалтийско-финского происхождения» в новгородском диалекте. Как свидетельство взаимодействия с карельской языковой логической структурой автор рассматривает лексемы 'бор' в местном значении «возвышенность (чаще в лесу, песчаная)», корба (когрі) – «моховое кочковатое болото, часто поросшее сосновым мелколесьем», «лахта» (болотистое место в лесу), «упха» (лиман, глубокое место, разлив). Основанием тому является их предельно конкретизированные семантические содержания, что более характерно для прибалтийско-финских языков, чем для древненовгородского диалекта.
- ⁴ Ср. со значением слова 'остров' в русских говорах Новгородчины: «возвышенное сухое место среди болота» [19; 89].
- ⁵ Примеры взяты из полевых материалов автора и публикации В. Д. Рягоева.
- ⁶ Ср. huuhtha в Тверской области [18; 61], kaški [19; 89].
- ⁷ О сложении и развитии путей сообщения в этой части новгородских земель см. [15; 18–20].

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 33.
2. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34.
3. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46.
4. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 51а.
5. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52.
6. АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Берг Л. С. О русской географической терминологии // Землеведение. М., 1915. Кн. IV. С. 99–101.
8. Игнатьев Р. Н. Антропологическое исследование феномена границы // Российская наука о человеке: Вчера, сегодня, завтра: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Ю. К. Чистова, В. А. Тишкова. Вып. 1. СПб., 2003. С. 65–70.
9. Королькова Л. В. Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII вв. Формирование сети расселения и этнокультурные взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 24 с.
10. Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Издательский отдел Языкового центра филологического факультета СПбГУ, 1995. № 919, 92. 232 с.
11. Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.
12. Муллонен И. И. Отражение типов сельских поселений в вепсской ойконимии // Номинация в ономастике: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 94–102.
13. Новгородские писцовые книги. Т. 6. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910. Ст. 1071. Л. 1–4.
14. Потебня А. А. Язык и народность // Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
15. Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края // Тихвинский край: Краевед. сб. Тихвин, 1924. С. 1–36.
16. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
17. Соловьев А. Н. Русско-финские этнолингвистические контакты на территории современной Новгородской области: к вопросу об этнолингвистическом концептуализме // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование: Материалы докладов междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И. Л. Набок. СПб., 2001. С. 321–325.
18. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
19. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 448 с.
20. Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород: РИО Упрполиграфиздат, 1991. 134 с.
21. Трехверстная карта Генерального Штаба. Спец. карта Европейской России / Составлена и гравирована в Военно-топографическом отделе Гл. штаба под ред. И. А. Стрельбицкого. М., 1880.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность Т. 1. Новосибирск: Наука, 1993. 591 с.
23. Ёйспуу Я. Топонимика тихвинских карел: Названия деревень и гидронимия // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 72–79.

УДК 930.1 (470.2)

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПАШКОВА

аспирант кафедры истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет

pashkov@psu.karelia.ru

СТАТУС РАЗГОВОРНОГО РУССКОГО И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ СРЕДИ КАРЕЛ САЛМИНСКОГО И СОРТАВАЛЬСКОГО УЕЗДОВ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данная статья посвящена малоизученным в современной российской историографии темам – распространённости русского языка среди карельского населения Салминского и Сортавальского уездов Выборгской губернии, а также проблеме языка богослужения в православных церквях Северного Приладожья в конце XVIII – начале XX века.

Ключевые слова: этническое самосознание, приладожские карелы, Северное Приладожье, языковой вопрос, православие

Северное Приладожье по своему географическому положению являлось приграничной территорией по отношению к Российской Карелии – Олонецкой губернии. Следствием этого были экономические, хозяйственные и родственные трансграничные связи. Кроме того, с конца XVIII века постепенно набирает обороты отходничество в Санкт-Петербург, а на рубеже XIX–XX веков оно становится важнейшим источником дохода для местного населения.

В 1880 году в России проживали 3233 карела из приграничной Карелии (Салминского уезда), в 1900 году их численность уменьшилась до 2000 [14; 86], а к 1917 году – возросла до 2481 человека [6; 4]. Если учесть, что всего на территории уезда в 1880 году проживали 26 139 человек [6; 4] (включая младенцев и стариков), миграция в Россию составила 12,4 % от общей численности населения. В 1917 году в приграничной Карелии проживали 42 814 человек [6; 4], то есть миграция составила 5,8 % от общей численности населения. Таким образом, отходничество на заработки в Россию на рубеже XIX–XX веков приобрело крупные масштабы.

Кроме того, Салминский уезд, населенный православными карелами, имел тесные брачные связи с Российской Карелией – Олонецкой губернией. По документам, хранящимся в Национальном архиве Республики Карелия (далее – НА РК), за 1903–1907 годы из 31 известного случая перехода жителей общины Салми на постоянное место жительства за пределы Финляндии 25 человек направлялись в Олонецкую губернию. Большинство выехавших составляли женщины, вышедшие замуж в Россию [7; 8]. В свою очередь, именно родственники из Российской Карелии информировали приладожских карел об имеющихся в России заработках. Таким образом, отъезд в Россию воспринимался приладожскими карелами и как способ заработать, и как возможность навестить близких родственников.

Отход на заработки в Россию из преимущественно лютеранского Сортавальского уезда по-

сил ограниченный характер из-за относительной отдаленности этого уезда от русской границы, а также отсутствия браков между лютеранами Сортавальского уезда и православными жителями Российской Карелии.

Несмотря на наличие брачных контактов жителей Салминского уезда и Российской Карелии, именно экономические перспективы придавали изучению русского языка особую значимость. Однако ситуация в этом отношении не была одинаковой в разные хронологические периоды, и интерес к изучению русского языка менялся от эпохи к эпохе.

Ценную информацию о языковой ситуации в Салминском и Сортавальском уездах дают наблюдения путешественников, посетивших этот край в конце XVIII века. Так, академик Н. А. Озерцовский, побывавший в Сортавале в 1785 году, писал о языковой ситуации в крае: «Прихожане все суть кареляки и по-русски не понимают» [3; 75]. В конце XVIII века население пересекало границу крайне редко, отходничество в Россию не было развито ни в Салминском, ни в Сортавальском уездах или же носило единичный характер. Так, налоговый отчет по Сортавале за 1784 год отмечает, что из 174 мужчин – горожан Сердоболя только 3 находилось на заработках в Санкт-Петербурге [4; 2].

Мобильными в этом отношении оставались только купцы – скупщики пушнины у местного населения, по роду своей деятельности совершавшие торговые поездки в Россию с целью закупки зерна и муки. Поэтому на рубеже XVIII–XIX веков знание русского языка среди населения уездов было редкостью ввиду отсутствия практической пользы. Население края говорило на родном карельском языке и фраза «по-русски не понимают» являлась действительной реальностью жизни в конце XVIII века.

Поскольку отходничество в первой половине XIX века не было широко распространено, знание русского языка было характерно прежде всего для социально активного населения Северно-

го Приладожья, в первую очередь купцов, которые вели торговлю с Россией. Торговля русским зерном в Северном Приладожье была наиболее прибыльным видом коммерции в XVIII – начале XX века и привела к возникновению в Сортавале знаменитых купеческих династий – Бозм, Молдаковы, Ситойн, Саукко, Берг и др. [17; 153], [20; 49]. Знание русского языка было важным фактором для заключения с русскими купцами договоров и осуществления сделок. Так, документы середины XIX века сообщают, что из 18 наиболее известных сортавальских купцов 10 могли свободно говорить по-русски и по-фински, 5 – по-русски, по-фински и по-шведски, 2 говорили на русском, финском, шведском и немецком языках, и только один купец (Габриэль Ригойн) знал лишь финский язык [9; 123].

Я. К. Грот, посетивший Приладожье в конце 1840-х годов, отметил широкое распространение русского языка в Сортавале – городе, где профинские настроения были традиционно сильны: «Русский язык здесь более известен, чем в Кексгольме... Прихожане и их дети говорят по-русски и детей учат грамоте на русском языке... Прислуга здесь говорит исключительно по-карельски». Далее автор поясняет, что представляет для него карельский язык: «...это какая-то смесь русских слов с финскими» [1; 15]. О Салминском уезде Я. К. Грот пишет: «При этом чем восточнее местность, тем более сказывалось обращение сельского населения, так что в Салминском приходе карелы говорили почти русским языком и называли себя русскими» [1; 7]. Таким образом, приладожские карелы говорили на карельском языке, но из-за развития контактов между Приладожской Карелией и Россией (отходничество, сезонные и постоянные работы и др.) знание русского языка приобретало все большую значимость, что и обуславливало как изучение самого русского языка, так и наличие заимствований некоторых слов, связанных с хозяйственной деятельностью.

О популярности русского языка свидетельствует и финский историк А. А. Брандерс, посетивший приход Суоярви в 1892 году: «Литературного финского языка здесь не понимают... русский язык считают выше своего, лишь в последнее время чиновники и школы очищают язык» [8; 21]. В его работе мы находим и более яркие описания, свидетельствующие о популярности русского языка, и напротив, отсутствии всякого интереса не только к финскому, но и к родному карельскому языку: «Язык родных общин (карельский) народ называет "lehmankieli", т. е. язык коров, мычание, к финскому литературному языку относятся не лучше, называя его "ruotsinkieli", т. е. шведский язык, русский же язык в большом почете, он необходим для всех тех, кто ездит в Санкт-Петербург» [8; 21].

Вторая половина XIX века стала временем форсированного развития промышленности и торговли на территории Северного Приладожья.

Все более возрастающие темпы жизни не могли не сказаться на языковой сфере изучаемого региона. Торговые связи приладожских купцов и отходничество, которое с середины XIX века приобрело массовый характер, диктовали необходимость изучения русского языка, ведь именно Санкт-Петербург и Российская Карелия становятся центрами сосредоточения экономических интересов для населения Северного Приладожья.

По мнению официальных русских властей, в начале XX века в Карелии, за исключением приходов Тайпала и Йоэнсуу, все карелы, включая приладожских, говорили на карельско-русском наречии, которое было близко к русскому языку, «так что большинство карел, не изучившее финского языка, не понимает финской литературной речи» [16; 20].

Имелся фактический повод утверждать о существовании карельско-русского наречия в Приладожской Карелии, некоей смеси языков, своего рода суржика, возникшего благодаря многочисленным заимствованиям из русского языка [21; 88], [14; 164], [23; 7–21].

На рубеже XVIII–XIX веков молитвы в лютеранских церквях произносились на финском языке, а в православных – на церковнославянском. В начале XIX века состоялась масштабная попытка перевода богослужебной литературы на карельский язык. Синод распорядился перевести катехизис и Символ веры на «олонецкий и карельский языки». Дальнейшие переводы богослужебных книг активизировались в 1850–60-е годы [15; 21]. В первой половине XIX века духовные власти поддерживали тех священников, которые владели карельским языком и использовали его при богослужении и совершении церковных треб [12; 32].

Внимание властей к изучению местных языков проявлялось в том, что уже с 1826 года финский язык стал входить в программу обучения учащихся Санкт-Петербургской духовной академии – выходцев из Финляндии. Позднее карельский язык преподавался в Архангельской и Олонецкой духовных семинариях [11; 130–136], [13; 289]. В 1869 году Святейший синод издал постановление, носящее рекомендательный характер, в котором подчеркивалась особая важность свободного владения финским языком для священников православных приходов Финляндии [15; 21].

С другой стороны, хотя финский язык законодательно был разрешен для использования в богослужении уже в начале XIX века, на практике это почти нигде не выполнялось вплоть до рубежа XIX–XX веков. Так, в одном из церковных документов 1869 года говорится, что «прихожане местных церквей вообще усердны к исполнению внешних обрядов Богочтения, можно надеяться, что ревность их усилится, когда везде будет проводиться служба Божия на финском языке, как она отправляется в сердобольской церкви» [5; 18].

Таким образом, несмотря на существующие постановления, православные богослужения на протяжении XIX века по-прежнему проводились на церковнославянском языке, использование родного для населения языка являлось редкостью и проводилось только в сортавальской православной церкви.

Лишь в начале XX века церковнославянский язык теряет свои позиции в сфере православного богослужения и службы начинают проводиться на финском языке во всех общинах, кроме Салми и Суоярви. Подтверждение сложившейся ситуации находим в «Исторической записке о положении православия в финляндской Карелии»: «Существованием карельско-русского наречия объясняется отчасти то обстоятельство, что чисто карельское население предпочитает русские школы финским и совершение богослужения на славянском или же карельском языке. Таким отношением к богослужению особенно отличается большинство населения самого многолюдного Салминского прихода. В остальных же приходах, кроме Шуезерского, успел уже привиться финский богослужебный язык» [2; 21].

Преданность жителей Суоярви и Салми церковнославянскому языку легко объяснима с точки зрения экономических интересов местного населения. В Суоярви на протяжении XIX века действовал знаменитый Анненский завод, на котором работали русские мастеровые. Местные жители Суоярви, постоянно общаясь с русскими, считали Россию наиболее перспективным соседом: из России привозили хлеб, там можно было найти заработки, оттуда в Суоярви приезжали рабочие – носители русского языка и культуры, с которыми местное население вступало в постоянные контакты – как экономические, так и брачные. Помимо этого, православное богослужение на церковнославянском языке было традиционным на протяжении многих столетий, и у местного населения не было повода менять традицию. В общинах Салми и Суоярви церковные службы проводились на церковнославянском языке на рубеже XIX–XX веков. Причина популярности церковнославянского языка заключалась в пограничном положении Салминской общины. Находясь на границе с Российской Карелией, община Салми состояла в постоянных экономических контактах с Россией, вследствие этого знание русского языка в большей мере, чем в других общинах, воспринималось жителями как необходимый фактор благополучного финансового благосостояния. Без знания русского языка долгосрочные поездки в Россию с целью заработка становились невозможными. Богослужение на церковнославянском языке воспринималось как принадлежность к русской культуре и тому языку, который давал заработки.

Благожелательное отношение русских властей к финскому языку в первой половине XIX века имело прежде всего политическую подоплеку. Русское правительство предпринимало то-

гда меры по укреплению финского языка главным образом для того, чтобы ослабить возможное влияние Швеции и зарождавшегося скандинавизма. Поддерживая финский язык, власть одновременно ослабляла позиции шведского языка и, соответственно, влияние шведской культуры на население Финляндии.

Во второй половине XIX века позиции в языковом вопросе существенно меняются. Врагом царского правительства был уже не скандинавизм, а финский национализм, проводником которого стал финский язык. Поэтому царские власти начинают поддерживать карельский язык.

Финский историк Э. Куйо утверждает, что российские чиновники с конца XIX века планомерно проводили линию на укрепление позиций карельского и русского языков в противовес финскому. Карельский язык, согласно этой линии, должен был быть допущен в сферу богослужения прежде всего для того, чтобы приладожские карелы не отвернулись от православия из-за проведения службы в православных церквях на непонятном для них церковнославянском языке [16; 38].

Среди приладожского православного духовенства и чиновничества на рубеже 1850–70-х годов появляется стремление переводить часть богослужебной литературы с церковнославянского на карельский язык. В отличие от финских националистов, стремившихся проводить политику финнизации по отношению к православному населению, православные священники переводили литературу на карельский с целью усиления позиций православия в крае. По их мнению, для поддержания авторитета православия необходимо проводить хотя бы отдельные службы на понятном для населения родном языке. В Салминском и Сортавальском уездах частично службы на карельском проводили священник Суйстамо и Иломанси Василий Дьяконов, священник Суйстамо Иоанн Зотиков, в Сортавале переводом богослужебной литературы занимался в 1854–1874 годах чиновник Федор Львов, а в Ките карельский язык в обучение детей внедрял Алексей Шепелевский. Переводом православной богослужебной литературы занимались также известный финляндский протоиерей Михаил Казанский и священник Суйстамской церкви Иоанн Альбинский. Учителя Сортавальской семинарии Сергей Окулов и Сергей Солнцев также увлекались переводами религиозной литературы на карельский язык [18; 79].

В то же время, несмотря на имеющиеся переводы, использование местного языка в службах при православных храмах затруднялось по причине незнания многими священниками финского и карельского языков. Так, только 25 из 40 православных священников, служивших в Салминском уезде в 1848–1900 годах, владели финским языком и, следовательно, могли свободно общаться с паствой [15; 21].

Интересно отметить, что и само отношение части православной паствы к введению церков-

ных служб на финском языке было негативным. Так, когда в 1905 году после появления закона о свободе совести и свободы печати под влиянием учителей финских национальных школ службы в Салми стали проводиться на финском языке, паства выступила против нововведения [18; 84]. Изначально собрание было организовано преподавателем русского языка Сердобольской учительской семинарии Сергеем Окуловым. По плану Окулова, службы на финском языке должны были проводиться только каждую вторую субботу после службы на церковнославянском языке. Тем не менее община отвергла это нововведение [10; 160].

В целом приладожские карелы были полностью индифферентны по отношению к финскому национальному самосознанию. В Сортавальском уезде, всех общинах Салминского уезда, кроме общин Салми и Суоярви, православные выступали за богослужения на финском языке только по практическим соображениям, поскольку службы на финском были им понятны. В подтверждение этого можно привести слова Т. Хямюнена: «Финская Карелия была территорией, населенной православными, и национальные (т. е. профинские) чувства ее жителей были крайне слабыми. Ни основанная в 1880 году сортавальская учительская семинария, ни газета “Laakokka” и организованная под ее руководством просветительская работа, ни “Земледельческое общество Восточной Карелии” не смогли привести к усилению национальных чувств» [15; 39].

Таким образом, русский язык пользовался большой популярностью у населения Северного Приладожья со второй половины XIX века, что достигло своего апогея к началу XX века. Поездки в Олонецкую Карелию и Петербург были затруднительны без знания элементарных хозяйственных и бытовых русских терминов, что обуславливало как интерес к изучению самого русского языка, так и заимствование слов и выражений хозяйственного характера. В свою очередь, принадлежность жителей Салминского уезда к православию стало причиной появления в карельском языке приграничных карел терминов, связанных с церковной обрядностью. Церковнославянский язык воспринимался как часть русской культуры и той страны, куда население уходило на заработки. Традиционализм приграничных карел, слабо развитое национальное самосознание и особенно стремление приобщить детей к русской культуре и языку посредством церковнославянского языка были главными аргументами жителей Салминского уезда, что наиболее отчетливо проявилось у жителей Салми и Суоярви.

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ по проекту № 10-01-00631a/F «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичностей, религии и языка» совместного конкурса РГНФ – Академии Финляндии 2010 г.

ИСТОЧНИКИ

1. Грот Я. К. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. СПб., 1847. 242 с.
2. Историческая записка о положении православия в Финляндской Карелии. Выборг, 1910.
3. Озерцовский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. 2006 с.
4. Отчет о взысканных налогах с жителей города Сердоболя за 1784 год // НА РК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.
5. Сведения о проживающих в Салминском приходе раскольниках и старообрядцах за 1869, 1870, 1872 гг. // НА РК. Ф. 886. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–54.
6. Сводные ведомости о переписи жителей Салминского уезда за 1850–1917 гг. // НА РК. Ф. 816. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–13.
7. Список лиц Салминского уезда, выселившихся из страны в течение 1896–1908 гг. // НА РК. Ф. 833. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–16.
8. Branders A. A. Olot Korpiselan ja Suojarven pitajista. Helsinki, 1893.
9. Forsstrom O. A. Kuvia Raja-Karjalasta. Helsinki, 1894.
10. Harkonen I. Itainen vartio: lukuja Vanhasta Karjalasta. Helsinki, 1920.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Пулькин М. В. Карельский язык в Олонецкой духовной семинарии // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 130–136.
12. Пулькин М. В. Русификация в Карелии – цели, методы, итоги (XIX – начало XX в.) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского севера. Петрозаводск, 2003. С. 31–33.
13. Санакина Т. В. Из истории подготовки священнослужителей для Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии в XIX веке // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008. С. 282–290.
14. Hamunen T. Liikkeella leivan tahden. Helsinki, 1993.
15. Hamunen T. Suomalaistajat, venalaistajat ja rajakarjalaiset. Joensuu, 1995.
16. Kuujo E. Jo Karjalan kunnailla lehtipuu Moskovon rauhasta luovutettujen alueiden varhaisempia vaiheita. Lappeenranta, 1994.
17. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungien historia. Jyväskylä, 1970.
18. Laatokan Karjalan nousen vuosikymmenet. Pieksamaki, 1956.
19. Lampen E. Pika-kuvia Raja-Karjalasta. Helsinki, 1890.
20. Paajula P. Sortavalan Berg-suku. Helsinki, 1947.
21. Paaskoski J. Suomen lahjoitus maat (1710–1826). Helsinki, 1997.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА РОГОЗА

аспирант кафедры культурологии и философии, Нижегородский государственный гуманитарный университет
bezverkhaya1@rambler.ru

«ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ» КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ВЫСШЕЙ ИДЕИ ЖЕНСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В центре мифа об идеальной женственности эпохи Серебряного века находились работы Владимира Соловьева. Его учение о Вечной женственности оказалось тем идеалом, вокруг которого формируется новая жизнь и дух эпохи, а с ними новая картина мира, новый человек, Бог.

Ключевые слова: Вечная женственность, женственность, софиология, архетип Матери, мифологема, эссенциализм, акцидентализм

Рубеж XIX–XX веков вошел в историю России как период глобальных социокультурных трансформаций, требовавший коренных преобразований общества, человека. Данный факт не мог не отразиться на концептуальных составляющих, в том числе на представлениях о женственности. В процессе построения новых ценностей, преодоления кризиса в мифотворчестве эпохи конструируется мифологизированный образ женственности. В философских, художественных мифотекстах создается мифологема женственности, требующая поклонения, – культ, воплощенный в образах Вечной женственности, Прекрасной Дамы, Лучезарной Подруги, Вечной Жены.

Изменение традиционных представлений о женственности (природной, рождающей, хаотичной) было обусловлено, с одной стороны, социальными, с другой – интеллектуальными факторами. К социальным факторам можно отнести начавшийся с середины XIX века процесс эмансипации женщин в России, распад патриархальной семьи, к интеллектуальным – теоретические и художественные интерпретации образа женщины представителями элитарной культуры.

Во многом всплеск интереса к проблеме женственности в данной среде явился ответом на работу О. Вейнингера «Пол и характер». Н. А. Бердяев, А. Белый, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков выступили с критической оценкой женоненавистнической позиции философа. Общую оценку данной критики можно свести к словам Н. А. Бердяева: «...конструкция О. Вейнингера логически произвольна и несостоятельна, так как он приписывает мужчине все положительное, ценное... а женщине приписывает все отрицательное, лишенное ценности» [2; 55]. А. Белый намечает культурологическую тенденцию, сложившуюся в культуре XX века, – анатомия и физиология не могут являться аргументами в раскрытии сущности женственности – мужественности. В Серебряном веке русской культуры намечается смена подходов в восприятии природы женственности: эссенциализм сменяется акцидентализмом. Однако выделенные О. Вейнингером женские типы в дихотомии «проститутка и

мать» находят свое продолжение у мыслителей Серебряного века. Оппозиция «наслаждение – репродукция» становится центральной в конструировании мифологической модели женственности.

Описания женственности в элитарной культуре основывались на мнениях русских религиозных философов рубежа XIX–XX веков. Созданное русской софиологией учение о Вечной женственности предопределило взгляд на женственность как идеальное. В центре мифа об идеальной женственности эпохи Серебряного века оказались работы В. Соловьева. Зарождение метафизики женственности происходит в лоне учения В. Соловьева о Софии-Премудрости, о Богочеловечестве, всеединстве, призванного дать ответы на многие актуальные мировоззренческие проблемы той эпохи.

Софиология, созданная В. Соловьевым под влиянием неоплатоников, гностиков, каббалы, свои истоки берущая еще в недрах русской культуры, а точнее, один из ее аспектов – культ Вечной женственности, оказался тем идеалом, вокруг которого формируются новая жизнь и дух эпохи, с помощью которого создавалась новая картина мира, новый человек, Бог. «Женственность как одна из основных индивидуализированных субстанций, мировых энергий входит в жизнь человека, природы, космоса, Бога» [5; 406].

Исследователи отмечают множество аспектов, которыми наделялась соловьевская София. Например, А. Ф. Лосев насчитал их десять [10]. В учении В. Соловьева о Вечной женственности мы позволили себе выделить две составляющие в ее прочтении, воплотившиеся в культуре Серебряного века.

1. «Объект религиозного поклонения», «идеализированный факт, иная трансцендентная реальность» [5; 3, 46] – религиозный аспект. Женственность проявляет себя в Божественном, но одновременно является и объектом любви самого Бога.

2. «Интимно-романтический» [10; 236] аспект, в котором Вечная женственность представлена в персонифицированном, личностном виде, переживается как возлюбленная, вечная подруга.

К первой характеристике следует отнести идею В. Соловьева о существовании Другого для Бога, воплощенную в образе совершенной Женственности, «которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всей полнотой сил и действий» [14; 19–77]. Причем в создании Другого концепт женственности выбран неслучайно. По своей сути женственность изначально воспринимается как что-то Иное по отношению к традиционному. В данном случае привычным является Бог, представленный в виде Мужественности, которому и противопоставляется образ Женственности. Женственность изображена как метафизическая категория; она раскрывает сущностные основы бытия, признается как некий духовный первопринцип (прочтение женственности как духовного первопринципа представлено у С. Н. Булгакова в «Свете невечернем»).

Вечная женственность в «Смысле любви» В. Соловьева отлична от трипостасного Бога, в ее основе лежит чистое «ничто», но она воспринимает от Бога образ абсолютного совершенства и является «вечным предметом» и «живым идеалом» Божьей любви, потому и должна воплотиться в многообразии форм и степеней как «живое духовное существо» [13; 61]. Она потенциальна и пассивна, что позволяет ей выполнять волю Творца. Однако женственность есть не простая, а активная пассивность: она призывает и ожидает схождения Божественной полноты неба и оплодотворения ее творческим духом Божества.

В. Соловьев, преобразуя христианские догматы в новый религиозно-философский концепт, отделяя энергию Высшего от его сущности, обнаруживает в нем женскую специфику. Это позволило С. Н. Булгакову назвать соловьевскую Софию четвертой ипостасью – личностью Бога.

Онтологическая характеристика в определении Божественности наделяется гендерными характеристиками природы женского и мужского. Вечная женственность приобретает идеализированные черты самой женственности как концепта, становится природной, хаотической, чистой, непорочной, активной в своей пассивности, заботливой покровительницей, заступницей, именно ей принадлежит функция связи человечества с Богом, Мужественностью как таковой.

В таком контексте образ Вечной женственности является не только результатом мистического влияния, но соотносится с традиционным русским менталитетом, народной культурой. Олицетворяя собой единение человечества, Вечная женственность проявляет материнские черты, подобно Богородице (Богине-Матери), Матери – Сырой Земли, народного варианта Богородицы. Таким образом, происходит слияние образа Вечной женственности, Богородицы, Матери-Земли в древнем архетипе матери, символизирующей кормящее, заботливое, сохраняющее начало.

«Любовь – София – Богоматерь – Мать-Земля – вот символические имена “нового неба”, обнажившие специфически гендерный аспект символистского описания природы святости» [9; 155], который переносится в мир земной реальности, где уже Вечная женственность из мистического трансформируется в личностное. Здесь раскрывается выделенный нами второй аспект в понимании Вечной женственности как объекта идеализации. Через идеализированную Вечную женственность пересматривается не только бытие, но и позиция человека в мире, его природа.

В. Соловьев был уверен, что любая идеализация образа любимой сопровождается реализацией Бога, нисхождением его в земной мир для освящения всякой великой любви. В. Соловьев желает увековечить свою любимую в Боге, «поместить в Небо ее образ и тем обеспечить вечную и божественную любовь, которая и способна будет соединить небо и землю в едином богочеловеческом процессе» [14; 69]. Желание со вмещения идеального и реального реализуется в мифологеме женственности, ярчайшим образом воплотившейся в культурной жизни эпохи (философия, литература, живопись).

В мифе об идеальной женственности «природно-женское» объявлялось злом, злой женственностью, которую необходимо преодолеть. Н. Ф. Федоров в «Философии общего дела» называет природу силой «слепой», «смертоносной и саморазрушительной» [15; 159], которая ни к чему, кроме смерти, привести не может. Философ выступает главным образом против репродуктивной функции женщины-природы. Характеризуя рождение как «бессознательное, невольное и слепое» [15; 142], философ призывал обратить его в «сознательное, светлое, действительное, всеобщее, личное воскрешение» [15; 164].

Отрицая традиционные номинации женственности, философы заменяют их в рамках мифотворчества на противоположные, идеализированные. Реальное (женственность природная) заменяется идеальным, мифологизированным (женственность божественная, святая), которое начинает восприниматься как действительное. Женщине отводится роль Богини, вдохновительницы, мечты, абсолютной идеи, которую можно только лицезреть и поклоняться ей как Вечной женственности.

Представления В. Соловьева об идеализации женского творцы Серебряного века восприняли как программу действий. Миф В. Соловьева о всеедином мире Неба и Земли, соединенных Софией (Вечной женственностью, Душой Мира) лег в основание мифологемы идеализированной женственности в эпоху модернизма, «захваченную поиском адекватной модели воплощения Вечной женственности в мире» [7; 153].

Соловьевская традиция находит свое продолжение в творчестве Н. А. Бердяева. В деле построения идеального общества, мира Н. А. Бердяев главную роль отводит реконструкции идеаль-

ной природы женского, ставит задачу реализации этого идеала в жизни. Рассматривая вопрос об эмансипации, призвание женщины Н. А. Бердяев видит в утверждении метафизического начала женственности. По его мнению, женщина вдохновляет мужчину на творчество, и через творчество он стремится к целостности, хотя не достигает ее в земной жизни; мужчина всегда творит во имя Прекрасной Дамы. Поэтому женщина должна стать «конкретным образом Вечной женственности, призванной соединить мужественную силу с Божеством» [2; 255]. Вечная женственность представлена у Н. А. Бердяева, как и у В. Соловьева, спасающей, непорочной, одухотворенной, преображенной в плоти. Женщине остается быть только Вечной Возлюбленной и никогда матерью, женой.

Символисты, интерпретируя соловьевскую тему Вечной женственности, укрепляют веру в возможность синтеза идеального и реального в своем мифотворчестве. У поэтов-символистов жизнь и творчество, реальность и миф настолько тесно переплетаются, что не могут быть рассмотрены отдельно друг от друга. Поэтому мифотворчество поэтов, мыслителей рубежа XIX–XX веков не может быть рассмотрено вне фактов их жизни, в которой поиск адекватной модели воплощения Вечной женственности в мире оказывается главным. В результате природа женского в реальном мире наделяется теми же качествами, что и Вечная женственность, – качествами святости. В такой ситуации идеализированный образ женственности превращается в чистый, асексуальный, целомудренный образ, обнаруживающий пророческий путь спасения, открывающий путь к тайне мироздания. Исто-

рию земной любви, перерастающую в мистико-философский миф, мы наблюдаем у А. Блока, А. Белого.

Женщина-мечта, женщина-тайна, загадка, бесплотный идеал – этот образ манифестируется в идеализированном ореоле и на живописных полотнах художников Серебряного века. Достаточно вспомнить работы В. Э. Борисова-Мусатова («Дама в голубом», «Призраки», «Девушка в ожерелье»), М. В. Врубеля («Царевна-Лебедь»), А. Н. Бенуа, К. А. Сомова, Л. С. Бакста. Женщины на их полотнах парят в легкой загадочной дымке над землей или, как бесплотные мающие тени, уходят в туманную даль. В картинах П. В. Кузнецова Вечная женственность проявляется в большей степени в ипостаси матери («Любовь матери», «Голубой фонтан»).

Итак, период рубежа XIX–XX веков, нацеленный в своем мифотворческом восприятии мира на идеальное пересоздание действительности, открывает новые грани в интерпретации и восприятии концепта женственности. Под знаком соловьевских идей формируются новые веяния эпохи, атмосфера духовной жизни, гендерные идеалы. Творчество В. Соловьева оказалось тем вектором, который определил характер и направление развития отечественной мысли и культуры в представлении природы женского в образе Вечной женственности (идеальной женственности), с устойчивостью воспроизводимом в творчестве разных мыслителей эпохи. Вечная женственность, созданная в мифотворчестве В. Соловьева, явилась основной мифологемой культуры Серебряного века, натурализовавшейся в действительность XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Вейнингера о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
2. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 232–265.
3. Бердяев Н. А. Новое средневековье (размышление о судьбе России и Европы) // Вестник высшей школы. 1991. № 3.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: УМКА-PRESS, 1991. 450 с.
5. Богин И. Вечная Женственность. СПб.: Алтейя, 2003. 488 с.
6. Ерохина Т. Лик и личина: женские образы в искусстве символизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.auditorium.ru>
7. Климова С. М. Мифологема женственности в культуре Серебряного века и ее социокультурные воплощения // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 151–156.
8. Климова С. М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб.: Алтейя, 2004. 329 с.
9. Козырев А. П. Смысл любви в философии В. Соловьева и гностические параллели // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 59–78.
10. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 613 с.
11. Мочульский К. З. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
12. Орлов В. Жизнь Блока. Гамаюн, птица вещая. М.: Центрполиграф, 2001. 618 с.
13. Соловьев В. Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
14. Соловьев С. М. Вл. Соловьев: жизнь и творческая эволюция / Под ред. И. Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. 431 с.
15. Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
16. Ходасевич В. Конец Ренаты // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. 450 с.

УДК 37.1

ОКСАНА ЛЕОНИДОВНА ДОБРЫНИНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов, Петрозаводский государственный университет
oksdobr@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье описывается технология непрерывного языкового образования студентов, обучающихся по специальности «Туризм», целью которой является формирование иноязычной коммуникативной компетентности студентов в сфере профессионального общения. Раскрываются этапы, средства и методы обучения.

Ключевые слова: непрерывное образование, иноязычная коммуникативная компетентность студентов в сфере профессионального общения, семинары-дискуссии, студенческие конференции, элективные курсы на английском языке

Перед российской системой непрерывного профессионального образования сегодня ставится задача подготовки конкурентоспособного специалиста, легко адаптирующегося к меняющимся условиям, социально мобильного, способного к реализации своих компетентностей. В условиях расширяющегося международного общения, сотрудничества и обмена научными, культурными, духовными ценностями увеличивается спрос на специалистов, практически владеющих иностранными языками (ИЯ). Целью обучения ИЯ в неязыковом вузе является формирование у выпускников способности и готовности к межкультурному общению, развитие профессионального профилированного владения ИЯ, позволяющего успешно работать в избранной сфере деятельности, обладать универсальными и предметно специализированными компетенциями, способствующими расширению кругозора, совершенствованию умений и навыков и повышению конкурентоспособности выпускника на рынке труда.

Непрерывное образование, получившее название «Lifelong learning», то есть «учение длиною в жизнь», в рамках Европейской стратегии занятости определяется как всесторонняя учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью улучшения знаний, навыков и профессиональной компетенции. Это означает, что информация, знания, а также мотивация к их постоянному обновлению и навыки, необходимые для этого, становятся решающим фактором европейского развития, конкурентоспособности и эффективного рынка труда.

Непрерывное языковое образование, в соответствии с требованиями экспертов Совета Европы, должно быть:

- системным, с грамотно поставленными задачами, работающими на обозначенную цель;
- сбалансированным, обеспечивающим всестороннее развитие языковых навыков, а не просто «подтягивание» отдельных аспектов;

- непрерывным, без пауз, поскольку язык – живой организм, требующий постоянных тренировок.

Однако, к сожалению, стандарты нового поколения, в соответствии с которыми осуществляется переход высшей школы на многоуровневую систему (бакалавриат и магистратуру), предполагают разрыв процесса языкового образования. Дело в том, что при подготовке бакалавров нормативный срок освоения дисциплины «Иностранный язык» составляет два года, по три аудиторных часа в неделю, за которыми следует временной промежуток в два года, в течение которых студенты почти забывают то, чему их научили, и практически теряют навыки коммуникации на иностранном языке.

В ведущих вузах страны, например в МГУ, МВТУ, МФТИ, МАДИ, Высшей школе экономики и некоторых других, созданы и реализуются на практике программы по подготовке бакалавров, в основу которых положена идея непрерывного языкового образования [5]. На преподавание ИЯ студентам неязыковых факультетов университетов и вузов естественно-научного и технического профиля вместе со стандартным объемом часов преподавания дисциплины ИЯ (340 часов) выделяются дополнительные часы (на бесплатной или платной основе в качестве дополнительных образовательных услуг с первого по четвертый курс обучения). Количество аудиторных часов варьируется от 500 до 800 и свыше за весь четырехгодичный цикл обучения в вузе.

В Петрозаводском государственном университете нами была разработана и реализована на практике программа непрерывного языкового образования студентов специальности «Туризм». Иностранный язык (английский) на обязательной основе изучается в течение 8 семестров (450 аудиторных часов и 450 часов самостоятельной работы), в 9-м семестре студентам предлагается спецкурс на ИЯ по выбору продолжительностью 20 аудиторных часов и 20 часов самостоятель-

ной работы. Отводимые на изучение данной дисциплины часы выделяются за счет федерального (1–4-й семестры) и регионального (5–9-й семестры) компонентов.

Программа включает изучение следующих курсов:

- английский язык профессии, 1–4-й семестры, 260 аудиторных часов;
- английский язык специальности, 5–7-й семестры, 170 часов;
- спецкурс на английском языке «Стратегическое лидерство в туризме», 8-й семестр, 20 часов;
- спецкурс по выбору на английском языке «Организация конгрессного туризма», 9-й семестр, 20 часов.

При таком объеме часов становится возможным становление иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности выпускников вуза и достигается главная цель непрерывного языкового образования – подготовка специалистов в области туризма и гостеприимства, владеющих английским языком на уровне, позволяющем работать с иностранными клиентами, участвовать в международных конференциях, продолжить образование за рубежом.

Целью иноязычного образования в неязыковом вузе является становление иноязычной коммуникативной компетентности выпускников вуза в профессиональном общении, которая понимается как способность решать профессиональные задачи для достижения определенного профессионального результата в контексте другой языковой и культурной среды [1]. Понятие «иноязычная профессиональная коммуникативная компетентность» также рассматривается как способность будущего специалиста технического вуза осуществлять межкультурное профессионально ориентированное общение; взаимодействовать с носителями другой культуры с учетом национальных ценностей, норм и представлений; создавать позитивный для коммуникантов настрой в общении; выбирать коммуникативно целесообразные способы вербального и невербального поведения на основе знаний о науке и культуре других народов в рамках полилога культур; сохранять национальную самоидентификацию в условиях международной интеграции и мобильности [2].

Компетентностная модель специалиста, разрабатываемая в настоящее время отечественными и зарубежными учеными, должна иметь две главные составляющие: специальную (профессиональную) и языковую. В контексте «общеευропейских компетенций владения иностранным языком» языковая коммуникативная компетенция входит в структуру базовых и ключевых компетенций специалиста и состоит, в свою очередь, из лингвистического, социолингвистического, дискурсивного, стратегического, социокультурного и прагматического компонентов [6]. Понятие иноязычной коммуникативной компе-

тентности не сводится к формированию способности решения чисто коммуникативных задач повседневного общения. Оно подразумевает решение целого комплекса как практических, так и воспитательных, образовательных и развивающих задач.

Языковая коммуникативная компетенция – это способность осуществлять общение посредством языка, правильно используя систему языковых и речевых норм и выбирая коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения. Языковая коммуникативная компетенция является личностной характеристикой человека, ее сформированность проявляется в процессе целенаправленного обучения иностранному языку.

В состав иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности, помимо указанных, входят лингвопрофессиональный и социально-информационный компоненты [2].

Лингвопрофессиональная (предметная, специальная) компетенция означает способность к восприятию и порождению текстов в определенной сфере специальной предметной деятельности, умение оперировать иноязычной общенаучной и специальной лексикой, клише языка для специальных целей, анализировать, критически переосмысливать и осуществлять презентацию текстового материала профессионально ориентированной тематики.

Социально-информационная компетенция предполагает способность выразить критическое отношение к широкому спектру информации в процессе межкультурного иноязычного взаимодействия в профессиональной и бытовой сферах деятельности, а также способность находить информацию по интересующей тематике.

Условиями, способствующими развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов, являются:

- единство личностно ориентированного, коммуникативно направленного и контекстного подходов в системе языковой профессионально ориентированной подготовки студентов неязыкового вуза;
- учет интеграции дисциплины «Иностранный язык» и дисциплин, изучаемых студентами по своей специальности;
- поэтапное формирование и развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в совокупности составляющих ее компонентов на основе базового уровня сформированности лингвистических и социокультурных компетенций студентов 1-го курса;
- диагностика и мониторинг уровня сформированности компетентностей на разных образовательных уровнях;
- определение личностно ориентированных траекторий обучения и развития студентов с учетом специфики изучения дисциплины на разных образовательных уровнях.

Процесс развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза состоит из нескольких этапов, последовательно сменяющих друг друга, от формирования лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций к развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности и далее к этапу становления и утверждения профессионализма вторичной языковой личности будущих выпускников. В ходе обучения происходит развитие значимых коммуникативных качеств личности студентов в структуре иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности, определяющих готовность будущего выпускника неязыкового вуза к профессионально ориентированному общению: лингвистическая (языковая) подготовленность, профессионально ориентированная коммуникация, культура профессионально ориентированного общения.

Как было отмечено, целью первого этапа иноязычного образования является становление лингвистической компетентности студентов, поэтому на 1-м и 2-м курсах мы начинаем закладывать основы формирования тезауруса их профессии, а также уделяем большое внимание формированию грамматических навыков студентов. Коммуникативная цель обучения грамматике в вузе состоит в формировании грамматических навыков студентов в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности. Несмотря на то что абитуриенты при поступлении на специальность «Туризм» должны подтвердить по результатам ЕГЭ достаточно хорошее владение английским языком, анкетирование и наблюдения показали, что студенты испытывают сложности при использовании в речи видо-временных форм глагола, предлогов, артиклей и некоторых других грамматических явлений. Поэтому на занятиях студентам дается в систематизированном виде краткая характеристика того или иного грамматического явления, при необходимости – краткий грамматический комментарий к речевым моделям, которые затем отрабатываются в языковых и речевых тренировочных упражнениях. Немаловажную роль здесь играет то, что лексическое наполнение этих упражнений осуществляется на основе частичного профессионально ориентированного тезауруса. Практические занятия построены следующим образом: один раз в неделю студенты занимаются устной речевой практикой на базе учебника «Welcome» [7]. С целью активизации когнитивного и коммуникативного потенциала студентов мы предлагаем на занятиях упражнения, которые носят креативный и в определенной степени проблемный характер, тренируют все навыки владения ИЯ. В процессе общения в рамках ролевой игры или имитационной ситуации (обслуживание клиента в ресторане, отеле, турагентстве; разрешение конфликтных ситуаций, возникающих в процессе обслуживания; бесе-

дование при приеме на работу как в роли претендента на вакансию, так и в роли менеджера по персоналу; проведение экскурсии и многие другие) студенты должны не только продемонстрировать умение пользоваться адекватными языковыми средствами (лексическими и грамматическими), но и умение ориентироваться в условиях общения, выбирая адекватные ситуации языковые средства для установления контакта с собеседником и разрешения ситуации, следуя правилам поведения, принятым при общении в рамках культуры англоязычных стран. Однако случается, что студенты, в частности первокурсники, не знакомы или плохо ориентируются в особенностях западной бизнес-культуры и западной модели обслуживания клиентов, не знают бытовых, поведенческих, даже географических реалий. Восполнять такие пробелы в рамках ограниченного двумя занятиями в неделю курса ИЯ представляется довольно сложной, но выполнимой задачей.

Второе занятие в неделю посвящено чтению литературы по тематике будущей профессии. Студенты читают книгу «Добро пожаловать в мир гостеприимства» [4], в основу которой положены отдельные главы из известного романа А. Хейли «Отель» и которая включает тексты информационной направленности по различным проблемам организации сферы гостеприимства, систему лексических и грамматических упражнений, а также задания проблемного характера, целью которых является мотивирование студентов к размышлению и обсуждению изучаемых проблемных ситуаций, сравнение зарубежного и российского опыта в сфере их будущей профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что на 1-м и 2-м курсах студенты еще не изучают предметов по своей будущей специальности на родном языке, поэтому, с одной стороны, занятия по ИЯ служат своеобразным введением в специальность, так как помогают в большой степени утолить «информационный голод» студентов, мотивируют их к получению информации о своей специальности с помощью ИЯ. Однако, с другой стороны, преподаватели ИЯ вынуждены на своих занятиях объяснять некоторые профессиональные понятия, которых студенты еще не знают. Если, как уже отмечалось выше, такое положение только мотивирует многих студентов к изучению ИЯ, то для преподавателей ИЯ это является дополнительной трудностью. Чтение литературы по специальности на русском и английском языках, контакты с преподавателями специальных дисциплин, работа в Интернете, постоянное творческое обсуждение методических и содержательных проблем представления понятийного аппарата на ИЯ позволяют нам решать эту проблему. Нами была создана база материально-технического обеспечения учебного процесса в виде разработанных учебно-методических пособий, материалов зарубежных издательств (учебников

на английском языке для студентов индустрии гостеприимства, журналов, рекламных материалов, образцов меню, руководств по составлению резюме и подготовке к собеседованию при приеме на работу и т. д.), аудио- и видеофрагментов, материалов для внеаудиторного чтения, различных тестовых материалов.

Итогом двухлетнего обучения ИЯ профессии является формирование в той или иной степени языковой коммуникативной компетентности студентов, в том числе лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и прагматической.

Целью иноязычного обучения на 3–4-м курсах является развитие языковой коммуникативной компетентности студентов, а также становление их лингвопрофессиональной и социально-информационной компетентностей в курсе изучения ИЯ специальности. Преподавание ведется согласно трем специализациям: туризм / экологический туризм, гостиничный сервис, ресторанный сервис. Студенты каждой специализации обеспечены учебниками английского языка по своей будущей специальности, они изучают специальную терминологию и информацию по проблемам организации соответствующей сферы индустрии гостеприимства и туризма, пополняя тем самым свой профессиональный тезаурус терминами по своей специальности.

Поскольку планируется, что выпускники будут работать менеджерами в сфере гостеприимства, которая во всем мире организована и развивается по определенным законам и правилам, наши студенты имеют возможность прочитать и обсудить главы из книги известного отельера Билла Мариотта «The spirit to serve: Marriott's way», входящие в учебное пособие «The art to manage» [3]. Студенты, с одной стороны, получают большое удовольствие от прекрасного языка американского автора, с другой стороны – узнают о нелегкой, интересной и ответственной работе менеджера компании, об ошибках, которые совершал Билл Мариотт, и выводах, которые он сделал из этих ошибок. Сами за себя говорят названия некоторых глав: «Give to your employees – and they'll give back to you» – о том, что в компании необходимо заботиться и помогать сотрудникам, «The devil is in the details» – мелкие недочеты и упущения могут привести к большим неприятностям, «He who listens well learns well» – умение слушать и слышать – одно из главных качеств менеджера, «Success is a team sport» – успех компании складывается из усилий и побед всех ее сотрудников. Обсуждая прочитанное, студенты начинают понимать, что менеджер компании – это не просто выпускник вуза, который сдал все экзамены и пришел на работу управлять другими людьми, а это человек, который отлично знает особенности своего дела не только в теории, но и на практике, внимателен к окружающим его людям и готов учиться всю свою жизнь.

Помимо указанных традиционных форм и методов обучения студентов, то есть чтения литературы по специальности, двустороннего перевода (с английского языка на русский и наоборот), обсуждения и критического осмысления прочитанного, написания эссе и т. д., нами были разработаны и апробированы следующие организационные формы учебной деятельности студентов на старших (3–5-м) курсах кафедры туризма ПетрГУ: семинары-дискуссии на английском языке, студенческие научно-практические конференции на иностранных языках, спецкурсы на английском языке.

Организация процесса обучения для указанных форм основывается на контекстном, коммуникативно-интерактивном и проблемном подходах. Обучение базируется на реализации следующих основных принципов: психолого-педагогического обеспечения личностного включения студентов в учебную деятельность; ведущей роли совместной деятельности, межличностного взаимодействия и диалогического общения субъектов образовательного процесса (преподавателя и студентов, студентов между собой); взаимного общения на иностранном языке с целью принятия и продуцирования аутентичной информации, одинаково интересной для всех участников общения; совместной деятельности, характеризующейся взаимосвязью трех объектов: производителя информации, получателя информации и ситуативного контекста; рефлексивности обучения, сознательного и критического осмысления действия, его мотивов, качества и результатов со стороны как преподавателя, так и студентов.

Семинары-дискуссии на английском языке проводятся со студентами 4-го курса кафедры туризма, поскольку к этому моменту у студентов в той или иной степени сформировалась иноязычная коммуникативная компетентность в сфере профессионального общения. Подготовка и проведение семинара проходят в определенном формате.

- Каждый студент готовит презентацию на английском языке на 25–30 минут, при этом он самостоятельно выбирает тему презентации, советуясь и окончательно формулируя ее с преподавателем.
- В основе презентации должна лежать некая проблема, требующая сбора и анализа информации на английском и родном языках, сравнения и сопоставления фактов, приведения доводов «за» и «против», мнения российских и зарубежных экспертов в данной области, возможно, личного опыта. Например, в текущем году студенты 4-го курса специализации «Ресторанный сервис» готовили презентации на темы: «Как сделать ресторан прибыльным?», «Что такое “зеленые” рестораны и возможно ли их появление в России и Карелии?», «Возможности использования Интернета для рекламирования

ресторана (сравнение российского и зарубежного опыта)», «Почему некоторые рестораны терпят банкротство и как этого избежать (на опыте российских и зарубежных ресторанов)» и др.

- В начале презентации, по мере предъявления слайдов или в конце презентации (в зависимости от ее содержания) выступающий задает аудитории ряд вопросов, побуждающих к высказыванию своего мнения, привлекающих внимание слушателей к важности или дискуссионности того или иного положения.
- После завершения презентации слушатели задают вопросы, возникшие у них по ходу сообщения, для прояснения и уточнения тех или иных положений; высказывают свое мнение по поводу затронутых проблем, при этом выступающий руководит дискуссией, комментируя высказываемые мнения.
- После завершения дискуссии выступающий может провести небольшой тест по проверке усвоенных положений презентации. Это могут быть вопросы, multiple-choice test или какой-либо другой вид проверки.
- В конце семинара слушатели высказывают свое мнение относительно содержания презентации, оценивая степень проблемности, полезность и новизну, а также уровень ее языковой подготовки; отмечают коммуникативные умения, проявленные или не проявленные выступающим; дают свои советы.

Нами разработаны требования к оформлению самой презентации, к предъявлению слушателям незнакомой лексики и терминологии, к оценке презентации слушателями: 1) содержание: анализ зарубежного опыта и возможности его использования в России; элементы исследовательской работы, структурированность и логичность изложения; 2) выступление: четкая и грамотная речь на ИЯ; контакт с аудиторией; владение материалом; ведение дискуссии; наличие раздаточного материала, тестов на проверку понимания; 3) оформление: баланс между количеством текста и иллюстрациями на экране; «читабельность» текста; отсутствие элементов, отвлекающих внимание аудитории.

Роль преподавателя в подобных семинарах состоит в консультировании при выборе и подготовке презентаций, при необходимости – в помощи выступающему при проведении дискуссии и в подсказке необходимого английского слова или термина. Мы закладываем основы важного навыка публичных выступлений на иностранном языке, начиная с логического построения выступления и грамотно оформленных слайдов и заканчивая «артистическим» аспектом, понимая, как важно и трудно научить студента тому, что называется социально значимым общением – умением не просто грамматически и лексически правильно выстраивать свою речь, но и вести себя так, как в данной ситуации повел бы себя носитель языка (жесты, мимика и т. п.).

Подготовка студентов к выступлениям на студенческих научно-практических конференциях на иностранных языках, которые проводятся нами ежегодно в формате межвузовской конференции и на которые приглашаются с докладами студенты Института туризма и Петровского колледжа, проходит в основном в таком же формате, что и подготовка к семинарам-дискуссиям. Конференции организуются ежегодно в формате пленарного и секционных заседаний (туризм, гостиничный сервис, ресторанный сервис). Выступают с докладами, как правило, студенты 2–3-го курса, студенты 1-го курса являются слушателями. Студенты 4-го курса входят в состав оргкомитета и ведут конференцию. Презентации на английском языке распределяются по трем секциям: туризм, гостиничный сервис и ресторанный сервис. В последние годы на конференции начали работать секции на немецком, французском и финском языках. Студенты, не выступающие на конференции, в обязательном порядке пишут отчет о ней на изучаемом языке, выражая свое мнение как об организации конференции в целом, так и об отдельных докладах.

Для студентов 5-го курса кафедры туризма был разработан элективный спецкурс «Организация конгрессного туризма» на английском языке. Выбор темы обусловлен отсутствием этого курса в программе обучения на родном языке, достаточно обширным опытом организации такого бизнеса в других странах и отсутствием специалистов, получивших профессиональное образование в данной области в российских вузах. Еще одной причиной введения курса является желание студентов продолжать изучение английского языка на 5-м курсе для того, чтобы поддерживать приобретенные коммуникативные навыки на должном уровне.

Материал курса подбирался на основании имеющейся в распоряжении преподавателя литературы на английском языке, информации, размещенной в Интернете, статей на русском языке. Разработка такого спецкурса требует от преподавателя большой подготовительной работы, умения структурировать материал, выделить основные понятия и уточнить их формулировки, подготовить лекции в виде презентаций. Для улучшения качества студенческого конспекта студентам за неделю до лекции выдаются шаблоны, содержащие материал каждого слайда лекции с левой стороны (по 3 слайда на странице) и свободное разлинованное пространство справа. Студенты, слушая лекцию, не занимаются переписыванием содержания слайда, поскольку они уже ознакомились с ним дома и имели возможность перевести незнакомые слова и термины. Они сосредоточены на том, что говорит им лектор, делая записи в шаблонах рядом с соответствующим слайдом, участвуя в обсуждении поставленных в ходе лекции задач, задавая вопросы лектору, если это необходимо.

Структура спецкурса наряду с лекционным материалом включает ряд заданий, которые сту-

денты выполняют, работая в небольших группах. Например, после ознакомления со структурой отрасли делового туризма студенты выполняют SWOT-анализ Петрозаводска как дестинации для проведения конференций, Петрозаводского государственного университета и ряда гостиниц нашего города как мест проведения конференций, выставок, тренингов. После изучения темы, касающейся условий для проведения конференций, оборудования помещений, организации питания участников конференции и т. д., студенты разрабатывают рекламу выбранного места проведения конференции. Например, проанализировав возможности Петрозаводского университета как места для проведения конференций, студенты представили свою концепцию бизнес-центра и разработали примерный сайт этого центра на английском языке. Кроме того, в программу курса входит проведение небольших ролевых игр (совещание в компании – заказчике конференции по выработке требований к месту проведения конференции; экскурсия по гостинице, на территории которой планируется проведение конференции; встреча с шеф-поваром и обсуждение меню и условий обслуживания участников конференции и т. д.). Завершает курс деловая игра, в которой участвуют две группы студентов: со стороны компании – заказчика конференции и со стороны организации (университета, гостиницы), на базе которой организуется данное мероприятие. В ходе изучения курса студенты также узнают о требованиях, предъявляемых к организациям, на базе которых проводятся подобные мероприятия, им даются практические советы, студенты делятся своим опытом участия и организации конференций.

Разработанные организационные формы учебной деятельности студентов на старших (3–5-м) курсах кафедры туризма ПетрГУ позволяют сту-

дентам развивать готовность к коммуникации на ИЯ в интерактивном режиме, умение получать, анализировать и сообщать информацию о профессиональной деятельности на ИЯ, способность к самообразованию и творческой адаптации к конкретным условиям выполнения заданий на ИЯ.

По окончании курса обучения нами было проведено анкетирование студентов 5-го курса с целью самооценки уровня владения профессионально ориентированным иностранным (английским) языком. Из 63 человек, участвовавших в анкетировании, 87 % оценивают его как достаточный для использования в профессиональных ситуациях общения, 84 % студентов собираются самостоятельно совершенствовать знание иностранного языка. Студенты активно используют английский язык и собираются использовать его в будущем со следующими целями: общение с иностранцами – 35 (в настоящее время) / 56 (в будущем), выступление на конференциях – 25/18, чтение литературы по специальности – 34/41, работа в Интернете – 63/63, написание деловых писем – 8/35, при телефонных переговорах – 13/44, участие в деловых переговорах, встречах – 9/50, создание рекламных материалов – 7/23.

В заключение можно сделать вывод о том, что в процессе обучения студентов иностранному (английскому) языку в рамках разработанной технологии нам удалось достичь главной цели – формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов в профессиональном общении. Это обеспечит выпускникам университета, знающим иностранный язык, основы наук и своей профессии, готовность выдерживать конкуренцию на рынке труда и занять достойное место в обществе, а также сформирует способность обучаться и самообучаться в течение всей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова Н. И. Философия иноязычного образования в неязыковом вузе на современном этапе // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. статей. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 10–21.
2. Андриенко А. С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе предметно-модульной технологии обучения): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2007. 24 с.
3. Добрынина О. Л. The Art to Manage: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 152 с.
4. Добрынина О. Л. Welcome to the World of Hospitality: Учеб. пособие по формированию навыков профессионального общения для студентов специальности «Социально-культурный сервис и туризм». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 198 с.
5. Иностранные языки: примерные и авторские программы для систем высшего образования / Министерство общего и профессионального образования РФ. М.: ЮРИСТЪ, 1998. 136 с.
6. Шейлз Д. Коммуникативность в обучении иностранным языкам. Страсбург: Совет Европы Пресс, 1995. 350 с.
7. Jones Leo. Welcome! English for the Travel and Tourism Industry. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 126 p.

УДК 004.9

НИКОЛАЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАЛАЧЕВ

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
nkalachev@fa.ru

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛАНСКИХ

кандидат военных наук, доцент, декан факультета открытого образования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
oei@dofa.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ В ПРЕПОДАВАНИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье описаны методы преподавания естественно-научных дисциплин (математики) на факультете открытого образования Финансового университета, приведено описание образовательного портала, обобщен опыт работы со студентами заочного и дистанционного отделений.

Ключевые слова: образовательный портал, преподавание естественно-научных дисциплин, заочное и дистанционное отделения

Современное образование в основном до сих пор напоминает устаревшие промышленные методы производства: стандартная конвейерная программа обучения, разделенная по предметам, преподаваемая блоками и контролируемая с помощью стандартных приемов. Оно уже не отражает тот мир, в котором мы живем [3]. Современный мир характеризуется высокой степенью изменчивости, поколения технологий сменяются гораздо быстрее, чем поколения людей, вместе с тем это многообразие и изменчивость кардинально сочетаются с ростом единства взаимообусловленности и взаимосвязанности большинства мировых процессов [5]. Это процессы глобализации общества, его информатизации, изменение численности населения планеты в сравнении с динамикой изменения ресурсной базы, новой технологической революции, повышением роли гуманитарного характера всех происходящих процессов [1]. Происходит формирование информационного общества. Традиционная система образования без ее коренной модернизации уже не справляется с новыми реалиями.

В ряде публикаций [4], [7] отражены направления совершенствования высшего образования, позволяющие сделать вывод о наметившейся тенденции перехода к формированию содержания обучения на основе междисциплинарного взаимодействия как процесса согласования языков смежных дисциплин при сохранении общей феноменологической базы и предметных тезаурусов, с единством методов, общенаучных инвариантов, универсалий, разработанных на основе интеграции математики, системного анализа и синергетики.

Анализ характерных черт информационного общества, экономики, основанной на знаниях, и роли образования позволил выявить ряд противоречий: во-первых, между формирующимся

глобальным характером экономики и сложившейся национальной системой образования. Во-вторых, прослеживается устойчивая тенденция перехода от объяснения сущности экономических процессов прозрачными детерминистскими категориями к описанию базовых процессов с помощью вероятностного моделирования, подчеркивающая потребность в интеграции естественно-научной составляющей образования и гуманитарной. В-третьих, специфика экономического развития демонстрирует потребность в специалистах с узкой профессиональной направленностью на основе набора заданных компетенций, вместе с тем социальное развитие требует повышения общей образованности как полноценного выражения человеческой субъектности. В-четвертых, становление экономики, основанной на знаниях, требует масштабной и постоянной подготовки и переподготовки профессионалов с высшим образованием, но государство не может полностью ее обеспечить. Это проблемы не только экономического образования, но и общие проблемы образования в целом!

Одним из направлений трансформации образовательного процесса признано комплексное применение информационно-коммуникационных технологий, в том числе дистанционных образовательных технологий (ДОТ), принимающих форму e-learning, создающих предпосылки для реализации принципов открытого образования. В Финансовом университете при Правительстве РФ вопросы разработки, внедрения ДОТ делегированы факультету открытого образования, стратегия которого ориентирована на комплексное, инновационное по характеру, модернизационное по сути преобразование образовательного процесса.

Открытое образование в данной статье рассматривается как добавленная и непрерывно со-

вершенствующаяся часть системы высшего образования, позволяющая реализовать парадигму открытого образования – территориальную распределенность, экстерриториальность, непрерывность, гибкость, модульность, опережающий характер. Системообразующим элементом открытого образования служит информационно-образовательная среда (ИОС), его родовым признаком – дистанционные образовательные технологии.

В процессе реализации ДОТ нами выделяются две различные модели представления знаний (контента) обучаемым: *асинхронная модель* и *модель распределенной аудитории*. Асинхронная модель предполагает, что преподавание и обучение происходят не только в разных местах, но и в разное время. В модели распределенной аудитории обучение происходит удаленно от преподавателя с применением технологий интернет-видеоконференций. Современный Интернет позволяет обеспечить общение в реальном масштабе времени и дискуссионные форумы, работающие асинхронно. Поэтому современная модель ДОТ строится на интеграции асинхронной модели и модели распределенной аудитории и классифицируется как *виртуальная аудитория* [6].

Интеграция образовательной деятельности педагога и обучаемого происходит на портале факультета открытого образования Финансового университета www.dofa.ru. Информационно-образовательный портал объединяет мини-порталы филиалов и представительств с базовыми элементами технологии дистанционного обучения, позволяющими реализовать функции преподавателя по разработке и доставке контента, виртуальному общению субъектов образовательного процесса, оценку уровня подготовки обучаемого и консультационную работу, а также управляемую самостоятельную работу обучаемого.

Разработка и доставка контента обучаемому представляет собой структурированное, алгоритмизированное, формализованное отражение сущности предмета в электронной форме, обеспечивающей результативную самостоятельную работу обучаемого. Следует подчеркнуть достаточно серьезное отличие учебных материалов, реализуемых в информационно-образовательной среде. Концепция расширяющегося образовательного пространства побуждает применять в учебном процессе так называемый «живой учебник», то есть учебник, имеющий разработанную по классическим канонам часть и, кроме того, сетевую составляющую, в которой каждый пользователь может отразить свое мнение об излагаемом материале, коллективно обсудить возникшие трудности с пониманием, добавить новые факты, статьи из периодических изданий, статистические материалы. Преподаватель в функции модератора обобщает представленные материалы, организует дискуссии по наиболее трудным вопросам. В процессе взаимодействия

формируется сетевая структура, объединенная образовательной деятельностью.

Модель образовательного процесса в информационно-образовательной среде факультета открытого образования интегрирует лекционную деятельность в режиме интернет-видеоконференций, онлайн-семинаров, тьюториалов и консультаций. В свободном для каждого обучаемого доступе имеются записи более 2500 ранее проведенных занятий. Работа преподавателя обеспечивается набором инструментов, таких как сервер интернет-обучения, система проведения интернет-видеоконференций, форум как среда общения и проведения занятий в отложенном режиме, социальная сеть типа вики, инструменты разработки учебных курсов, профессиональные программные продукты для проведения практикумов и лабораторных работ, набор сценариев проведения типовых занятий. Это упорядоченное взаимодействие преподавателя и обучаемого в информационно-образовательной среде portalного типа, реализующей концепцию виртуальной аудитории по ведению научающей и обучающей деятельности субъектов образовательного процесса.

Функция взаимодействия с обучаемым с учетом возможностей современных технологий предполагает организацию и осуществление взаимодействия нескольких типов. Во-первых, взаимодействие «обучающийся – содержание обучения» отражает процесс самостоятельной работы обучаемого с учебными материалами в соответствующей форме (ЭУМК). Во-вторых, взаимодействие типа «обучающийся – преподаватель» – форма диалогового общения с преподавателем, синхронного и асинхронного. В-третьих, взаимодействие «обучающийся – обучающийся» – процесс совместной работы в групповых проектах и самостоятельно иницилируемых коммуникативных актах.

В МГТУ им. Н. Э. Баумана создан аналогичный портал системы открытого образования «Инженер», одной из задач которого является организационно-техническая поддержка обучения с использованием ресурсов информационных технологий [9]. В Тульском государственном университете на механико-математическом факультете в течение последних нескольких лет используется аналогичная методика [2].

Контент представляется обучаемому в форме электронного учебно-методического комплекса на оптическом диске и информационной части, размещенной на сервере интернет-обучения. Работу преподавателя по созданию контента обеспечивает компьютерная программа «Электронный преподаватель 2.0», разработанная центром сетевых технологий факультета. Компьютерная обучающая программа позволяет объединить учебные, учебно-методические и справочные материалы, представленные в текстовой, графической форме в виде интернет-текста, видео- и звуковых файлов с системами тестирования и статистики. Эта же программа позволяет

управлять самостоятельной работой обучаемого на основе разрешения / запрещения доступа к информационным разделам, направлять обучаемого на повторную работу с материалами темы или предоставлять ему заранее подготовленную «подсказку» преподавателя.

Одной из первостепенных задач современного вузовского образования является внедрение в учебный процесс информационных технологий, позволяющих объективно оценивать полученные знания путем внедрения автоматизированных систем критериально-ориентированного тестирования. На факультете открытого образования Финансового университета в процессе преподавания естественно-научных дисциплин используется система интернет-тестирования, реализующая педагогическую концепцию оценивания как непрерывный процесс, позволяющий анализировать текущую работу субъектов учебной деятельности и проводить их коррекцию. Индивидуальные тестовые задания формируются с заданной сложностью и предполагают выбор тестовых заданий случайным образом [8]. Полный протокол результатов тестирования содержит информацию о слушателе, наименование учебной дисциплины (учебной темы), название и номер каждого тестового задания, результаты его выполнения, окончательные характеристики прохождения теста – суммарный балл, процент набранных баллов, фактическое время прохождения теста. Кроме того, преподаватель может получить распечатку каждого тестового задания с указанием эталонного ответа и решения обучаемого. Форма отчетов и их содержание задаются администратором системы.

Система интернет-тестирования была опробована при изучении дисциплин «Линейная алгебра и элементы аналитической геометрии», «Основы математического анализа», «Теория вероятностей и математическая статистика» на

1-м и 2-м курсах факультета открытого образования Финансового университета.

Сложившаяся система оценки результатов учебной работы студента, ее инструментарий ориентированы в основном на итоговый контроль, но нелинейное, открытое представление учебной информации ставит во главу угла контроль коррекционного типа всех этапов работы обучаемого, результаты которого позволяют вносить изменения как в методику работы преподавателя и обучаемого, так и в содержание учебных материалов. Эти изменения осуществляются в ходе учебного процесса, поэтому с учетом коррекционного воздействия мы можем говорить о гарантированном достижении заданного уровня качества обучения.

ВЫВОДЫ

Разработанные и применяемые в Финансовом университете с 2002 года в учебном процессе дистанционные образовательные технологии показали свою эффективность, результативность и достаточно высокую надежность. За это время разработаны и внедрены четыре поколения технологий – от частичного применения Интернета до полномасштабной интернет-технологии, реализующей возможности Web-2.0.

Применяемая система адаптивна к новым технологиям, создает предпосылки для модернизации образовательного процесса во всех формах обучения, имеет потенциал инновационного развития, позволяет перейти от экстенсивных методов развития к интенсивным, снижает субъективную зависимость результатов образовательного процесса. Это живая, расширяющаяся система с творческим компонентом, совершенствующаяся вместе с формированием информационного общества, экономики, основанной на знаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова О. М. От науки к бизнесу // Финансист. 2010. № 110. С. 18–19.
2. Бертяев В. Д., Булатов Л. А., Сазонов Д. Ю. Методологические особенности применения информационных технологий обучения в цикле естественнонаучных дисциплин // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Информатика и информатизация образования». 2006. № 7. С. 209–210.
3. Драйден Г., Вос Д. Революция в обучении: Пер. с англ. М.: ООО «ПАРВИНЭ», 2003. 672 с.
4. Каган М. С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории. Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс – Традиция, 2007. С. 232–234.
5. Кинелев В. Г. Образование для информационного общества // Открытое образование. 2007. № 5 (64).
6. Лямзин М. А., Баруздина И. А. Совершенствование преподавания дисциплин естественнонаучного цикла в вузе с применением информационных технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.firstjob.ru/?Scienceview&ID=7>
7. Моисеева М. В., Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Нежурина М. И. Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна. М.: Издательский дом «Камерон», 2004. 216 с.
8. Никитин Н. В., Уваров А. Ю. Телекоммуникации, обучение, профессионализм. М.: Логос, 2008. 428 с.
9. Плосковитов А. Б. Методико-технические проблемы преподавания естественнонаучных дисциплин с использованием элементов открытого образования «Научно-образовательный портал Инженер, МГТУ им. Н. Э. Баумана», 13 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.engineer.bmstu.ru/journal/publications/ploskovitov_problems.phtml

УДК 347.628.42

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский
научный центр РАН, профессор кафедры философии и со-
циологии, Кольский филиал Петрозаводского государст-
венного университета
irinarazumova@yandex.ru

БРАЧНЫЙ СТАТУС И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ БРАКА

В статье обсуждаются проблемы, связанные с современными брачными конфигурациями и типологией брака. Проблематизированы общепринятые признаки брака, рассмотрены функции фактического брака и предложена классификационная схема.

Ключевые слова: признаки брака, фактический брак, функции, брачные конфигурации, классификация

Эта статья написана на основе исследования современных моделей брачного поведения, нацеленного на выяснение вопросов концептуализации брака с позиций различных социальных субъектов, а также возможностей типологии брачных конфигураций в настоящее время и в ретроспективе. Эмпирическую базу составили полевые материалы, собранные с помощью комплекса социально-антропологических методов в городах разного статуса Северо-Западного региона (Санкт-Петербург, Петрозаводск, малые города Кольского Севера)¹. Помимо материала, собранного по специальным опросникам, в исследовании использовались биографические интервью, устные истории семей, рассказы о создании и распаде семей, спонтанные высказывания. В данном случае мы предлагаем лишь авторское видение проблемы, которое во многом является результатом интерпретации около 300 интервью, а также других источников. Возраст респондентов – от 17 до 83 лет, что позволяет рассматривать брачные конфигурации на протяжении нескольких поколений с последующей перспективой сравнительного анализа.

БРАК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАКОНА И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В соответствии с действующим Семейным кодексом Российской Федерации, законным считается только брак, заключенный в органах ЗАГС [19; п. 2]. Недействительными являются браки, совершенные по религиозным обрядам, «гражданские», или фактические, и заключенные по нормам иностранного семейного права, не согласующегося с порядком РФ [6; 2–3]. Вместе с тем вряд ли следует доказывать, что с социологической точки зрения брак представляет хоть и зависимый от государства, но автономный социальный институт, а реальные социальные структуры затруднительно описывать по единственной паре признаков (зарегистрированность /

незарегистрированность). Понятие «фактический брак» в российском законодательстве не предусмотрено. Изначально церковному легитимному браку противостоял «гражданский», отсюда значение «незаконности», присущее понятию «гражданский брак», которое закрепилось в современном обыденном словоупотреблении.

Важными факторами динамики брачных практик являются изменения брачного законодательства и сопутствующей ему идеологии брака. В контексте социальной истории России и СССР эти факторы глубоко проанализированы Н. Л. Пушкаревой и О. Е. Казьминой [10], [17]. Перемены юридического статуса «гражданского брака»² приводили к усилению и умножению противоречий в реальной супружеской и семейной жизни. Адюльтер, «незаконная» любовь и подобные явления, усугубляясь бытовыми проблемами, произволом чиновников, религиозной и советской аскетической моралью, составили основной сюжетный корпус массовой литературы и кинопродукции, особенно в постсталинский период. Как бы ни видоизменялось законодательство, сомнению не подлежали государственный контроль за брачно-семейными отношениями и установка на пожизненный характер брачного союза. Наконец, согласно Семейному кодексу 1995 года, имущественные отношения членов семьи стали регулироваться не семейным правом, а гражданским. Супруги получили возможность самим определять и регулировать правоотношения через разные договоры [17; 84]. Однако традиция до сих пор препятствует развитию договорных практик и законных, и фактических супругов. Имущественный аспект фактического брака по-прежнему воспринимается как основная его проблема.

С эволюционистской точки зрения все союзы мужчин и женщин за пределами легальной многогамии квалифицировались как архаические, пережиточные. В самой ранней своей работе, посвященной семье и браку у зырян, П. А. Со-

рокин именно так оценил различные отклоняющиеся от классической моногамии типы отношений полов у финно-угорских народов [20; 59]. У исследователей конца XX – начала XXI века сформировалась иная позиция. По мнению Т. А. Бернштам, добрачные отношения молодежи и появление внебрачных детей представляли общерусскую тенденцию, имели не только архаичные корни, но и социальные причины; они не были препятствием для вступления в брак, особенно в северных областях, хотя и «сочетались с формами публичного осуждения» [3; 51]. Современные этнографы утверждают, что добрачные связи молодежи связаны с традиционной системой ритуального регулирования отношений, которая способствовала подбору брачных пар [14; 9–12]. Если принять эту точку зрения, то никак нельзя считать новационной массовую современную практику молодых пар жить совместно до заключения официального брака.

Позиции ученых по вопросу о незарегистрированных союзах кардинально расходятся. Помимо научных аргументов, на осмыслении брака сказываются национальные традиции, личные убеждения, идеологические и гендерные установки, биографический опыт исследователей. В рамках концепции «кризиса семьи» внебрачные связи категорически отрицаются и выступают симптомом институционального неблагополучия [7; 49]. Иной взгляд у интеракционистов и сторонников динамической концепции семьи, которые исходят из того, что по мере общественного развития семья не утрачивает, а модифицирует и переорганизует свои функции и структуры, проявляя достаточно высокий уровень адаптивности [26], [29], [31], [32]. Основное место в теориях брака занимают концепции брачного обмена, брачного выбора и т. п. ([2], [24], [30] и др.), «брак» выступает как обобщенная категория и ступень создания семьи безотносительно к его возможным вариациям. Отечественные исследователи начиная со второй половины 1980-х годов констатируют тенденцию к переходу от зарегистрированных браков к незарегистрированным союзам [8; 201–202], [10; 217]. Это подтверждает динамику институтов семьи, брака, родительства, родства в направлении их автономизации. Западные социологи подчеркивают, что «не столько сам институт брака переживает кризис, сколько меняется наша трактовка такого понятия, как брак» [12; 36–37]. Это позволяет на новом уровне обсуждать вопрос о «деинституционализации» брака [25], интерпретировать его по основаниям качества и стабильности [27] и рассматривать плюрализм брачных моделей как средство сохранения высшей категории межличностных отношений [28].

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕННЫХ

Характеристики и функции института брака недостаточно четки и в значительной части ва-

риабельны [4; 66], [15; 427–429], [22; 136–143], [21; 49–50]. Каждый признак из основного набора нуждается в толковании, исключениях и комментариях. «Союз мужчины и женщины» указывает лишь на один из типов брака: разнополюсный моногамный. С ним можно соотнести полигамию и бигамию: «...альтернативы моногамным моделям полигамны, а в рамках славянской культурно-исторической традиции бигамны» [8; 213]. Ситуации, при которых мужчина (реже – женщина) имеет фактически две семьи – «законную» и «незаконную», легче отнести к тотально распространенным, чем к ненормативным.

«Санкционированность союза законом, религией или обычаем» позволяет рассматривать «законный» брак в качестве одного из типов брачного союза. Законодательство признает права конфессий считать или не считать легитимным брак, совершенный только по религиозным или светским обрядам³.

«Сексуальная основа отношений» при последовательном учете признака дает основание включить в число брачных а) парные союзы трансвеститов, если они не признаны законом⁴, б) отношения любовников. Со статусами «любовников» ассоциируются, как правило, потаенность и «постыдность», они составляют альтернативу супругам, что выражается в дискредитирующем обозначении «связь» [16; 286]. Однако вариативность отношений в пространстве «супруги» – «любовники» может быть представлена как шкала, и ее полярные позиции обозначаются только теоретически. С одной стороны, в историко-литературных источниках, устных воспоминаниях, современной действительности достаточно примеров того, что регистрация брака и венчание могут осуществляться тайно, долгое время скрываться от общества по причинам нравственно-психологическим, семейно-конфликтным, криминальным и прочим. С другой стороны, отношения любовников в наши дни имеют тенденцию к открытости, в ряде случаев не являющиеся тайной для «законных» супругов и даже признаются ими как необходимые или неизбежные, если принять во внимание многочисленность функций брака и семьи. «Постыдность» возникает в том случае, когда сексуальная функция приравнивается к «безнравственности», «инстинкту» или проституции. Однако институт «любовников» отличается от института проституции, экономического по существу, а сексуальные отношения людей в любом случае являются частью социокультуры⁵.

Констатация «прав и обязанностей» супругов предполагает открытость отношений для контроля. Государство и общество более или менее способны контролировать лишь отдельные стороны брака: экономическую, статусную, физическую (насилие). «Духовная близость», например, контролю не очень поддается. Неслучайно, согласно материалам проведенного нами специального эмпирического исследования, в интерпретациях брака одно из первых мест занимает

категория «ответственности», имеющая больше этическое, чем юридическое обоснование⁶.

«Продолжительность отношений» – весьма неявный критерий. В случае законного супружества он служит показателем стабильности, в случае фактического брака – идентификатором его как такового. При наличии регистрации, даже если супруги расстались навсегда на другой день после свадьбы (например, в случае войны и последующей гибели супруга), существование брака под сомнение не ставится. Возникает вопрос: что считать нижней границей продолжительности отношений, «минимумом» фактического брака? На наш взгляд, проблема не поддается объективному решению, любые конвенции непременно будут в конфликте с позициями других субъектов.

Представляются проблемными два отчасти, но не полностью взаимосвязанных признака брака (как и семьи) – «совместное проживание» и «совместное хозяйство». Признак совместного проживания нередко включается в определения брака с оговоркой «как правило» – то есть он считается оптимальным, но не обязательным. Данные свидетельствуют, что по части успешности, стабильности, функциональности равноправно могут противостоять друг другу браки с совместным, раздельным и совместно-раздельным проживанием супругов. По биографическим источникам, достаточно примеров прочных браков представителей профессий, связанных с длительными разъездами; супругов, разлученных на годы волей внешних обстоятельств, и т. д. То же касается совместного ведения хозяйства. Фактические супруги, проживающие и хозяйствующие раздельно, могут, например, иметь в совместном владении и пользовании дачу, квартиру для периодических встреч, и в этом пространстве иметь общий быт, хозяйство. Возможен и другой вариант: совместное хозяйство зарегистрированных или фактических супругов в общей квартире и раздельное – дачное (на собственных или полученных в наследство участках, в загородных домах). Даже простой перечень возможных ситуаций оказывается протяженным при всей исчислимости реальных моделей. Если же оба признака относить к основным, пришлось бы обсуждать в качестве «брачных» ситуации совместного проживания и хозяйствования коммунальных жильцов самых разных категорий.

На стабильность отношений в зарегистрированном и фактическом браке действуют сходные факторы: жилищная ситуация, виды деятельности и профессии супругов, взаимоотношения с родственниками, личностные ресурсы супругов и многое другое. Одна из важных функций брака заключается в том, что он выступает в качестве средства или необходимой ступени создания иных институтов: семьи, родительства, родства. Именно поэтому фактический брак в конкретных обстоятельствах может квалифицироваться

как «бесперспективный». Вместе с тем в качестве автономного института брак не рассчитан на преемственность, пресловутая «прочность» касается только глубины и интенсивности коммуникаций супругов, продолжительности их жизни и символической верности одного после смерти другого. В отношении детей фактические супруги неподконтрольны государству (напомним о налоге на бездетность).

Одна из методологических проблем изучения современных брачных конфигураций – отсутствие соотнесенности объективных и субъективных факторов определения брака. Статистические данные о незарегистрированных браках закономерно отсутствуют. В этой области открывается пространство для исследований качественными методами, но они осложняются тем, что область исследования слишком «закрыта» объектом. Изучение требует большого времени, специальной методики, связанной в том числе с личностными позициями исследователей (желательно, чтобы исследователей было больше, а их опыт и исходные установки различались).

БРАЧНЫЕ СТАТУСЫ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В систему терминов родства и свойства включена подсистема терминов брака: слова, обозначающие пары и лица по их брачному состоянию, а также сами виды брака. Номинации и статусы супругов («муж», «жена») относятся к свойственным, если исходить из противопоставления родства свойству. Эксклюзивность обоих статусов связана лишь с классической моногамной семьей. От них зависит система терминов и статусов свойства. С расширением и изменением брачных структур меняется система наименований, которая является преимущественно описательной.

Обозначения форм брака разнообразны, поскольку в повседневной жизни «браком» считаются и именуются типы отношений, часто требующие уточнения. Номинации опираются на прямые, непрямые или «ложные» дихотомии: брак законный / незаконный, зарегистрированный / незарегистрированный, официальный / неофициальный, церковный («венчанный») / гражданский, «настоящий» / фиктивный, однополый («альтернативный») / разнополый («нормальный») и др. Есть порядковые значения: первый, второй браки и т. д. Уточняющий временной компонент включает брачные состояния в жизненный цикл индивида: брак бывший – настоящий – будущий. В широком смысле в систему номинаций включаются все обозначения союзов мужчин и женщин, преимущественно, но не исключительно парных и разнополых. Уточняющие термины переносятся с обозначений брачных статусов на свойственные: «бывший тесть», «вторая свекровь», «фиктивный зять», «фактическая невестка» и т. п. Описательные термины «будущий муж», «будущая жена» яв-

ляются более частотными и нейтральными в сравнении с обозначениями «жених» и «невеста», которые сохраняют ритуальные значения и нередко употребляются с иронией. Нейтральным, а потому наиболее употребительным в речи молодых женщин, состоящих в «пробном браке», является обозначение «мой молодой человек». Пара наименований «молодой человек» и «девушка» вытеснили устаревшие «жених» и «невеста», что допускает неоднозначность интерпретации отношений.

Термины для лиц, состоящих в незарегистрированных парных отношениях, в русском языке неустойчивы, не согласуются с динамичной социальной ситуацией и в большей или меньшей степени не устраивают носителей языка. Слова «любовник», «любовница», отчасти устаревшие, основное значение которых связано с сексуальными отношениями [16; 286], с большой вероятностью исключают остальные, отчасти были и остаются табуированными (например, когда речь идет о себе и близких). Поскольку сексуальные отношения – существенный и фактически «первичный» элемент супружеского союза, эти номинации можно включить в брачную номенклатуру, особенно если учесть различия в означивании отношений самими их участниками, окружением, обществом в целом, экспертами.

В настоящее время самыми частотными и обычными обозначениями любовных и «гражданско-супружеских» отношений являются «друг» (в женском словоупотреблении) и «подруга» (в мужском словоупотреблении). Семантика их расходится. Наличие «друга» у женщины может означать и собственно дружеские, и любовные отношения. «Подруга» мужчины чаще означает сексуальную (любовница) или фактическую брачную («гражданская жена») партнершу. Мужчина имеет возможность дифференцировать женщин близкого окружения, называя, например, одну «другом», другую – «подругой». Это различие социально-статусное: у «друга» и «жены» статус выше – при безусловном качественном различии этих статусов между собой⁷. Вариативность номинаций позволяет окружающим «за глаза» использовать то или иное обозначение для выражения собственной оценки. Официально-юридическое понятие «сожителю» аксиологически является самым презрительным, оно имеет оттенок значения, связывающий с «социально неблагополучными элементами».

Как пишет современная журналистка, «несмотря на разговоры о кризисе семьи и распространении гражданских браков, они у нас, видимо, все-таки не настолько распространены, чтобы в языке появилось специальное слово для обозначения таких отношений» [9; 8]. Дело, разумеется, не в малой распространенности социального явления, а в вариативности его самого и отношения к нему. Речевая практика в настоящее время отражает переходную ситуацию в осмыслении брака в его различных модификациях.

О ТИПОЛОГИИ ФАКТИЧЕСКИХ БРАКОВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Представленная в специальной и учебной литературе классификация типов брака, пытающаяся учесть разные его признаки, ориентируется преимущественно на историко-этнографический подход. Отдельные типы брака квалифицируются как «архаические» (например, «брак посещения», «гостевой», «групповой»), другие – как культурно дистанцированные (полигиния, полиандрия), третьи – как «ненормативные» (однополый). В европейской социальной истории используется категория «брачность», основанная на демографических показателях и зависящая от культурно детерминированного типа союза [23]. На наш взгляд, идя от современного материала, можно разрабатывать дробную типологию по каждому критерию брачного союза при широком понимании самого феномена.

Простейшую типологию фактических браков на российском материале предложила А. Р. Михеева, выделив в своей статье разделы «Сожительство как союз, предшествующий первому браку» и «Сожительство как повторный брачный союз» [13]. При обсуждении вопросов «гражданского брака» внимание, как правило, сосредоточено на молодых парах, которые начинают совместную жизнь, а по прошествии времени решают зарегистрировать отношения или расстаются. В последние десятилетия так называемый «пробный брак» получил широкое распространение, и общественное внимание к нему закономерно. Вместе с тем английские социологи еще десять лет назад отмечали: «...данные статистики свидетельствуют, что сожительство более распространено перед вступлением во второй брак, чем до первого брака» [12; 429]. Сравнительные исследования в этой области пока составляют перспективу.

Очевидно, что отношение к пробным бракам, особенно после повышения сексуальной грамотности населения, в российском обществе становится все более толерантным. Отчетлива тенденция к официальной регистрации брака «по беременности» или сразу после рождения ребенка. Другой распространенный вариант: принятие молодой парой, находящейся в сексуальных отношениях, совместно проживающей в течение определенного времени, решения о заключении брака вслед за решением иметь детей. Регистрация, таким образом, осмысливается как акт, обеспечивающий исключительно права ребенка, но не имеющий особого отношения к союзу мужчины и женщины. «Не хочу впутывать государство в свою личную жизнь», – широко и давно бытующее высказывание. Вместе с тем рождение ребенка уже означает, что «личные» отношения переходят в новое качество, становятся «семейными» и тем самым представляют «непрерывную ступень к правовому закреплению эмоционально и психологически оправ-

давших себя отношений», – пишет С. И. Голод [8; 200]. Проблемы молодых семей на сегодняшний день признаются государством и обществом актуальными в связи с демографическими национальными приоритетами. В силу этого все стадии развития молодой семьи, начиная с мотивации брака, матримониального поведения, репродуктивных установок и т. д., вызывают интерес, их изучение и обсуждение популярно. Фактический брак в молодежной среде может рассматриваться как ступень создания семьи.

Что касается других форм незарегистрированных союзов, им почти не уделяется места в отечественных исследованиях, а между тем они очень разнообразны. Мы предлагаем не общую типологию, а предварительную схему к классификации отношений, которые так или иначе подходят под категорию «фактический брак». Все потенциальные критерии мы условно разделили на основные и прочие. К основным отнесены признаки, связанные непосредственно со статусом фактического брака, то есть по типологической характеристике союза, выделенного на основе оппозиции формальности / неформальности, с учетом последовательности брачных событий в жизни индивида и его семьи (семей). В течение жизни индивид не только состоит или не состоит в браке в тот или иной период, он вступает в браки различного типа. С помощью биографического метода прослеживаются разнообразные брачные траектории людей, факторы, влияющие на количество браков, их статус, интервалы между ними. При этом следует учитывать брачные события в жизни обоих партнеров, а также мотивирующие их обстоятельства. Все это создает разновидности брачных моделей⁸.

Субъективный фактор при идентификации брака не менее важен, чем при определении круга родственников или собственной семьи. Использование качественных методов, как и применительно к другим объектам, позволяет выяснить характер осмысления, переживания и оценки конкретных браков самими участниками, а также представлениями окружающих разной степени близости или дальности, разных социальных и этических позиций и т. п. Уверенно можно предположить, что признаки фактического брака будут варьировать шире, чем признаки официального брака. Это касается отнюдь не только субъективных аспектов: семейной идеологии, знаний о правах и обязанностях супругов, представлений о «нормальном» браке. Современное законодательство, со своей стороны, оставляет широкие возможности для вариаций определения признаков брачного состояния, поскольку абсолютное значение имеет только «зарегистрированность». Однако даже в этом случае возможны проблемы с идентификацией, о чем свидетельствует, в частности, категория «фиктивного брака». В случаях и формального, и фактического супружества существует значительный разброс мнений в отношении признаков, которые мы отнесли к категории «прочих» – отнюдь не по малой значимости. По данным признакам в полной

мере не определилось ни государство (за исключением вопросов собственности, имущества супругов), ни эксперты в лице специалистов-социологов, ни общественность.

Предложенная ниже схема является рабочей, с чем связана недостаточная детализация отдельных позиций. Тем не менее считаем возможным представить ее сокращенный вариант как начальное основание будущей более строгой типологии.

РАБОЧАЯ КЛАССИФИКАЦИОННАЯ СХЕМА

I. Статус фактического брака в синхронии и диахронии (системе жизненного цикла супругов).

1. «Пробный» брак молодой пары.
2. Послеразводный фактический брак:
 - 2.1. После развода одной или обеих сторон;
 - 2.2. Продолжение фактических брачных отношений после официального расторжения брака (реального или фиктивного развода);
 - 2.3. Возобновление отношений супругов после развода и перерыва контактов.
3. После утраты супруга:
 - 3.1. Одной стороной (вторая сторона – после развода или ранее не имела супруга);
 - 3.2. Обеими сторонами.
4. Бигамный брак:
 - 4.1. При наличии зарегистрированного брака у одной или обеих сторон;
 - 4.1.1. При нежелании расторжения зарегистрированного брака;
 - 4.1.2. При невозможности расторжения предшествующего или регистрации данного брака по законным основаниям (случаи, предусмотренные законодательством);
 - 4.2. Обе стороны не состоят в зарегистрированном браке.
5. Полигамный брак – при наличии зарегистрированного и двух (и более) фактических браков у одной или обеих сторон.

II. Прочие группы переменных.

1. Функции фактического брака (состав, конфигурация, иерархия).
2. Наличие / отсутствие негосударственной социальной санкции на брак (родителями одной или обеих сторон, друзьями, референтной группой, общественной или любой неформальной организацией и пр.).
3. Открытость / анонимность (степень открытости для разных категорий окружающих).
4. Наличие / отсутствие ребенка (детей) у одной или обеих сторон в фактическом браке и до него.
5. Порядок (первый, второй и т. д.) в ряду брачных событий каждого супруга.
6. Способ проживания (совместное, раздельное, совместно-раздельное – с дифференцирующими показателями).
7. Ведение хозяйства (в соответствии со способом проживания и дифференцирующими показателями).

8. Отношения собственности.
9. Продолжительность фактических брачных отношений.
10. Формы коммуникаций (в соотношении с функциями брака).
11. Глубина коммуникаций (значение, качество).
12. Интенсивность коммуникаций (частота, разнообразие, регулярность).
13. Установки фактических супругов (обоюдные или различные):
 - 13.1. На узаконение брака,
 - 13.2. На продолжительность брака,
 - 13.3. Прочие (в соответствии с различными переменными).
14. Динамика брачного статуса (последующая регистрация, венчание, сохранение статуса фактического брака).
15. Социальные характеристики супругов.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

При типологии фактических браков в первую очередь учитываются их сущностные (статусные) и структурно-функциональные характеристики. Вместе с тем имеют значение факторы, инициирующие существование тех или иных типов. Сложность составляет динамика брачных отношений: фактический брак может завершиться регистрацией или сохранять свой статус. Желательно учитывать и систематизировать не только типы, но и динамические модели отношений. Для определения статуса конкретного союза приходится иметь в виду исходную и перспективную ситуации, связанные с объективными возможностями (условиями) и субъективными установками партнеров, которые и определяют тип фактического союза.

Вопрос о соотношении функций институтов брака и семьи, если их считать относительно автономными, согласно принятой нами концепции, остается недостаточно проясненным. Официальный и неофициальный брак выполняют ряд одинаковых функций: обеспечение душевной и сексуальной близости, коммуникации, экономической поддержки, эмоционально-психологической поддержки, совместного досуга, создания семьи, включающей детей и других родственников, и др. Поскольку в случае брака мы имеем дело с супружеской моделью, а не децентристской, на первом месте оказывается метафункция стабилизации взрослых. Кроме того, фактический брак в сравнении с зарегистрированным и по отношению к нему выполняет дополнительные специфические функции. Анализ и систематизация этих функций составляет предмет отдельных исследований. Ограничимся очевидными.

Фактический брак, называемый «пробным», а) выполняет роль своего рода фильтра, способствующего оптимизации подбора брачных пар; б) адаптирует к последующей брачной жизни,

это касается и конкретного брака, и брачного состояния как такового, особенно если речь идет о младших возрастных группах и о лицах, долго не вступавших в брак; в) способствует формированию у индивида личной семейной идеологии (представлений о желательных и нежелательных обязанностях и правах); г) облегчает процедуру расторжения брака и, по-видимому, имеет ряд других функций.

При идентификации функций фактического брака очевидна двойственность многих из них: плюсы оборачиваются минусами и наоборот. Дело даже не в гендерной асимметрии. Принято считать, что женщины больше, чем мужчины, заинтересованы в легитимации брака, которая ассоциируется с его стабильностью. Данный стереотип, если принять его как гипотезу, не может пока считаться подтвержденным, поскольку достаточно примеров того, что регистрировать брак не хочет именно женщина. Важно прояснить, что, кого и в каких случаях стабилизирует или дестабилизирует фактический брак.

Неформальный брак может социально, психологически стабилизировать лиц, переживших неудачный брак и развод или, напротив, очень счастливое супружество. Для людей старших возрастных групп, воспитанных в идеологии «пожизненного» брака, смена партнера независимо от качества отношений в конкретном случае достаточно болезненна и сопряжена с этическими барьерами. То же касается фобий, связанных с возрастными, социальными, этническими и прочими дистанциями между супругами, физическим их состоянием. Чрезвычайно важным фактором, влияющим на решение о статусе повторного супружества, является страх, касающийся обеспечения имущественных прав детей от первого брака. Люди, социализировавшиеся в советский период, слабо информированы о возможности решать такие проблемы юридическим (договорным) путем или не верят в него. Большое значение имеет также отношение ближайших родственников: ситуация потенциально конфликтна или оценивается в качестве таковой. Конфликтность в значительной мере поддержана классической литературой, драматургией, кинофильмами.

Таким образом, функционально фактический брак связан с проблемами послеразводной семьи и семьи овдовевших лиц. Одновременно он может стабилизировать не только самих брачных партнеров, но их ближайших родственников, друзей, если те в силу каких-либо из отмеченных причин опасались этого брака. Различные препятствия к официальному браку (нравственного, имущественного, социального, психологического характера) преодолеваются полностью или частично благодаря возможности фактических, «свободных» отношений. Особо подчеркнем: не имеет значения, объективные это препятствия или мыслимые. Те и другие для индивидов реальны в равной степени.

Есть еще одна функция фактического брака, которая при определенных условиях лишает его преимуществ. «Привлекательность и одновременно сложность указанных отношений заключены в идее состязательности, постоянном подтверждении своего духовного и физического потенциала», – заметил С. И. Голод [8; 200]. Надо полагать, чем моложе фактические супруги, тем более функциональным в этом отношении является их брак. Ослабленный внешний контроль и легкость расторжения отношений требуют самоконтроля, поддержания интереса друг к другу, сохранения физической формы, заботы о психологическом комфорте партнера и т. д. Не для всех приемлемо такое постоянное напряжение. К позитивным стереотипам в оценках фактического брака относятся утверждения, что партнеры (прежде всего женщины) в фактическом браке «лучше сохраняются», к амбивалентным – рассуждения о большей «свободе» отношений супругов вне данного брака, к негативным – высказывания о «бесперспективности» отношений.

Одна из основных функций фактического брака – компенсаторная. В первую очередь это касается такой распространенной формы бигамии, при которой наряду с фактическим браком имеется официальный. Законный брак может быть дисфункционален в отношении отдельных функций: сексуальной, досуговой, эмоциональной, репродуктивной, любой другой. Эту функцию (или несколько) компенсирует одновременный фактический брак. В случае последовательности официального и фактического браков незначительной может оказаться сама «инаковость» последнего, если предыдущий, официальный, брак рассматривался как неудовлетворительный.

В отличие от формального брака, который не всегда легко расторгнуть и который часто воспринимается как средоточие «обязанностей»,

фактический брак способен стать более эффективным средством избавления от одиночества. Это в высшей степени касается пожилых одиноких людей, для которых проблемы детей (отсутствующих вообще или отделившихся), имущества, собственного отдельного жилья утратили актуальность, а вопрос о прочности, долговременности союза является риторическим.

В конечном счете дело исследователей отказать фактическому браку в праве на само именование, оставив за этим понятием только значение официально санкционированного союза, и так же условиться о номинациях «супруги», «муж», «жена». Для совокупности же социальных явлений, которые объединяются понятием фактического брака, а «в народе» называются браком гражданским, можно ввести иное понятие, и оно должно быть дифференцировано. Понимание феномена фактического брака возможно лишь при анализе того, как он воспринимается общественным сознанием и выражается в языке. Это очень сложная задача, поскольку сами партнеры слишком часто по-разному воспринимают и обозначают свое гражданское состояние. В целом успешность фактического брака, как, впрочем, и зарегистрированного, зависит от того, насколько супругам удастся согласовать свои позиции в отношении к браку как таковому и взаимно считать себя полноправными супругами (или кем-то иным?).

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Текстовый материал находится в архиве ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты).
- ² Так, в 1926 году «Кодекс о браке, семье и опеке» признал правовой характер фактических брачных отношений, и эта ситуация сохранялась до 1944 года, когда Указом правительства от 8 июля 1944 года незарегистрированный брак был объявлен незаконным, как и рожденные в нем дети.
- ³ Как известно, в настоящее время РПЦ венчает только зарегистрированные браки, но это лишь один из возможных вариантов взаимоотношений институтов государства и религии по поводу брака.
- ⁴ Активно дискутируемую в науке и обществе проблему гомосексуальных союзов мы не акцентируем намеренно, чтобы выделить иные аспекты темы.
- ⁵ Поскольку эти вопросы в последние годы очень активно разрабатываются в рамках сексологии и гендерной социологии, выносим их также за рамки обсуждения.
- ⁶ Эмпирическое исследование выполнено в 2009 году в г. Апатиты в рамках темы ЦГП КНЦ РАН «Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв.» (см. [18]).
- ⁷ Образом семантического анализа слова «друг» в связи с моделями дружбы в русской культуре остается исследование А. Вежбицкой [5; 102–143].
- ⁸ Подобные исследования могут быть скоррелированы с методами изучения жизненного цикла семьи, разработанными в современной микросоциологии семьи [1; 144–235], но с той существенной разницей, что в нашем случае объектом является фактически другой социальный институт, модификации которого в интерпретациях сторонников указанных методов сводятся к функции деформации «нормативного» семейного цикла, созданию «осколочных» или «неполных» семей и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
2. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках: Пер. с англ. // THESIS. 1994. Вып. 6. № 6. С. 12–36.

3. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 227 с.
4. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева и др. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2006. 856 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
6. Вишнякова А. В., Хинчук В. М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Юридическая фирма «Контракт»: Издательский дом «ИНФРА-М», 2009. 288 с.
7. Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1999. 320 с.
8. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
9. Гражданский брак: за и против // Костромская народная газета. 2010. № 27/7. С. 8.
10. Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. статей. Кн. 1 / Сост. и ред. Н. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185–218.
11. Клецин А. А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX – XX в.). СПб.: Петрополис, 2000. 114 с.
12. Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А–Я: Словарь-справочник: Пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с.
13. Михеева А. Р. Сожительство в сибирской деревне: опыт ретроспективного анализа // Семья в России. 1996. № 2. С. 48–63.
14. Несанелис Д. А., Семенов В. А. Долгий путь Питирима Сорокина // Сорокин П. Этнографические этюды (Сборник этнографических статей П. А. Сорокина). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. С. 4–17.
15. Новая российская энциклопедия: В 12 т. Т. III (1). М.: Энциклопедия: Издательский дом «ИНФРА-М», 2007. 480 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 16-е изд., испр. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
17. Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
18. Разумова И. А., Левенец Т. С. Способы интерпретации фактического брака // Труды Кольского научно-го центра РАН. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып. 1. (В печати.)
19. Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. с последними изменениями, внесенными Федеральным законом от 30 июня 2008 г. № 106-ФЗ.
20. Сорокин П. А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Сорокин П. Этнографические этюды (Сборник этнографических статей П. А. Сорокина). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. С. 52–67.
21. Социологический словарь / Академический учебно-научный центр РАН МГУ им. М. В. Ломоносова / Отв. ред. Г. В. Осипов, П. Н. Московичев. М.: Норма, 2008. 608 с.
22. Социология: Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. 1312 с.
23. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 14–69.
24. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология: Пер. с англ. / Под ред. Г. М. Андреевой и др. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 82–91.
25. Andrew J. Cherlin. The Deinstitutionalization of American Marriage // Journal of Marriage and the Family, 66. 2004. November. P. 848–861.
26. Burgess E. The family from institution to companionship. N. Y.: American Book Company, 1963.
27. Claire M. Kamp Dush, Catherine L. Cohan & Paul R. Amato. The Relationship Between Cohabitation and Marital Quality and Stability: Change Across Cohorts? // Journal of Marriage and the Family, 65. 2003. August. P. 539–549.
28. Eric M. Cave. Marital Pluralism: Safer for Love // Journal of Social Philosophy. 2003. Fall. Vol. 34. № 3. P. 331–337.
29. Goode W. J. The Many Forms of the Family // Life in families / Ed. By Helen MacGill Hughes. Boston, 1971.
30. Murstein B. Stimulus-Value-Role: A Theory of Marital Choice // Journal of Marriage and the Family. 1970. Vol. 32. P. 465–481.
31. Shorter E. The Making of the Modern Family. London, 1979.
32. The European Family: Patriarchy to Partnership / Eds. M. Mitterauer., R. Sieder. Oxford, 1982.

УДК 316.62

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА ЧЕБОТКОВА

аспирант кафедры социальной антропологии факультета социологии, Российский государственный социальный университет (г. Москва)
aquariuspsh@rambler.ru

АЛКОГОЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОЦИОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

В статье проблема алкоголизма рассматривается как объект теоретизирования современной науки и общественного мнения. Выявляются точки совпадения и расхождения.

Ключевые слова: алкоголизм, пьянство, алкоголепотребление, здоровье нации, реабилитация

Алкоголизм как социальное явление носит глобальный характер и превосходит по своей остроте и распространенности все остальные. В настоящее время алкоголизм уже не рассматривается как узкомедицинская проблема. Эта болезнь поражает не только отдельные личности, но и общество в целом, являясь, с одной стороны, следствием определенного социального и социально-психологического дисфункционирования, а с другой – причиной разнообразных проблем как макро-, так и микросоциального характера.

Многие исследователи данной проблемы отмечают, что алкоголепотребление следует рассматривать как один из показателей морального, духовного, физического, телесного здоровья нации, обусловленного социально-экономическими, политическими, социально-психологическими факторами. Алкоголизация общества, большое число несовершеннолетних алкоголиков, женский алкоголизм делают данную проблему объектом изучения наркологов, психологов и психотерапевтов. Следует подчеркнуть, что алкогольная зависимость в современной науке исследуется в большей степени с медико-биологической точки зрения. Именно медицинский аспект является наиболее изученным, о чем свидетельствует не только огромное количество публикаций, но и глубина анализа.

Особое место в изучении алкоголизма как социального явления принадлежит социологии. Будучи по своему содержанию и функциям интегративной общественной наукой, социология включает в предметную область анализа все сферы жизни общества на широкой междисциплинарной основе. Социологический подход способствует более полному и глубокому раскрытию социальной обусловленности алкоголизма, его зависимости от общественных отношений, а также сближает предметные поля философии, культурологии, психологии и социологии. В настоящее время социология активно занимается изучением феномена алкоголизма, а также его взаимосвязи с другими социологическими феноменами общества. Предметом изучения со-

циологии являются алкогольные традиции и ритуалы современного общества, взаимосвязь алкоголепотребления с уровнем жизни населения, преступностью, социальной агрессией и общественно-политической пассивностью населения, а также с другими отрицательными социальными феноменами. Алкоголизм проявляется в виде психической и физической зависимости от алкоголя, приводит к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы [1; 30]. Многочисленные эксперименты доказали, что алкоголизм является заболеванием, в развитии которого существенную роль играют наследственные факторы. Вместе с тем врачи и генетики всегда признавали значимость социальной среды в развитии алкоголизма [4; 5–6]. Московский врач К. М. Бриль-Краммер в работе 1819 года «О запое и лечении оного» писал, что большинство его пациентов-алкоголиков начали страдать этим недугом во время войны 1812 года, «когда многие лишились своего покоя, имущества и ближайших своих родственников». Он показал также более высокую частоту алкоголизма у людей низших сословий, испытывающих постоянный гнет и лишения [4; 31]. Таким образом, в роли объективной детерминанты, которая постоянно воздействует на рост алкоголизма, выступает социальная среда. Это воздействие может его активизировать или, напротив, гасить до известных пределов, но оно всегда сохраняется.

Практически невозможно провести четкую грань между алкоголизмом и пьянством. Социальный критерий алкоголизма шире медицинского, он включает в себя и пьянство как общественное зло, и алкоголизм как заболевание [3; 5]. Следовательно, пьянство – обязательный составляющий компонент алкоголизма как социального явления, в результате чего понятие «алкоголизм» по существу поглотило понятие «пьянство». Поэтому, говоря об алкоголизме, мы будем подразумевать и пьянство. Эти понятия тесно взаимосвязаны, хотя и не идентичны, но именно в медицинском, а не социальном понимании.

На диалектическую связь пьянства и алкоголизма одним из первых указал выдающийся отечественный психиатр С. С. Корсаков, определяя пьянство как склонность к злоупотреблению спиртными напитками, а алкоголизм как заболевание, при этом отмечая, что «в результате случайного пьянства, наконец, развивается картина постоянного пьянства со всеми последствиями в форме хронического алкоголизма» [2; 6].

Алкоголизм – тема повседневного теоретизирования «человека с улицы». С целью выявления отношения такого человека к различным аспектам алкоголизма нами был проведен экспресс-опрос 560 человек на улицах г. Москвы.

Результаты опроса показали, что 74 % респондентов считают алкоголизм и пьянство серьезной проблемой российского общества. Однако около четверти участников исследования (24,5 %) признают, что эта проблема касается только некоторых социальных групп, а не общества в целом. 41 % опрошенных видят в алкоголе способ отдохнуть. Из них 28 % назвали алкоголь ядом, который отравляет организм человека, а 14 % – слабостью, характерной для ненормальных людей. 22 % испытуемых рассматривают употребление алкоголя как способ получить удовольствие. Половина респондентов признала алкоголизм болезнью, а 32 % – всего лишь дурной привычкой. 18 % рассматривают его как форму поведения, основанную на «увлечении спиртными напитками», а абсолютное меньшинство (3,5 %) вообще не видят в нем ничего особенного. Отрицательное отношение к лицам, страдающим алкогольной зависимостью, продемонстрировали 37 % респондентов. Для обозначения этой социальной группы использовались такие характеристики, как «пропащие люди», «без стимула в жизни» и «опасные для окружающих». С утверждением, согласно которому тот, кто страдает алкоголизмом, является больным человеком, нуждающимся в медицинской помощи, согласились 40 % опрошенных. 26 % определяют алкоголика как человека, чье самочувствие и настроение зависят от употребления спиртных напитков.

Среди основных личностных черт алкоголиков были названы следующие: безответственность и легкомысленность (37 %); заторможенность и замкнутость (32 %); раздражительность и неуравновешенность (20 %); веселость и общительность (11 %).

82 % респондентов выразили согласие с утверждением о пагубном влиянии алкоголя на организм, 15 % отрицают его, а 3 % опрошенных не имеют собственного мнения на этот счет. В то же время лишь 72 % испытуемых признают, что употребление спиртных напитков может негативно отразиться на детях, 16 % отрицают это, а еще 14 % не знают, каково влияние алкоголя на репродуктивный процесс. 36 % опрошенных признают, что употребление алкоголя негативно сказывается на умственных способностях, 46 % приписывают ему сходное влияние на производительность труда. В то же время 35 и 24 % соответственно не со-

гласны с подобными предположениями. Каждый пятый респондент вообще не знает, что алкоголь может оказывать влияние на данную сферу. В качестве социальной группы, наиболее подверженной алкоголизму, опрошенные назвали подростков (49 %), 26 % полагают, что это больше относится к женщинам, 25 % – что к мужчинам. Среди всех опрошенных не нашлось ни одного человека, который никогда не употреблял алкоголь. 27 % опрошенных уверены, что без спиртных напитков не может обойтись ни один праздник, а 52 % допускают присутствие алкоголя на столе, но не считают его обязательным. 21 % испытуемых согласны с тем, что застолье вполне может пройти без алкоголя. Наибольшей популярностью пользуются слабые спиртные напитки (пиво, вино и т. п.), которые предпочитают 34 % респондентов, в то время как в пользу крепких высказались лишь 22 %. 44 % опрошенных, в принципе, все равно, что пить. Что касается частоты употребления алкоголя, то большинство испытуемых полагают, что спиртные напитки можно пить 1–2 раза в месяц или по праздникам, 32 % считают нормальным употребление спиртных напитков 1 раз в неделю (по выходным), а 21 % – 1 раз в квартал. 8 % респондентов не видят ничего ненормального в том, чтобы употреблять спиртные напитки ежедневно. Лишь 3 человека высказались за полный отказ от приема алкоголя.

Среди мотивов, подтолкнувших опрошенных впервые попробовать алкоголь, были выделены следующие: желание получить новые ощущения (44 %); желание поддержать компанию, стать в ней «своим» (39 %); стремление подражать друзьям, родственникам и другим социально значимым лицам (17 %).

В числе самых популярных причин, из-за которых другие начинают употреблять спиртные напитки, были названы следующие: желание поддержать компанию, стать в ней «своим» (63 %); скука, безделье (18 %); желание казаться взрослым (10 %); желание заявить о себе, как-то выделиться (9 %).

11 % опрошенных впервые попробовали спиртные напитки в возрасте до 14 лет, 42 % – в возрасте от 15 до 18 лет, 37 % – в возрасте от 18 до 21 года. После 21 года попробовали алкоголь лишь 10 % респондентов. Респонденты полагают, что употребление алкоголя в целом обусловлено культурными традициями (51 %), отсутствием взаимопонимания между людьми и отчуждением (19 %), потребностью в избавлении от стресса (26 %), жизненной необходимостью (4 %). Среди основных факторов, которые способствуют распространению алкоголизма, были названы: отсутствие силы воли, твердого характера (48 %); негативное влияние социальной среды (34 %); наследственность (18 %).

Также в числе главных причин выделялись неумение организовать свое свободное время и нестабильная социально-экономическая ситуация в стране. 64 % опрошенных полагают, что

уровень алкоголизации населения зависит от самих людей, а не от доступности спиртных напитков. Среди друзей или близких родственников алкоголики есть у 26 % опрошенных, у 67 % таковые отсутствуют, а еще 7 % респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. Считают, что можно помочь страдающему алкоголизмом, 42 %, 53 % отрицают такую возможность или сомневаются в ней, а у 5 % на этот счет нет своего мнения. Между тем о путях оказания такой помощи осведомлены 56 % опрошенных, 25 % имеют лишь смутное представление об этом, 19 % респондентов ничего о ней не знают.

На основании этих данных мы пришли к выводу, что в нашем обществе существует двойственное отношение к алкоголю: с одной стороны, вред спиртных напитков признают, с другой – видят в них средство для расслабления и получения удовольствия. К тому же многие до сих пор отказываются признать алкоголизм болезнью.

Отношение как к алкоголизму в целом, так и к людям, страдающим им, у респондентов оказалось отрицательным. Они продемонстрировали неплохую осведомленность о негативном влиянии алкоголя на здоровье (в том числе репродуктивное), а также на мыслительные процессы и производительность труда. Общий же уровень алкоголизации среди респондентов оказался достаточно высоким. Кроме того, почти четверть имеют близких людей, страдающих алкоголизмом.

Среди причин, вызывающих употребление алкоголя, самыми существенными были признаны социальные факторы, за ними идут биологические и индивидуально-психологические.

Несмотря на то что чрезмерное употребление алкоголя свойственно лишь небольшой доле опрошенных, больше половины респондентов (52,5 %) высказались за усиление мер по борьбе с алкоголизмом в России. Любопытно, что появившаяся в последнее время на телевидении социальная реклама о вреде пьянства апеллирует к заботе о собственном здоровье. Однако, как показало исследование, проблемы со здоровьем не являются основным мотивом отказа от употребления спиртного.

В оценке того, какая социальная категория наиболее уязвима по отношению к алкоголизму, опрошенные ошиблись. Данные наркологического диспансера указывают именно на мужчин, которые меньше времени уделяют семейно-бытовой сфере и хуже адаптируются к стрессовым ситуациям. Ошибочным оказалось и представление о том, что помочь больным алкоголизмом или вообще нельзя, или очень трудно, что ведет к восприятию их как «конченных людей».

Подводя итоги, можно отметить, что алкоголизм является острой социальной проблемой современной России, принявшей масштабы гуманитарной катастрофы. Такие социальные явления, как высокий уровень смертности, преступности, сиротства в нашей стране, во многом являются ее следствиями. Сверхвысокое потребление алкоголя – одна из основных причин глубокого демографического кризиса, угрожающего как территориальной целостности России, так и существованию ее государственности.

Как социальное явление алкоголизм становится социальной проблемой, когда он не только очевидно существует в структуре общества, но и вызывает общественное беспокойство в силу своего негативного влияния на социальную жизнь. В этом случае исследователи сосредотачиваются на различных количественных характеристиках, описывающих возникшую социальную проблему, и причинах, вызвавших ее появление. При этом особое место в изучении алкоголизма как социального явления принадлежит социологии.

Вместе с тем можно отметить тот факт, что в методологический анализ изучения алкоголизма пока недостаточно вовлечен эвристический потенциал социологического исследования. В целом, несмотря на явный интерес ученых к проблеме алкоголизма, степень проработки различных ее аспектов в условиях современной России в отечественных социологических исследованиях незначительна. С нашей точки зрения, социологический подход к проблеме алкоголизма не получил до настоящего времени полного теоретико-эмпирического оформления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.
2. Кондратенко В. Т. Пьянство и алкоголизм у подростков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narkolog.kh.ua/node/13>
3. Кондратенко В. Т., Скугаревский А. Ф. Алкоголизм / Под ред. П. П. Волкова. Минск: Беларусь, 1983. 288 с.
4. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Предмет социологии и социальная проблема. Начало практической социологии: Пер. с франц. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 410 с.

УДК 811.161.1

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОТОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
andrewcot@onego.ru

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ПРЕДИКАТИВНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО: НЕПОДВЕДЕННЫЕ ИТОГИ

Статья посвящена синтаксису предикативного прилагательного, истории его изучения в русской и зарубежной лингвистике. Выделяются основные этапы изучения этого явления, дается их краткая характеристика, формулируются дальнейшие исследовательские перспективы.

Ключевые слова: предикативное прилагательное, хронологические этапы, соотношение полных и кратких форм, грамматические факторы, семантика, направления изучения, объяснительная сила

Синтаксис прилагательного в позиции сказуемого (предиката) – одна из давних и, говоря образно, «вечных» тем русской грамматической и – шире – лингвистической традиции. Этому вопросу посвящено огромное количество работ, выполненных как на основе разного языкового материала, так и на основе порой принципиально различных теоретических посылок и мнений.

Многогранность и объективная сложность этого лингвистического феномена такова, что многие исследователи считают, что «этот вопрос остается во многих отношениях одним из самых спорных в русской лингвистике» [15; 80] (см. также [4], [8], [9; 89–90]). В свое время Ф. И. Буслаев, один из первых затронувший этот вопрос, заметил: «Различие в значении между формами краткими и полными уже затерялось как в старинном, так и в народном языке русском, так что употребление той или иной формы по большей части зависит от благозвучия и склада речи» [1; 421]. Сравним с высказыванием одного из современных исследователей: предикативные прилагательные «занимают весьма обширное и все еще недостаточно обработанное поле синтаксических исследований» [16; 42].

Приведем факт современной лингвистической науки: автор одной из наиболее авторитетных в зарубежной русистике и, по признанию коллег, «ставшей уже классической и самой влиятельной в этой области» [5; 22] работ Дж. Никольс сформулировала 28 факторов (в авторской терминологии – требований), объединенных в 6 групп, которые обуславливают выбор падежа предикативного имени в конструкциях типа *Он был веселый* – *Он был веселым* [12].

После подробного рассмотрения Дж. Никольс пришла к выводу: «Представляется невозможным вывести какое-либо единое правило выбора падежной формы предикативного имени – в силу разнообразности типов перечисленных выше обуславливающих факторов. Трудно представить себе, каким образом в одной языковой единице может сказываться действие столь разнообразных факторов –

признаков стиля, силы, контролера, скрытых видо-временных категорий, требований процесса порождения высказывания и др.» [12; 384].

Своеобразный «антиредукционистский рекорд» (выражение Г. М. Зельдовича) принадлежит С. Густавссону, в монографии которого [20] формулируется и постулируется 2800 (!) факторов, влияющих на выбор между согласованной формой и творительным падежом: при таком количестве сформулированных лингвистических правил исследование уже не имеет какой-нибудь объяснительной силы, но содержит лишь подборку языковых фактов [5; 80–81].

Еще один показательный факт: в 2005 году в журнале «Вопросы языкознания» были опубликованы друг за другом (в № 3 и 4) две объемные и взаимно дискуссионные по методологической ориентации статьи, посвященные предикативному функционированию прилагательного в русском языке. Одна из них принадлежит французскому русисту из Лиона Р. Руде [14], вторая – профессору Варшавского университета Г. М. Зельдовичу [5]. То, что один из ведущих и авторитетных журналов современной лингвистической науки уделяет столько внимания и отводит место на своих страницах такому, казалось бы, частному на фоне общей синтаксической (и тем более – общелингвистической) проблематики вопросу, говорит о том, что этот вопрос является для современной лингвистики актуальным.

Синтаксису предикативного прилагательного посвящено, без преувеличения, огромное количество работ, созданных разными исследователями в рамках различных научных направлений, парадигм и в разное время. Если пытаться проанализировать историю изучения вопроса в отечественной науке и зарубежной русистике, то следует сказать, что интерес лингвистов к этому явлению не пропадал и, говоря образно, не угасал никогда начиная с эпохи XIX столетия.

Рамки статьи не позволяют нам сделать это подробно, но с определенной долей условности

мы можем выделить несколько хронологических этапов (периодов) изучения вопроса, причем в рамках каждого из них сосуществовали (и сосуществуют) различные мнения и точки зрения: некоторые из них были признаны научным сообществом и оказали влияние на общее направление изучения, некоторые так и остались в ранге сугубо авторских, не имеющих перспективы¹.

Первый этап – эпоха XIX века. В трудах русских грамматистов, академических грамматиках этого периода не только констатируется сама возможность использования прилагательных в составе сказуемого (по преимуществу кратких), но говорится об их стилистическом и грамматическом противополжении. Так, согласно мнению А. Х. Востокова, И. Давыдова (автора и составителя Грамматики Императорской Академии наук 1854 года), Ф. И. Буслаева, полные и краткие прилагательные-сказуемые противопоставлены друг другу как соответственно *склоняемые* и *спрягаемые*.

Кроме того, именно в этот, хронологически начальный, период отмечается важнейшее сопоставление полных и кратких форм на семантической основе – с точки зрения временности / постоянства (в иной терминологии – временной локализованности / нелокализованности) выражаемого прилагательным признака. Позднее эти наблюдения обретут статус теории (теории темпоральной дифференциации предикативного признака), которая будет поддержана многими известными учеными, в том числе А. А. Шахматовым, В. В. Виноградовым, Н. Ю. Шведовой, М. В. Пановым и другими, станет традиционной для отечественной лингвистической науки и, несмотря на критику, не потеряет своей актуальности до сих пор.

Этот этап изучения представлен трудами А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. Давыдова, Ив. Орнатовского, С. Шафранова, Ф. И. Буслаева, Г. Павского, В. Н. Богородицкого, В. Стоюнина, А. А. Потебни.

Второй этап – первая треть XX века. В исследованиях А. А. Шахматова, Е. С. Истриной, А. М. Пешковского начинается активное теоретическое осмысление языкового материала, результатом которого становится не только развитие предшествовавших идей, но и создание новых, оригинальных, во многом предопределивших дальнейшее развитие исследований.

Так, А. А. Шахматов, впервые включил краткие прилагательные в систему глагола на том основании, что они обладают формами лица, времени и выполняют исключительно функцию сказуемого [17; 190–191]. Заметим, что в современной науке такого мнения придерживаются многие исследователи [11], [13].

Е. С. Истрина, изучая 1-ю Новгородскую летопись, выявила и установила связь между использованием прилагательного-предиката и функционально-коммуникативной семантикой высказывания. Согласно ее наблюдениям, в тек-

сте летописи краткие прилагательные-предикаты часто означают признак, который применяется к объекту «как результат акта мысли, результат умозаключения» [7; 52]. Позднее эта идея будет развита в работах Г. Ф. Мясникова, М. В. Всеволодовой, Е. А. Баженовой, Б. М. Гаспарова и др.

А. М. Пешковский, анализируя отрывок из «Трех сестер» А. П. Чехова (позднее этот фрагмент из его «Русского синтаксиса в научном освещении» будет не раз цитироваться в очень многих исследованиях), впервые сформулировал такие характеристики краткого прилагательного-предикатива, как книжность, отвлеченность, сухость и категоричность.

Третий этап – вторая половина 40-х – начало 60-х годов XX века. Это период наиболее активного интереса к предикативному прилагательному в отечественной исторической лингвистике, своего рода мощного исследовательского «всплеска».

Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать хотя бы основные, защищенные в это время кандидатские диссертации Н. Ю. Шведовой, Л. В. Георгиевой, Н. И. Толстого, Е. А. Алехиной, Н. С. Валгиной, Н. С. Соловьевой, Л. Н. Зеваковой, А. В. Клевцовой, Е. Д. Артеменко, Н. Д. Жихаревой и др. В этих исследованиях активно поднимаются многочисленные частные вопросы, связанные с появлением и развитием предикативных прилагательных в истории русского языка, с особенностями их функционирования в языке определенной эпохи.

В своих работах этой теме уделяют внимание многие видные ученые: В. В. Виноградов, Т. П. Ломтев, Я. А. Спринчак, А. Г. Руднев, А. Н. Гвоздев, Л. А. Булаховский. Особо следует отметить роль Н. Ю. Шведовой, автора одного из первых обстоятельных и авторитетных исследований [18] по историческому синтаксису предикативного прилагательного². Именно она была автором соответствующих разделов в Грамматике русского языка – 1954 и Русской грамматике – 1980. Сформулированные Н. Ю. Шведовой идеи и выводы доминировали в русской исторической лингвистике на протяжении многих десятилетий (хотя, по-видимому, не последнюю роль в этом сыграл авторитет В. В. Виноградова, который сослался на ее работу в своем труде «Русский язык»).

Четвертый этап – 70–80-годы XX века. Появляются новые исследования на основе исторического и современного языкового материала, в которых анализируются совершенно новые аспекты: закономерности использования предикативных прилагательных в связи с функционально-коммуникативной семантикой высказывания (Г. Ф. Мясников, М. В. Всеволодова); их особые семантико-синтаксические функции – в частности классифицирующая, идентифицирующая, анафорическая, оценочная (З. А. Харитончик, Н. Ю. Гурьева, Н. А. Казавчинская); закономерности влияния лексической семантики прилагатель-

тельного (разных семантических классов) на семантику предикативного признака (Е. В. Красильникова) и др.

Появляются исследования зарубежных русистов, построенные на иных по сравнению с русской лингвистической традицией теоретических основаниях. Так, Л. Бэбби предпринимает попытку трансформационного анализа в русле теории генеративной грамматики Н. Хомского [2], Дж. Никольс выстраивает общую схему, которая должна объяснять выбор формы предикативного прилагательного [12].

Пятый этап – 90-е годы XX века по настоящее время. В отечественном языкознании возникают принципиально новые подходы к описанию синтаксиса предикативного прилагательного, причем преимущественно в исследованиях, выполненных на материале современного языка. Анализируют не только (иногда даже не столько) грамматические, сколько семантические, прагматические и функционально-дискурсивные аспекты предикативного использования прилагательного; все более активно используется принцип ономастического описания языкового материала. Это работы Е. А. Баженовой, Т. В. Булыгиной (также в соавторстве с А. Д. Шмелевым), Б. М. Гаспарова, С. Власовой, М. А. Шелякина, М. Гиро-Вебер, М. Ю. Сидоровой, О. В. Нечаевой, Р. Руде, Г. М. Зельдовича.

В исследованиях зарубежных авторов в основном предпринимаются попытки или сформулировать некий общий принцип, имеющий объяснительную силу и позволяющий предсказать и объяснить многие смысловые нюансы (работы Р. Руде и Г. М. Зельдовича), или на основании особого метода построить модели, которые дают «возможность обойтись без понятий “исключение” и “колебание”, нарушающих четкое видение языкового материала и создающих впечатление поверхностного анализа» [15; 68]. От этой идеи отталкивалась М. Гиро-Вебер, которая применила бисинхронный метод описания предикативного прилагательного в современном русском языке [15; 65–79].

Даже из приведенного краткого «перечня» имен, основных идей видно, что эта тема собрала вокруг себя большую научную литературу. Пытаясь критически оценить полученные лингвистической наукой результаты, мы должны сделать два принципиально важных, на наш взгляд, замечания.

Во-первых, количество и разнообразие сказанного и написанного настолько велико, что возникает вопрос о возможности и даже *необходимости* поиска неких «общих» точек соприкосновения. Некоторые теории и мнения дополняют и уточняют друг друга; некоторые являются взаимоисключающими, поскольку принадлежат разным научным парадигмам; некоторые в определенной степени противоречат друг другу. При этом иногда авторы тех или иных исследований работают в строго очерченных ими же

рамках, принципиально избирая собственную отправную точку анализа языкового материала и не учитывая того, что уже было сделано ранее.

Во-вторых, конкретные вопросы, поднимаемые в работах по истории языка и современному языку, также различаются. Историки языка всегда интересовались прежде всего «фактологией», если так можно выразиться, этого лингвистического явления: хронологией появления и функционирования в русском (литературном) языке предикативных форм прилагательного, их количественным соотношением, установлением и описанием возможных закономерностей в связи со стилевыми и жанрово-стилистическими особенностями эпохи развития языка и определенным (господствующим) в эту эпоху литературным каноном. Исследователи современного языка пытаются прежде всего выявить некоторые определенные семантические (в широком понимании) и грамматические критерии употребления предикативных форм прилагательного, некий (единый) общий принцип, имеющий объяснительную силу, с опорой на который можно упорядочить и систематизировать языковой материал, выстроить определенную схему.

При таких различиях в изучении объекта наблюдается как взаимопроникновение идей, так и определенная изолированность и даже некоторый разрыв между работами по истории языка и современному языку. В частности, в работах по истории языка затрагиваются не все аспекты, представляющие лингвистический интерес, в силу того, что они, появившись на определенном этапе развития лингвистической науки в поле зрения языковедов, прорабатывались только на современном языковом материале.

Говоря о накопленных в науке результатах, один из соавторов «Коммуникативной грамматики русского языка» М. Ю. Сидорова замечает: «Уже очевидно, что ни традиционное... противопоставление по временности / постоянству признака, ни оппозиция конкретность / отвлеченность... ни трансформационный подход... ни чисто грамматические критерии, ни стилистические факторы... хотя и объясняют отдельные случаи предпочтения той или иной формы, но взятые по отдельности не дают полной картины соотношения полных и кратких форм для всех имен прилагательных» [9; 90]. Вывод не совсем утешительный, своим пафосом отсылающий нас к высказыванию Ф. И. Буслаева, с которого мы начали.

В рамках сформулированной проблемы мы видим несколько направлений дальнейшего изучения:

- во-первых, следует критически осмыслить и обобщить все то, что уже было сделано;
- во-вторых, перспективной представляется идея на основе подробного описания всех грамматических факторов, влияющих на предикативный статус прилагательного, построить грамматическую типологию конструкций с точки зрения принципиальной воз-

возможности / невозможности предикативного функционирования прилагательного;

- в-третьих, представляется интересным рассмотреть данное языковое явление с точки зрения этноспецифичности русского языка в сопоставлении с другими славянскими языками.

При этом мы должны исходить из того, что синтаксис предикативного прилагательного демонстрирует процесс непрерывного развития русского языка на протяжении уже нескольких веков. Колебания между полными и краткими

прилагательными-предикатами, их соотношение неустойчиво и динамично, «для прилагательного эта эволюция еще не закончилась» [3; 18].

Думается, здесь еще есть что сказать. Как проницательно заметила в одной из своих последних статей Г. А. Золотова, «далеко не исчерпанные ресурсы развития грамматической науки можно видеть в усилении внимания к смысловому назначению языковых единиц, к совершенствованию принципов систематизации, классификации структур...» [6; 21].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пытаясь обобщить существующий лингвистический опыт, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью формулировать и выделять определенные направления развития лингвистической мысли (в рамках которых проводились те или иные исследования), соответствующие различным аспектам изучения интересующего нас явления. При этом, выделяя то или иное направление, мы, возможно, создаем нежелательную, хотя и неизбежную дискретность. Подробнее см. [10].
- ² Двумя годами ранее, в 1946 году, Н. Ю. Шведова защитила кандидатскую диссертацию по схожей теме «Возникновение и развитие предикативного употребления полных прилагательных в русском языке» под руководством академика В. В. Виноградова. Позднее она написала еще одну обстоятельную статью на материале современного русского языка [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959.
2. Бэбби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 156–172.
3. Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs Тв.»? // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 18–26.
4. Гужва Ф. К. Обзор функций кратких и полных прилагательных в современном русском литературном языке / Сумской гос. пединститут. Сумы, 1958.
5. Зельдович Г. М. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 21–38.
6. Золотова Г. А. О возможности грамматической науки // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 14–21.
7. Истрина Е. С. Употребление именных и местоименных имен прилагательных в Синодальном списке 1 Новгородской летописи // Известия ОРЯС РАН за 1918 год. Т. XXIII. Кн. 1. 1919. С. 34–53.
8. Казавчинская Н. А. О состоянии изучения функций кратких и полных прилагательных в позиции предиката // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 760. 1987. С. 120–129.
9. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; под общ. ред. Г. А. Золотовой. М.: Институт русского языка РАН, Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004.
10. Котов А. А. Грамматическое своеобразие и стилистические функции полных и кратких имен прилагательных в роли предиката в русском литературном языке XVII–XVIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
11. Нечаева О. В. Грамматические особенности краткого прилагательного (предикатива): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
12. Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М.: Прогресс, 1985. С. 342–387.
13. Панин Л. Г. О формах имени прилагательного в русском языке // Русский язык в школе. 1993. № 1. С. 53–56.
14. Руде Р. Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 80–101.
15. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 1996.
16. Чернов В. И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке: Учеб. пособие к спецкурсу. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985.
17. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941.
18. Шведова Н. Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке 15–18 вв. // Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 102–126.
19. Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в современном русском языке // Ученые записки МГУ. Вып. 15. М., 1952. С. 84–94.
20. Gustavsson S. Predicative adjectives with copula *byt'* in modern Russian. Stockholm, 1976.

УДК 809.454.2

ИРИНА ПЕТРОВНА НОВАК

аспирант, стажер-исследователь сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН

bel.irina@rambler.ru

ЧЕРЕДОВАНИЕ СТУПЕНЕЙ СОГЛАСНЫХ В СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Фонетическое явление чередования ступеней согласных характерно большинству прибалтийско-финских языков. В статье рассмотрена история формирования чередования в собственно карельском наречии карельского языка, а также современное распространение явления во всех диалектах данного наречия.

Ключевые слова: карельский язык, фонетика, чередование ступеней согласных

Чередование – это факт различия звуков, занимающих одно и то же место в звуковой оболочке одной и той же морфемы в разных случаях ее употребления [1; 513–514]. Пр. кар.: *kukko* ‘нетух’, но *kukot* ‘нетухи’; *joki* ‘река’, но *jovet* ‘реки’.

Чередование ступеней согласных – одна из основополагающих особенностей прибалтийско-финской морфонологической системы. Большинство исследователей относят зарождение этого явления к периоду функционирования прибалтийско-финского языка-основы.

Для прибалтийско-финского праязыка было характерно радикальное и суффиксальное чередование. При радикальном чередовании, на рассмотрении которого остановимся в рамках данной статьи, изменение происходило в основе слова вследствие присоединения к ней аффикса, а при суффиксальном – в самих аффиксах. В языке-основе функционировали количественное, то есть затрагивающее удвоенные согласные, и качественное чередование, распространяющееся на одиночные смычно-взрывные согласные и сочетания согласных. Чередование распространялось только на фонемы, находящиеся в звонком интервокальном и постконсонантном положении. Выбор ступени при радикальном чередовании зависел от качества слога. Сильная ступень (неизменная) выступала в открытом слоге, заканчивающемся на гласный, а слабая (изменная) в закрытом, заканчивающемся на согласный звук [16; 145–147].

Таким образом, в прибалтийско-финском языке-основе геминаты чередовались со своими редуцированными соответствиями: **kk:~kk*, **tt:~tt*, **pp:~pp*, **tts:~tts*. В результате качественной редукции соответствием смычно-взрывных согласных **k*, **t*, **p* в слабой ступени стали выступать спиранты **γ*, **δ*, **β*, а в положении после носовых – звонкие согласные **g*, **d*, **b* [21; 19]. Еще в период функционирования языка-основы система чередования ступеней согласных претерпела ряд изменений. К ним относятся редукция слабоступенных аллофонов геминат до

одиночных согласных (**~kk>k*, **~tt>t*, **~pp>p*, **~tts>ts*), ассимиляция спирантов и звонких согласных с предшествующими сонорными и носовыми (**~lγ>ll*, **~rγ>rr*, **~rδ>rr*, **~lδ>ll*, **~ng>nn*, **~nd>nn*, **~mb>mm*) [21; 86]. Эти изменения затронули все диалекты праязыка и отразились в древнем карельском языке, сформировавшемся в конце I – начале II тысячелетия на Карельском перешейке [13; 349–353].

Древний карельский язык сохранил все виды чередования ступеней согласных. Количественное чередование в основе слова распространялось на геминаты **kk:k*, **tt:t*, **pp:p*, **čč:č*. При качественном чередовании в слабой ступени произошла замена спирантов другими согласными или их полное исчезновение. Таким образом, смычно-взрывные согласные **k*, **t*, **p* стали чередоваться с нулем звука или с согласными **j*, **v*. Чередования сочетаний согласных **lt:ll*, **rt:rr*, **nt:nn*, **nk:nn*, **mp:mm* сохранились в древнем карельском языке как наследие прибалтийско-финского праязыка. А в чередованиях **lk:ll*, **rk:rr* произошло сокращение геминат до одиночных согласных **ll>l*, **rr>r*, вызванное, вероятно, совпадением с аналогичными алломорфами, возникавшими при чередовании сочетаний согласных **lt:ll*, **rt:rr*.

Если в прибалтийско-финском праязыке чередование происходило только в звонком фонетическом окружении, то в древнем карельском языке в отношении чередования по аналогии с более древними вступили также сочетания глухих со смычно-взрывными согласными **sk*, **st*, **tk*, **hk*, **ht* [14; 285–287].

Требуя пояснения сочетания **tk*, **st*, **hk*. Чередования *tk:t*, *st:ss* встречаются в карельском и ижорском языках, но почти полностью отсутствуют в восточных финских диалектах. Л. Кеттунен и В. Руоппила называют их исконными древними карельскими чередованиями, исчезнувшими в восточных диалектах финского языка в результате влияния его западных диалектов [23; 32–33, 49]. Об этом также свидетельствует наличие

чередования в ижорском языке. В свою очередь, чередование *hk:h* встречается только в восточных говорах финского языка и ижорском языке, но отсутствует в большинстве диалектов карельского языка. Очевидно, данный вид чередования был характерен древнему карельскому языку, но исчез из восточных районов его распространения. Причиной могло послужить совпадение слабоступенных форм сочетаний *hk* и *ht*. Скорее всего, аналогичная причина повлияла на утрату чередования сочетанием **hk* в том же регионе [18; 99–101].

В конце Средних веков древний карельский язык начал делиться на диалекты. Первым в XII веке от него ответвился ижорский праязык [22; 8–9]. Причиной дальнейшего деления послужили как влияние соседних языков, так и историческая ситуация, то есть военные конфликты между Россией и Швецией. Установление первой известной границы между государствами в 1323 году привело к делению корелы – единого этнического образования – на три группы: Новгородская Карелия, Шведская Карелия и Саво [7; 61]. На территории бытования двух последних в итоге сложились восточные диалекты финского языка, а карельский язык Новгородской Карелии стал основой современных карельских наречий.

Дальнейшие военные действия XVI–XVII веков привели к оттоку карельского населения с исторической территории. Поток беженцев хлынул на Олонецкий перешеек, где в итоге сформировались ливвиковское и людиковское наречия карельского языка [7; 61–67]. Разница между этими наречиями объясняется степенью сохранения вепского субстрата. Людиковское наречие испытало большее влияние соседнего языка и полностью утратило качественное чередование ступеней согласных. Ливвиковское наречие его сохранило, утратив, однако, чередование смычно-взрывных, находящихся в позиции после глухих согласных.

Миграция карел проходила в северные и центральные регионы современной Карелии, а также на тверские и новгородские земли. Таким образом сформировавшееся собственно карельское наречие является прямым наследником языка Новгородской Карелии, наиболее полно сохранившим его фонетические особенности, в том числе систему чередования ступеней согласных.

В составе собственно карельского наречия принято выделять северокарельские (кестеньгский – кст., контокский – кнт., оулангский – олг., тихозерский – тхз., ухтинский – ухт., вычегай-больский – вчт., вокнаволоцкий – вкн.), переходные (юшкозерский – юшк., панозерский – пнз., подужемский – пдж.) и южнокарельские (ругозерский – ргз., тунгудский – тнг., ребольский – рбл., паданский – пдн., поросозерский – прз., мяндусельгский – мдс., тивинский – тхв., валдайский – влд., толмачевский – тлм., весьегонский – всг., держанский – држ.) диалекты [6; 7].

Рассмотрим, как функционирует чередование ступеней согласных во всех этих диалектах,

опираясь на работы Д. В. Бубриха [4], [5], Е. В. Ахтия [12], Т. Лильеблада [19], Д. В. Рягоева [11], П. Палмеоса [20], К. В. Маньжина [8], А. А. Белякова [2, 3], а также примеры из сборников образцов речи [9], [10], [15], [17] и полевые материалы.

Собственно карельское наречие довольно полно сохранило количественное и качественное радикальное чередование ступеней согласных. Основным условием чередования остается тип слога: в открытом слоге представлена сильная ступень, в закрытом – слабая. Все исключения из этого правила можно объяснить, обратившись к истории языка.

Во всех диалектах собственно карельского наречия в **количественное чередование** вступают удвоенные согласные *kk*, *tt*, *pp*, *čč*. Данный вид чередования активно функционирует и в русских заимствованиях. Пр. вчт., пдж.: *tukku*: *tukussa* ‘куча: в куче’; тнг., тлм.: *tyttö* *tytöt* ‘девушка: девушки’; юшк.: *rappi*: *rapid* ‘нопа: попы’; тхв.: *n’äppi*: *n’äpil’l’ä* ‘щепотка: щепоткой’; кст.: *luavičča*: *luavičalla* ‘лавка: на лавке’; држ.: *svičč*: *svičalla* ‘свеча: при свече’.

Различия между диалектами проявляются лишь в случаях с чередованиями геминат, вступающих после сонорных согласных *l*, *r* и носового *n*. Во всех собственно карельских диалектах Республики Карелия, за исключением немногочисленных говоров поросозерского и паданского диалектов, а также в валдайском диалекте в открытом слоге в данном случае встречаются удвоенные геминаты *kk*, *tt*, *pp*, *čč*, вступающие в отношения чередования. В остальных диалектах на их месте выступают нечередующиеся одиночные согласные. Сокращение геминат в этих диалектах произошло уже в ходе их самостоятельного развития, вероятно, под влиянием соседнего русского языка, так как, в отличие от сочетаний согласных *lg*, *rg*, *ng*, *rg*, *rd*, *ld*, *rb*, в рассматриваемых случаях сохранились глухие согласные. Пр. кст.: *pirt’t’i*: *pirt’issä* ‘изба: в избе’; пнз.: *verkko*: *verkolla* ‘сеть: сетью’; прз.: *čirppi*: *čirpillä* ‘серп: серпом’; влд.: *kirppu*: *kirput* ‘блоха: блохи’; тхв.: *värči*: *värčit* ‘мешок: мешки’; држ.: *tur’k*: *tur’kill* ‘шуба: шубой’.

Качественное чередование, затрагивающие одиночные смычно-взрывные и сочетания согласных, обнаруживает больше диалектных отличий, чем количественное. Для северных и переходных диалектов собственно карельского наречия (кроме подужемского и южных юшкозерских говоров) характерно наличие глухих смычно-взрывных согласных *k*, *t*, *p*, в то время как в южных диалектах выступают звонкие согласные *g*, *d*, *b*. Однако в сочетаниях смычно-взрывных с глухими согласными *s*, *h*, *t* в обоих случаях сохранились глухие согласные, что фонетически закономерено.

Слабоступенным соответствием одиночного палатального смычно-взрывного *k/g* в зависимости от фонетического окружения выступают согласные *j*, *v* или нуль звука.

В случае положения **между двумя краткими одинаковыми гласными** собственно карельские диалекты обнаруживают наличие всех возможных слабоступенных вариантов. Так, в положении между двумя лабиальными гласными *и, у, о* во всех диалектах выступает лабиальный согласный *v*. Пр. вкн.: *koko*: *kovošša* ‘куча: в куче’; кнт.: *luku*: *luvut* ‘число: числа’; тлм.: *lugu*: *luvut*.

Между двумя гласными *e* смычно-взрывной в большинстве северных диалектов переходит в *j*, но в переходных и южных карельских диалектах Республики Карелии происходит исчезновение согласного, что в итоге приводит к дифтонгизации долгого гласного. В диалектах же Центральной России возможны оба варианта. Такое разнообразие представительство можно объяснить лишь наличием в говорах древнего карельского языка различных слабоступенных вариантов. Пр. вкн., ухт.: *reke-*: *rejet* ‘сани’ сильная основа: ном. мн. ч.; олг.: *riet*; юшк., пдн., тнг.: *regi*: *reit*; влд.: *rejet*/ *reit*; тхв., тлм.: *rejet*/ *riet*.

В остальных случаях, то есть в положении между гласными *a, ä*, во всех диалектах смычно-взрывной выпадает, что также сопровождается дифтонгизацией. Так, во всех северных, переходных, а также ребольском, ругозерском, тунгудском, тихвинском и тверских диалектах мы встречаем дифтонги *ua* (*ja* в весьегонском), *iä*; в поросозерском, мяндусельгском и валдайском – *oa*, *eä*; а в паданском – *ua*/ *oo*/ *oa*, *iä*/ *ee*/ *eä*. Пр. влд.: *jagau*: *joan* ‘он делит: я делю’; кст., пдн., юшк., тлм.: *juan*.

В положении **между двумя разными краткими гласными** в собственно карельском наречии также выступают все слабоступенные алломорфы. Смычно-взрывной чередуется с согласным *v* при условии, что один из окружающих гласных лабиальный. Пр. кнт., тхз., пнз.: *joki*: *jovet* ‘река: реки’; пдж., рбл., држ.: *jogi*: *jovet*; тнг., всг.: *nogi*: *novešša* ‘сажа: в саже’; влд.: *pägö*: *pävöt* ‘лицо: лица’.

В позиции после гласного *i* в слабой ступени появляется согласный *j*. В некоторых севернокарельских диалектах он выступает также в положении перед гласным *e*. Пр. вкн., ухт.: *ikä*: *ijät* ‘век: века’; тнг., пдн., тхв.: *igä*: *ijät*; юшк., тлм.: *šiga*: *šijat* ‘свинья: свиньи’; кст.: *väki*: *väjet* ‘сила: силы’.

В остальных случаях смычно-взрывной чередуется с нулем звука, здесь также стоит обратить внимание на дифтонгизацию. Пр. юшк., ухт.: *laki*: *luat* ‘потолок: потолки’; всг.: *lagi*: *liat*; тхв., тлм.: *vägi*: *viät* ‘сила: силы’; ргз., юшк., пдн.: *veät*.

Палатальный смычно-взрывной в позиции **после долгого гласного** чередуется с *v*, выступая после долгих *ии, уу*, и с *j* – после долгого *ii*. Следует отметить, что в большинстве собственно карельских диалектов где-то более, а где-то менее отчетливо наблюдается удвоение лабиального согласного *v*. Пр. кст., ухт.: *piika*: *puijat* ‘прислуга: прислуги’; ргз., мдс., тхв.: *liiga*: *liijat* ‘лишний: лишние’; кнт.: *ruoka*: *ruuvalla* ‘корм: кормом’; тнг., рбл.: *ruoga*: *ruuvalla*; кст., тлм.: *ruvvalla*.

В зависимости от фонетического окружения происходит и чередование смычно-взрывного *k/g*, находящегося в положении **после дифтонга**. Во всех диалектах слабоступенный алломорф *v/vv* выступает после дифтонгов, вторым компонентом которых является лабиальный гласный. Пр. вкн.: *hauki*: *havvit* ‘щука: щуки’; всг.: *haugi*: *havvit*; вкн., юшк., тхв.: *hauvit*; ухт. *leuka*: *leuvalla* ‘подбородок: подбородком’; тнг., влд.: *leuga*: *leuvalla*; тлм.: *levvalla*.

Алломорф *j* появляется в позиции за стяженным дифтонгом на *i*. Однако в отдельных словах некоторых диалектов в данном случае *i* перед согласным *j* выпадает, что можно объяснить довольно близкой артикуляцией этих звуков. Пр. кст., кнт.: *poika*: *rojat* ‘сын: сыновья’; пдж., ргз., држ.: *poiga*: *rojat*; влд., всг.: *poi jat*; тхз., вчт., юшк.: *aika*: *aijat* ‘время: времена’; пдн., мдс., тлм.: *aiga*: *aijat*.

В остальных редких случаях происходит полное исчезновение смычно-взрывного. Образовавшийся при этом трифтонг сокращается. Пр. кнт.: *goaka*: *goat* ‘сырой: сырые’; тнг., пдн.: *goaga*: *goat*; тхв., тлм.: *guaga*: *ruat*.

Рассмотрим случаи чередования палатального смычно-взрывного, находящегося в положении **после согласного**. При чередовании смычно-взрывного, выступающего после сонорных *l, r*, диалектные отличия в собственно карельском наречии очевидны. В северных, переходных, а также северных диалектах южной группы в слабой ступени происходит выпадение смычно-взрывного, а в остальных смычно-взрывной ассимилируется с впереди стоящим согласным, что в диалектах Центральной России было вызвано, скорее всего, аналогией с другими видами чередования, а в остальных южных диалектах изменение произошло под влиянием соседнего ливвиковского наречия карельского языка. Пр. кст., ухт., пнз.: *jalka*: *jalat* ‘нога: ноги’; ргз., прз., влд.: *jalga*: *jallat*; тнг., тхв., всг.: *šelkä*: *šelällä* ‘спина: на спине’; кст., кнт., олг.: *korko*: *korolla* ‘мель: на мели’; пдн., прз., тхв.: *märgä*: *mörrät* ‘мокрый: мокрые’.

Для всех диалектов характерно отсутствие чередования в сочетании *nk/ ng*. Пр. вчт.: *kanki*: *kanket* ‘лом: ломы’; ухт.: *šanki*: *šankit* ‘шаньга: шаньги’; юшк.: *ongi*: *ongella* ‘удочка: удочкой’; влд.: *kengä*: *kengättä* ‘ботинок: без ботинка’.

В большинстве собственно карельских диалектов сочетание согласных *hk* находится за рамками чередования. Во всех переходных, а также поросозерском диалектах представительство чередования двояко. Такое распространение явления подтверждает его частичное исчезновение уже из восточных районов распространения древнего карельского языка. Пр.: кст., вкн., тлм.: *nahka*: *nahkat* ‘шкура: шкуры’; юшк., пнз., прз.: *nahkat*/ *nahat*; кст., рбл., држ.: *tahkuo-*: *tahota* ‘точить’ сильная основа: инф.; кст., всг.: *riähkä*: *riähistä* ‘грех: от греха’; тнг., влд.: *rahkehet*: *rahis* ‘гуж: гужи’.

Что касается чередования сочетаний согласных *šk, sk*, то в северных, переходных, а также

тунгудском, ругозерском и ребольском диалектах происходит полное исчезновение смычно-взрывного. В остальных южных диалектах Республики Карелия, а также в валдайском диалекте согласный *k* ассимилируется с согласными *š*, *s*. Однако в других диалектах Центральной России встречаются оба слабоступенных варианта. Одиночные *š*, *s* в них выступают только в положении после дифтонгов или долгих гласных. Вероятно, появление геминаты в слабой ступени в большинстве южных диалектов произошло по аналогии с чередованиями *lk:ll*, *rk:rr*. Пр. тхз., пдж., рбл.: *leški*: *lešet* 'вдова: вдовы'; пдн., прз., влд.: *leššet*; влд.: *lais'ka*: *lais's'at* 'ленивый: ленивые'; тлм.: *laiska*: *laisat*; тхв.: *ruoška*: *ruošalla* 'хлыст: хлыстом'.

Для всех диалектов собственно карельского наречия характерно чередование *tk:t*. Пр. вчт.: *matka*: *matašša* 'путь: в пути'; юшк.: *pitkä*: *pitällä* 'длинный: длинным'; всг.: *itku*: *itun* 'плач' ном. ед. ч.: ген. ед. ч.

Слабоступенным соответствием одиночного дентального смычно-взрывного *t/d* в собственно карельском наречии являются нуль звука или согласные *v*, *j*. Чередование происходит по тем же правилам, что и в случае с согласным *k/g*, то есть на выбор слабоступенного алломорфа влияет главным образом фонетическое окружение.

Итак, в положении **между двумя одинаковыми гласными** *t/d* чередуется с согласным *v* в окружении лабиальных гласных, с *j* – в положении между гласными *e* (хотя в некоторых диалектах также происходит выпадение согласного с последующей дифтонгизацией), с нулем звука – в положении между гласными *a*, *ä* (в данном случае стоит обратить внимание на дифтонгизацию). Пр. вкн.: *kutu*: *kuvun* 'нерест' ном. ед. ч.: ген. ед. ч.; тнг., тлм.: *kudu*: *kuvun*; кст., вчт., пнз.: *vete*:- *veješšä* 'вода' сильная основа: инес. ед. ч.; тхв., влд., држ.: *vede*:- *veješšä*; тнг., рбл., пдн.: *veissä*; ргз.: *veeššä*; ухт., вкн.: *pata*: *puat* 'горшок: горшки'; тнг., ргз., влд.: *pađa*: *roat*; тхв., тлм.: *puat*; всг.: *piät*.

В положении **между двумя разными краткими гласными** на выбор слабоступенного алломорфа также влияет фонетическое окружение. Если перед смычно-взрывным или за ним выступает лабиальный согласный, то во всех диалектах собственно карельского наречия в слабой ступени выступает согласный *v*. В положении после гласного *i* дентальный смычно-взрывной чередуется с согласным *j*, однако в случае с глаголом *pityä* в слабой ступени в большинстве диалектов выступает нуль звука. В остальных позициях происходит выпадение смычно-взрывного. Пр. кнт., тхз., вкн.: *mato*: *mavot* 'змея: змеи'; рбл., мдс.: *mado*: *mavot*; тхв., влд., всг.: *ređu*: *revušša* 'грязь: в грязи'; ргз., тлм.: *rida*: *rijat* 'капкан: капканы'; ухт.: *pitä*:- *pijen* 'держать' сильная основа: 1 л. ед. ч. през.; тнг., пдн., мдс.: *pidä*:- *pien*; тхз., кст., ухт.: *käte*:- *keät* 'рука' сильная основа: ном. мн. ч.; юшк., пдн., тхв.: *käde*:- *kiät*; влд.: *köät*.

В положении **после долгих гласных** дентальный смычно-взрывной чередуется с алломорфами *v*, *j* по тем же правилам, что и палатальный. Пр. вкн., кнт.: *uute*:- *uuvet* 'новый' сильная основа: ном. мн. ч.; рбл., тхв., юшк.: *uude*:- *uuvet*; пдн.: *uuet*; ухт., кнт., пнз.: *viite*:- *viijen* 'пять' сильная основа: ген. ед. ч.; ргз., влд., тлм.: *viide*:- *viijen*. После **дифтонга**, заканчивающегося на лабиальный гласный, в слабой ступени на месте дентального выступает одиночный или удвоенный согласный *v*, после стяженных дифтонгов на *i* – согласный *j*. В остальных случаях происходит выпадение смычно-взрывного согласного с последующим сокращением образовавшегося трифтонга. Пр. ухт.: *lauta*: *lauvat* 'доска: доски'; пнз.: *lavvat*; тнг.: *lauda*: *lauvat*; ргз., влд., држ.: *lavvat*; тлм.: *lauvvat*; тхз., ухт., юшк.: *aita*: *aijat* 'забор: заборы'; рбл., прз., тлм.: *aida*: *aijat*; ргз., влд.: *raida*: *raijat* 'полоса: полосы'; ухт., вкн.: *guata*:- *guan* 'работать' сильная основа: 1 л. ед. ч. през.; мдс., рбл., тлм.: *uada*:- *guan*; пдн.: *goan*.

Чередование дентальных смычно-взрывных в положении **после согласных** в диалектах собственно карельского наречия представлено однородно.

Дентальный смычно-взрывной в положении после согласных *l*, *r*, *n*, *s*, *š* ассимилируется с ними. Лишь в держанском диалекте при чередовании сочетания согласных *rd* произошли дальнейшие фонетические изменения, а именно удлинение впереди стоящей гласной и сокращение удвоенного *rr*. Пр. кст., тхз., юшк.: *peltö*: *pellot* 'поле: поля'; прз., тхв., тлм.: *peldo*: *pellot*; кнт., тхз., пнз.: *parta*: *parrat* 'борода: бороды'; рбл., тхв., всг.: *parda*: *parrat*; држ.: *paarat*; кнт., олг., юшк.: *ranta*: *rannalla* 'берег: на берегу'; пдж., рбл., всг.: *randa*: *rannalla*; вчт., тнг., влд.: *laštu*: *laššut* 'щетка: щетки'; ухт., држ.: *košto*: *koššot* 'полотно: полотна'.

При чередовании сочетания согласных *ht* во всех диалектах собственно карельского наречия происходит выпадение смычно-взрывного согласного. Пр. кнт., тнг., тлм.: *lehti*: *lehet* 'лист: листья'; вчт., ргз., прз., тхв.: *ahtahat*: *ahaš* 'тесные: тесный'.

Во всех собственно карельских диалектах лабиальный смычно-взрывной *p/b* в слабой ступени переходит в согласный *v*. Исключением является сочетание согласных *mp/mb*, когда смычно-взрывной ассимилируется в слабой ступени с впереди стоящим согласным. Пр. кст., пнз.: *leipä*: *leivät* 'хлеб: хлеба'; пдн., држ.: *leibä*: *leivät*; кст. *halpa*: *halvat* 'дешевый: дешевые'; тнг.: *varbahat*: *varvaš* 'пальцы на ноге: палец на ноге'; тхв.: *virbo*: *virvolla* 'верба: вербой'; кст., вкн., юшк.: *hampahat*: *hammaš* 'зубы: зуб'; рбл., мдс., влд.: *hambahat*: *hammaš*.

Итак, система чередования ступеней согласных во всех диалектах собственно карельского наречия сохранилась довольно близкой к древнему карельскому языку, что говорит о важной роли данного явления как в структуре слова, так и в раз-

граничении словоформ. Диалектные отличия в рассматриваемой системе связаны, во-первых, с изменениями, произошедшими в ней еще в древнем карельском языке, во-вторых, с влиянием соседних языков. Не стоит забывать и об аналогии.

Следует отметить, что во всех собственно карельских диалектах можно найти примеры

отсутствия чередования. В первую очередь это присуще заимствованиям из русского и финского языков и неологизмам. Однако все чаще явление опрощения захватывает и исконные карельские слова. Данная тенденция грозит тем, что со временем явление чередования ступеней согласных в карельском языке может сойти на нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Беляков А. А. Фонетика села Толмачи. Петрозаводск, 1947. Рукопись.
3. Беляков А. А. Грамматика карельского языка: Карельское наречие собственно карельского языка. Петрозаводск, 1948. Рукопись.
4. Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка: (фонетика, морфология). Петрозаводск: Карельский научно-исследовательский институт культуры, 1937. 79 с.
5. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: Финно-угорское общество, 1997. 209 с.
6. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
7. Кочкуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.
8. Маньжин К. В. Очерк весьегонского говора собственно-карельского языка. 1964. Рукопись.
9. Образцы карельской речи: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел / Под ред. В. Д. Рягоева, М. Ес-канен. Joensuu; Petroskoi, 1994. 459 s.
10. Образцы карельской речи: Тихвинский говор собственно карельского диалекта / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 384 с.
11. Рягоев Д. В. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 286 с.
12. Ahtia E. V. Karjalan kielen äänne- ja sanaoppi. Suojärvi: Karjalan kansalaisseura, 1936. 144 s.
13. Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. 87. S. 190–229, 349–386.
14. Kettunen L. Karjalan heimon ja karjalan kielen iästä ja alkuperästä // Virittäjä. 1940. 44. S. 129–144, 289–301.
15. Kujola J. Tverin- ja Novgorodinkarjalaisia satuja. Helsinki: SKS, 1932. 134 s.
16. Lehtinen T. Kielen vuosituhanneet. Helsinki: SKS, 2007. 215 s.
17. Leskinen E. Tverin Karjala. Helsinki: SKS, 1932. 36 s.
18. Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa // Virittäjä. 1964. 68. S. 99–101.
19. Liljeblad T. Tunkuan murteen konsonantismi. Helsinki, 1931. 68 s.
20. Palmeos P. Karjala Valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
21. Räisänen A. Suomen murteiden luennot. Joensuu: Joensuun yliopiston monistuskampus, 1976. 97 s.
22. Tunkelo E. Inkeröismurteiston asemasta. Helsinki: Helsingin liikekirjapaino OY, 1952. 320 s.
23. Turunen A. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1959. 319 s.

УДК 882.09 Л891

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры германской филологии филологического факуль-
тета, Петрозаводский государственный университет
lirina_06@mail.ru

«ХРИСТОС ДОСТОЕВСКОГО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КЕРУАКА

Статья посвящена рецепции творчества Достоевского одним из крупнейших американских писателей Джеком Керуаком (1922–1969). В ней показывается, что главной особенностью восприятия Достоевского Керуаком является то, что он был прочитан как христианский писатель. В статье анализируется, как трансформировались в художественном сознании Керуака важные концепты «почвы» и «живой жизни», каков характер интерпретации американским писателем образа Христа у Достоевского. Анализ основан на опубликованных дневниковых записях Керуака с 1947 по 1954 год.

Ключевые слова: американская литература, Ф. М. Достоевский, Дж. Керуак, американская рецепция творчества Достоевского, роман поколения Бит

Проблема восприятия Достоевского Керуаком (1922–1969) представляет особый интерес, во-первых, потому, что Керуак является влиятельнейшей фигурой в послевоенной американской литературе, одним из создателей молодежной контркультуры, во-вторых, его виденье и прочтение Достоевского стало частью создаваемого поколением Бит (в том числе и А. Гинсбергом) мифа о Достоевском, оказавшего существенное воздействие на восприятие русского писателя в послевоенной Америке. Проблема рецепции Керуаком творчества Достоевского остается актуальной и в связи с продолжающимся открытием архивов писателя, которые дают новое представление о его творческой личности и, в частности, о восприятии им Достоевского. Данный анализ основан на опубликованных дневниковых записях Керуака с 1947 по 1954 год. (Как пишет биограф Керуака Д. Никосия, «откровения в первом томе опубликованных дневников доказывают, что его едва ли понимали до сих пор» [6].)

Керуак всегда чувствовал близость русской и американской культур. Сравнение Америки и России становится одним из важных моментов его рефлексии о человеческом уделе, вере, будущем человечества. Он создает свой образ России – нового мира, страны духовности, которую называет «благословенной Россией Достоевского» [3; 18]. Керуак не раз подчеркивает, что именно Достоевский является выразителем всего русского: «Должен ли я сказать, что настоящая Россия – это не Россия “Войны и мира”, а Россия “Подростка” или “Мертвых душ”, или “Братьев Карамазовых”?» [3; 47].

Важно отметить, что Керуак одним из первых в послевоенной Америке прочитал Достоевского как христианского писателя.

Интерес к христианской мысли Достоевского необычен для американской рецепции его твор-

чества в середине XX века, когда за Достоевским закрепилась репутация психолога, исследователя темных сторон человеческой психики, философа – предтечи экзистенциализма. Известные современники Керуака традиционно относились к православию Достоевского как «примитивному христианству» [4; 122] или чему-то экзотическому, затрудняющему ясность его художественного виденья [5; 256].

Главная причина интереса Керуака к христианской проповеди Достоевского состоит в том, что Керуак считал себя религиозным писателем, а отношение человека к Богу стало важнейшей, если не центральной темой его творчества. Уже в дневнике 1948 года Керуак заявил о себе как о писателе, продолжающем традицию Достоевского (Dostoevskyan writer) [3; 90], постоянно сравнивая себя с ним. Для Керуака, верившего в нераздельность жизни и искусства, личность художника и его судьба всегда имели огромное, подчас мистическое значение. Несмотря на то что Керуак прекрасно знал биографию Достоевского и был знаком с его дневниками, он был склонен мифологизировать образ русского писателя. В дневниках Керуака Достоевский предстает как идеал человека и творца. Жизненный путь русского писателя интерпретируется Керуаком как путь пророка, призванного возвестить истину, пройдя через многие страдания. Сам Керуак мечтает о такой судьбе: «Я хочу стать, молюсь, чтобы стать, земным пророком» [3; 275]. Он мыслит свой удел как удел христианского подвижника, поэтому его желание стать американским Достоевским объясняется не только его художественными устремлениями, но и духовными.

Чтение Шпенглера способствовало утверждению взгляда Керуака на Достоевского как святого: «Шпенглер признает, что Достоевский – святой» [3; 274]. Сам Керуак усиливает эту

мысль Шпенглера, заявляя: «Достоевский – действительно посланник Христа» [3; 273]. Возможно, для самого Керуака Достоевский и был человеческой реальностью Христа.

Кроме того, Керуак разделял мысль Шпенглера о том, что христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие. Керуак пропагандировал, что это время уже наступает: «Мне пришло в голову, что великие изменения должны произойти очень скоро с человечеством, с миром... Все это должно произойти от самих людей, великая новая революция души. Политика не имеет к этому отношения» [3; 36]. Поэтому для писателя христианская проповедь Достоевского становится особенно значимой.

Христос для Керуака – единственный идеал. Это важная мысль и для Достоевского, его «символ веры», сформулированный в известном письме Н. Д. Фонвизиной: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» [1; 176]. Заповедь любви, которую Достоевский выделил в качестве основной мысли в Евангелии от Иоанна: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга. Как я возлюбил вас, так и вы любите друг друга», стала центральной и для понимания христианской проповеди Достоевского Керуаком: «Я не хотел бы рассуждать как антихристианин, потому что Христос был первым, кто понял, что любовь – это закон человеческой жизни... в будущем Христос заполнит умы людей как никогда прежде» [3; 135]. В представлении Керуака, Достоевский – посланник Христа, оттого что тоже проповедует любовь: «Я думаю, что величие Достоевского в его признании человеческой любви» [3; 273], и его творчество воспринимается Керуаком как «современное Евангелие. Его (Достоевского. – И. Л.) религиозный жар провидит сквозь факты и детали повседневности...» [3; 274]. Эту мысль он повторяет не раз: «Виденье Достоевского – это виденье Христа, выраженное в современных терминах... Виденье Достоевского – это то, о чем мы мечтаем по ночам и чувствуем днем, и это Правда... просто что мы любим друг друга, нравится ли нам это или нет, то есть мы признаем существование другого... и Христос в нас – главный движитель для этого признания» [3; 274]; «Я читал Дасти (Достоевского. – И. Л.), и она (любовь) была там» [3; 275].

Но для Керуака важен не только Христос Евангелий, проповедующий любовь, но и Христос «Братьев Карамазовых», которого он назвал Христом «страстей и радостей» (of lusts and glees) [3; 9]. Он интерпретирует этот образ Христа как проповедника и защитника свободы личности, которая понимается Керуаком широко, в контексте американской доктрины «доверия к себе» и индивидуалистической этики. Увиденная Керуаком особенность Христа «Братьев Карама-

зовых» – витальность – иллюстрирует его мысль о необходимости «livelihood» (жизненности) для человека, то есть жизненной энергии, способствующей утверждению собственного «я». Христос «Братьев Карамазовых», по мысли Керуака, проповедует радость жизни, мораль, которая происходит из самой жизни. Чтобы подтвердить свою мысль, он вновь ссылается на Достоевского. Так, Керуак пишет о «живой жизни», подразумевая под этим жизнь свободную, естественную, не коррумпированную цивилизацией: «Ты должен верить в жизнь, живую жизнь...» [3; 272], «Достоевский говорит, что грех бояться и, конечно, это правда... Я на коленях перед жизнью сегодня и готов целовать ее руку» [3; 34]. Он очень близко подходит к мысли Достоевского о необходимости полюбить жизнь прежде ее смысла. Неслучайно любимые герои Керуака, такие как Дин Мориарти из романа «На дороге», наделены необычайной витальностью, влюблены в жизнь.

Другой важный концепт Достоевского, который использует Керуак, – «почва»: «Простота и грубая сила поднимаются из американской почвы, и они спасут нас... В Америке много неоткрытых людей... как и в России» [3; 270]. Очевидно, что американская почва, о которой пишет Керуак, существенно отличается от русской, ибо не связана ни с народной традицией, ни с православием, а подразумевает жизненную силу отдельного индивида; ее духовные основания кроются в американском трансцендентализме. И Христос «страстей и радостей», и «живая жизнь», и «американская почва», безусловно, имеют под собой иной, чем у Достоевского, смысл и другие коннотации, так как вписаны в культурную традицию, в основе которой лежит этика индивидуализма. Тем не менее Керуак склонен был игнорировать тот факт, что Достоевский всегда определял индивидуализм как явление негативное, и не переставал считать себя последователем русского писателя, призванным воплотить его идеи в жизни и творчестве.

Таким образом, в дневниках Керуака Достоевский предстает как христианский пророк, проповедующий миру Христову заповедь любви, и как христианский визионер и художник (а эти понятия для Керуака нераздельны), провидевший Христа, проповедника свободы. Подобное прочтение Достоевского давало импульс и для попыток собственной интерпретации Христа, о чем Керуак пишет в дневнике: «Скоро я напишу свою интерпретацию Христа... он был первым и, вероятно, последним, который приблизился к последней загадке человека как единственно важной на земле» [3; 199]. Христос наделен знанием о человеке, которым тот не обладает: «...он знал тайну жизни, он был человек и знал, что чувствуют люди, жаждущие жить и обреченные на смерть... и он видел единственный путь разрушить все это» [3; 15]. Приблизиться к разгадке тайны человека и мира было

для Керуака важной жизненной и художественной целью: «Моя задача – заставить мир показать свою тайну» [3; 231]. Эти слова перекликаются со знаменитой мыслью Достоевского о том, что «человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [2; 63].

В художественном сознании Керуака Достоевский является пророком Третьего Завета, провидевшим Христа «страстей и радостей», «жизненности» и «витальности». Именно эта проповедь Достоевского была услышана Керуаком и

стала источником для его художественного видения. Сам Керуак, стремясь вернуть литературе религиозный пафос, пророчествовал о грядущем духовном возрождении Америки на принципах любви и братства, прочитанных им у Достоевского и интерпретированных как содружество свободных индивидов. Эта мечта питала его творчество, как и творчество других писателей поколения Бит.

Интерпретация Достоевского Дж. Керуаком, одна из многих существующих в США, важна для понимания того диалога, который ведут две литературы между собою.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Письмо Н. Д. Фонвизиной // Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1.
2. Достоевский Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому // Полное собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1.
3. Kerouac J. Windblown World. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954. N. Y., 2004.
4. Blackmur R. Eleven Essays in the European Novel. N. Y., 1964.
5. McCullers C. The Russian Realists and Southern Literature // The Mortgaged Heart. Boston, 1971. P. 256.
6. Nicosia G. Real Kerouac The Beat Writer's Journals Reveal a Man Apart from his Persona. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954 / Ed. by Douglas Brinkley // Windblown World. 2004. October, 17, Sunday.

УДК 821.161.1.09“1917/1991”

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЫЧАГИН

аспирант кафедры литературы историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия

sacrenom@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА УТКИНА

В статье рассматриваются различные стратегии творческого взаимодействия советского поэта И. Уткина (1903–1944) с поэтами-современниками, особую роль в которых играет диалог-оппонирование. Выявленная форма поэтического диалога позволяет по-новому прочесть творчество И. Уткина и корректирует сложившиеся представления о сугубо «монологическом» дискурсе советской литературы.

Ключевые слова: Уткин, постреволюционная поэзия, ассоциативность, диалог, полемика, оппонирование, Есенин, Светлов, Симонов

В отечественном литературоведении проблема творческих отношений между писателями традиционно рассматривается либо в свете влияния одного поэта на другого, либо в контексте литературной полемики. Более многогранный взгляд на данную проблему проявился в работах М. М. Бахтина, еще в 1920-х годах заявившего об «узости понимания диалогизма как спора, полемики, пародии» [2; 300]. Все это, по мнению ученого, внешне наиболее очевидные, но грубые формы проявления диалогизма. К означенным формам творческого диалога Бахтин добавляет «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие... наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п.» [2; 300].

Необходимо также отметить, что лингвисты (которым в отечественной филологии принадлежит большинство трудов, связанных с проблемой диалога) выделяют следующие магистральные его разновидности: *диалог-унисон* (предполагает полное взаимопонимание участников диалога) [17], *диалог-диссонанс* (отсутствие взаимопонимания, ориентация на полемику) [10; 73], *диалог-синтез* (промежуточный тип между диалогом-унисоном и диалогом-диссонансом) [5].

Историки литературы, изучая диалог советских поэтов 1920-х годов, чаще всего обращают внимание на *полемику* [9], при этом стратегия *синтетического диалога* нередко остается на периферии научных исследований. В настоящей статье мы рассматриваем основные типы диалога с собратьями по перу в лирике Иосифа Уткина, талантливого, но, к сожалению, малоизученного поэта раннесоветской эпохи, творчество которого отличает синтез гражданского и лирического начал, героики и трагизма в изображении революции и Гражданской войны (все это в

своей совокупности выделяет уткинское творчество не только на фоне плеяды «поэтов-комсомольцев», но советской поэзии 1920–30-х годов вообще). Данная особенность получила свое выражение и в специфике творческих отношений Иосифа Уткина с поэтами-современниками.

Практически все означенные типы поэтического диалога присутствуют в творчестве Уткина. Так, в самом начале своего творческого пути поэт вступал в «унисонный» диалог с Пролеткультом («Красноармеец» (1922), «Микула», «Богатырь» (оба – 1923)); испытал мощное влияние Н. Тихонова, а через него – Н. Гумилева (которого косвенно признавал одним из своих учителей). «Авторитетным словом» для Уткина стала поэзия В. Маяковского и С. Есенина, переключку с которыми можно обнаружить во многих его текстах. Кроме того, литературный процесс 1920-х годов характеризовался достаточной либеральностью (по сравнению с 1930-ми), наличием живых полемических отношений: в молодой стране создавалась принципиально новая литература, и каждое литературное течение имело свой собственный взгляд на ее характер и специфику. Показательным в данном контексте является «противостояние» двух крупнейших поэтов интересующей нас эпохи – С. Есенина и В. Маяковского (см., например, стихотворения «Юбилейное» (1924) Маяковского и «На Кавказе» Есенина (1924)).

Иосиф Уткин нередко включался в литературную полемику своего времени, проявляя себя в качестве тонкого и острого полемиста, способного спорить с несколькими оппонентами одновременно, противопоставив им свою точку зрения (зачастую формируя ее в подобном противостоянии). Ярким примером такого полемического полилога является стихотворение 1927 года «Волосы», в котором противопоставляются «нежный» лирик, воспевающий девичьи волосы, и бескрылый «щеточник», который готов вообще лишиться девушку волос, чтобы сделать столь

нужную революции щетку. В данном случае Уткин подключается к полемике, имевшей место в 1927 году между В. Маяковским («Письмо к любимой Молчанова, брошенной им») и И. Молчановым («Свидание»). При этом собственная уткинская позиция формируется в споре и с Маяковским (в основном с его революционным утилитаризмом и аскетизмом), и с «нежным лириком» Молчановым (в большей степени, по справедливому замечанию А. Саакянц) [14; 54], с его искусственным, по мнению поэта, разъединением любви и революции. В итоге Уткин выдвигает свою точку зрения, сформулировав ее в виде двуединого *credo*, в котором декларирует органическое соединение любви и борьбы в лирике («А мне они – целью и знаменем. / Я знаменем сделать готов / И волосы черного пламени, / И пламя гражданских трудов!») [18; 91]. Попутно поэт возражает против наметившейся в литературе тенденции к «скрыванию» человеческих чувств, включаясь в полемику с «налитпостовской» критикой и ее установкой на отказ от личного чувства и самой личности поэта.

В 1920–30-е годы Уткин неоднократно активно полемизировал с Д. Бедным, А. Безыменским и другими поэтами-современниками. Однако в его творчестве присутствует не менее интересная разновидность поэтического диалога, сравнительно редко встречающаяся в поэзии 1920-х годов и предварительно обозначенная нами как *оппонирование* (термин *оппонирование* может также иметь второе значение, характеризующееся словом «противоположение»)¹, которая по своей интенции сближается не с *полемикой* и *спором*, а с типом диалога, обозначенным М. М. Бахтиным как «*дополняющее понимание*». Данный тип творческого диалога представляет собой отклик одного поэта на стихотворение другого, *противоположение* своего взгляда на определенную тему (явление, событие) *без отрицания* точки зрения оппонента и предполагает взаимодополнение², обретая формальное выражение в ассоциативном плане сюжета (солидаризируясь с И. О. Шайтановым, мы противопоставляем термин «*ассоциативность*» термину «*интертекстуальность*») [20]. Ассоциативность в поэзии Уткина чаще всего проявляется на уровне сюжетно-композиционных сближений, явных или скрытых цитат, реминисценций, аллюзий, сознательных стилизаций и вариаций, ритмических переключек и т. д.

Именно *оппонированию* мы уделяем в своей статье особое внимание, поскольку данная диалогическая стратегия, несмотря на сравнительно малое распространение в русской советской поэзии 1920–30-х годов, является в уткинском творчестве доминирующей и встречается в большинстве «программных» текстов поэта.

Так, стихотворение Уткина «Рассказ солдата» (1924) является откликом на знаменитое «Письмо матери» (1924) С. Есенина. Стихотворный размер «Рассказа...» идентичен разме-

ру «Письма...», несомненна и переключка лирических сюжетов: у Уткина, как и у Есенина, мать ждет сына, некогда покинувшего дом, и сын обещает вернуться. Поскольку литературный процесс 1920-х годов проходил в атмосфере ожесточенной литературной борьбы, отклик одного поэта на произведение представителя противоположного поэтического лагеря настраивал горизонт ожидания читателя на полемику, на характерное для духа времени противостояние. Традиционно полемика представляет собой столкновение двух принципиально противоположных точек зрения. Как было отмечено в специальной литературе [13], [21], [22], основная черта полемики как стратегии – отрицание точки зрения оппонента, «стремление одержать победу над противником, отстоять и утвердить собственную позицию» [8; 166]. В «Рассказе...» мы не найдем утверждения поэтом своей точки зрения за счет отрицания точки зрения Сергея Есенина. Уткин противопоставляет свою Россию есенинской, но не как противник – противнику: ему важно показать, что судьбы сыновей и двух матерей одинаково нелегки и трагичны.

Через ассоциацию с есенинским текстом И. Уткин выходит на традиционный сюжет возвращения блудного сына. По мнению О. Е. Вороновой, «в есенинском “мифе возвращения” образ великодушного отца замещен... образом *всепрощающей* матери, более органичном и биографически-оправданном для поэтической “родословной” автора» [4; 20]. «Блудный сын» Есенина – человек с разорванным сознанием, находящийся на распутье, в своеобразном «промежутке» между верой в идеальную Россию и сомнением, что эта Россия возможна; он мечется, не в силах самоопределившись, найти свое место в новой эпохе. Герой «Рассказа...» это место обрел, в чем заключена не меньшая трагедия. «Блудный сын» Уткина, твердо выбравший свой путь («Только я другой был думой занят – / по тайге дорога шла моя») [18; 51], обещает вернуться не к матери, а к ее могиле – следовательно, в отличие от героя евангельской притчи и героя есенинского «Письма...», он заведомо лишен материнского прощения. Данный мотив звучит и в другом уткинском стихотворении – «Песня о матери» (1924), в котором мать не принимает сына, вернувшегося с Гражданской войны, осуждает его, и в результате происходит трагический разлад в сознании героя, вызванный столкновением его нового «революционного гуманизма» и традиционного, христианского гуманизма матери. Смерть матери в круговороте Гражданской войны в «Рассказе солдата» становится зерном трагедии новой России, представителем которой является уткинский герой, с одной стороны, «рожденный революцией», но с другой – «пришедший к революции с психикой прошлого» [1], как отмечает поэт в одном из интервью.

Таким образом, поэты с различным мировоззрением и опытом, находящиеся в разных по-

этических лагерях, своеобразно дополняют друг друга, создавая цельную картину революционной эпохи, по-своему раскрывая драму самоопределения в ней своих героев. С одной стороны, – трагическая разорванность сознания человека, который кровно связан с прошлым и не может найти своего места в новом мире, порожденном революцией. С другой стороны, – болезненный разрыв кровной связи человека революции со своими корнями. Реконструкция и анализ ассоциативного сюжета «Рассказа солдата» дает возможность увидеть, прочувствовать как трагедию «Руси уходящей», так и трагедию рождающейся «Руси советской» и, следовательно, позволяет лучше понять драматизм эпохи.

Ассоциативный план сюжета более позднего уткинского стихотворения «Маруся (Партизанская песня)» (1936) составляет знаменитое стихотворение М. Светлова «Песня о Каховке» (1935). Произведения Уткина и Светлова написаны одним и тем же размером (3–4-стопным амфибрахией), имеют равное количество строк (6) и даже рефренов (2). Лирический герой Уткина, как и светловский, вспоминает боевую молодость. При этом, если в первом четверостишии Светлов говорит о Каховке, Орле, Иркутске и Варшаве как «этапах большого пути» к победе революции, то у И. Уткина, начиная уже с названия и первых строк, возникает образ зеленоглазой Маруси, девушки-друга, любимой, боевого товарища, являющийся смысловой доминантой уткинского текста. Неслучайно автор повторяет первую строфу рефреном в конце стихотворения, тем самым замыкая кольцевую композицию. Потеря героем любимой передает трагизм Гражданской войны, ее противоестественность – с одной стороны, но и необходимость – с другой, поскольку и он, и его любимая сражались за счастье своего народа, как они это счастье понимали. У М. Светлова также возникает образ «девушки нашей», чьи голубые глаза улыбаются герою сквозь дым, но он лишен индивидуализации и лирической интимности («наша»), является лишь светлым напоминанием о боевой юности. Основной мотив «Песни о Каховке» звучит рефреном в третьей и шестой строфах: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд / Стоит на запасном пути» [15; Т. 1, 368].

В предпоследней строфе «Каховки» светловский герой вспоминает боевую юность, улицу, где жила девушка, произносит своеобразную здравицу:

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка *наша* жила... [15; Т. 1, 368]

В предпоследней строфе «Маруси», напротив, звучит не возвышенно-патетическая, а пронзительная лирическая нота:

Я помню тот вечер, я помню то место,
Как тихо сказала она:
«Мы вместе играли, мы выросли вместе,
Но я умираю... одна» [18; 171].

Таким образом, в «Песне о Каховке» – романтический образ дружбы, скрепленной огнем и кровью (характерный для лирики 1920-х годов мотив братства). У Уткина же – трагический образ любви, огнем и кровью уничтоженной. В данном случае мы тоже имеем дело именно с *оппонированием*. Иосиф Уткин, не отвергая мысли о том, что война за правое дело способствует сплочению людей, укрепляет дружбу (см. стихотворение 1926 года «Гитара»), дополняет Светлова, говоря о разлучающей и разрушительной ее стороне.

В годы Великой Отечественной войны были реабилитированы и получили право на существование в поэзии многие темы, находившиеся в 1930-е годы в маргинальном положении, в частности темы драматической любви и смерти. Особой популярностью пользовалось стихотворение К. Симонова «Жди меня», опубликованное в 11–12-м номерах журнала «Новый мир» за 1941 год, поскольку в нем воплотилась одна из главных потребностей людей на войне – потребность в любви и человеческой верности.

Буквально через несколько месяцев 15 марта 1942 года в газете «Правда Востока» появилось стихотворение Иосифа Уткина «Если будешь ранен, милый, на войне...», ставшее своеобразным откликом на симоновское «Жди меня» и содержащее высокую степень обобщения: оно как будто обращено от имени всех солдат ко всем женщинам в тылу. В центре уткинского стихотворения – обобщенный образ тех, *кто* ждет. В первой строфе героиня уверяет возлюбленного: несмотря ни на что, она будет ждать, будет верной, терпеливой и стойкой, так как любовь не способна затухнуть даже война, являющаяся только испытанием истинного чувства. Здесь заключен своеобразный ответ и симоновскому герою. Уткин расширяет пафосный спектр темы, отказывается от намеренной идеализации военного быта и бесстрашно вводит в поток сознания героини мотив возможной измены, которую она готова простить солдату³. В заключительной же строфе берет верх гражданский пафос («Но в письме не вздумай заикнуться мне / О другой измене – клятве на войне...») [18; 216]: так любовь и патриотическое чувство сливаются в единое целое. Подобное соединение было характерно для поэзии периода Великой Отечественной войны: тема любви часто была одним из подходов к теме верности родине.

Иосиф Уткин не полемизирует с Симоновым, не опровергает основную мысль «Жди меня». В стихотворении 1943 года «Ты пишешь письмо мне...» поэт также скажет о значении в жизни солдата любви и верности:

...Давно мы из дома.
Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома – и в дыме войны! [18; 233]

Для Уткина и его героини несомненным является то, что на войне важна не только человеческая верность, но и верность своей стране. Стихотворение «Если будешь ранен, милый, на войне...» дополняет симоновское «Жди меня», освещая тему любви и верности с другой стороны, что позволяет нам вновь говорить об *оппонировании* как особой форме творческой переключки, постепенно ставшей в поэзии Уткина доминирующей и приближающей его творческую стратегию взаимоотношений с собратьями по перу не к диссонансному (полемика), а к синтетическому диалогу («дополняющее понимание»).

Данная диалогическая стратегия представляется нам уникальной в контексте литературного процесса как 1920-х, так и 1930-х годов. Впервые, для поэзии первого послеоктябрьского десятилетия был характерен «дух противостояния», а литературная борьба порой доходила до самых крайних форм. Однако Уткин, оппонировав,

стремился не к утверждению своей точки зрения за счет развенчания точки зрения оппонента, а к пониманию, осмыслению и дополнению чужой творческой позиции. Во-вторых, несмотря на явную тенденцию к сворачиванию полифонии, имевшую место в 1930–50-е годы, в литературном метаконтексте советской эпохи, как выясняется, присутствовали различные формы духовного противостояния писателей мономорфной культуре, навязываемой советской властью. Оппонирование как особый тип творческой переключки между поэтами-современниками, по нашему мнению, представляет собой одну из интересных стратегий актуализации полифонизма внутри единого поэтического текста. Этот тип творческого взаимодействия может быть идентифицирован как художественный вызов монологу литературы сталинской эпохи [3], [7], [6], как одна из эффективных форм противостояния «веку-волкодаву» (О. Мандельштам) – «противостояния в слове» [11; 36].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В латинском языке слово *oppono* имеет несколько значений. 1) Ставить против, выставлять навстречу, противопоставлять, возражать. 2) Закладывать, давать в залог. 3) Противопоставлять (*clementiae crudelitas opponitur. Sen.*), ссылаться (*oppono auctoritatem suam*) [12; 539]. Именно на третье значение мы опираемся, употребляя данный термин.
- ² В статье о творческой переключке Пушкина и Вяземского Г. М. Фридлендер говорит о трех основных стратегиях поэтического диалога поэтов: «...в одних случаях это – согласие с ним, в других – спор, в-третьих – развитие и трансформация в оригинальном и неповторимом “пушкинском” духе намеченных Вяземским, но трактованных иначе художественных тем и мотивов» [19; 164]. Третья стратегия, на наш взгляд, наиболее близка к оппонированию.
- ³ У Симонова в стихотворении 1943 года «На час запомнив имена...» есть строки, перекликающиеся с данной темой: «Спасибо той, что так легко, / Не требуя, чтоб звали милой, / Другую, ту, что далеко, / Им торопливо заменила...» [16; Т. 1, 169].

ИСТОЧНИК

1. РГАЛИ. Ф. 1717. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 57.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Белая Г. А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004. 623 с.
4. Воронова О. Е. Библийские образы в поэзии С. Есенина // Актуальные проблемы современного литературоведения. М., 1997. С. 17–20.
5. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию: Профессору Московского университета акад. В. В. Виноградову. М.: Изд-во Московского университета, 1958. С. 103–124.
6. Голубков М. М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. М.: Наследие, 1992. 202 с.
7. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 1999. 558 с.
8. Иванов Л. Ю. Дискуссия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 166–167.
9. Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: РГГУ, 2004. 830 с.
10. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 2001. 260 с.
11. Крылов В. П. Проблемы углубленного изучения литературы в 11 гуманитарном классе средней школы. Петрозаводск: КГПУ, 1999. 107 с.
12. Латинско-русский словарь / Под. ред. И. Х. Дворецкого. М.: Русский язык, 2000. 846 с.
13. Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. М.: Просвещение, 1991. 127 с.
14. Саакянц А. А. Иосиф Уткин. Очерк жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1969. 162 с.
15. Светлов М. А. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Художественная литература, 1974.
16. Симонов К. М. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1979–1985.
17. Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103–110.
18. Уткин И. П. Стихотворения и поэмы / Библиотека поэта: Большая серия. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 384 с.
19. Фридлендер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 11. С. 164–173.
20. Шайтанов И. О. «Людейников»: ассоциативный план сюжета // Вопросы литературы. 2003. № 6. С. 168–181.
21. Шенберг В. А. Полемика как способ духовного противоборства. Л.: Знание, 1991. 32 с.
22. Шестерина А. М. Полемика как явление культуры // Научно-культурологический журнал. 2004. № 6 (96). 21 июля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rodchenko.ru/files/doc/ANNA_SHESTERINA.doc

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА ФИСКОВЕЦ

соискатель кафедры русской литературы и журналистики
филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
elena.fiskovets@yandex.ru

ПРИРОДА СИМВОЛИЧЕСКОГО В РАССКАЗЕ В. АСТАФЬЕВА «ИНДИЯ»

Статья посвящена малоизученному тексту Виктора Астафьева «Индия». Природа символического в рассказе рассматривается с точки зрения контекста творчества и духовного мировоззрения В. Астафьева.

Ключевые слова: Астафьев, Индия, древнерусская литература, символ, духовный смысл, христианская традиция

Рассказ В. Астафьева «Индия» (1965) был написан в годы господства реализма, и сам автор произведения известен как реалист. Однако исследователь П. А. Гончаров говорит о значительной символизации литературных образов 1960–80-х годов, отмечая, что их символика «была обусловлена и их функцией внутри произведений, и сложившейся традицией их бытования в культуре» [5; 78]. Исследователь отмечает, что «символизм – это общее свойство, присущее произведениям русской словесности», и «определение или различие в идейной нагрузке образов-символов, их места и функции в композиции художественного произведения могут дать способ, ключ к выявлению поэтического своеобразия В. Астафьева и его родства с предшественниками и современниками» [5; 77–78]¹.

Как правило, рассказ «Индия» рассматривался исследователями в рамках определенной темы наряду с другими произведениями. Анализируя рассказ В. Астафьева, Ф. А. Пономарев, например, говорит о столкновении реальности и мечты [18; 48–49], Б. М. Юдалевич – о недостижимости идеала, «символе несбыточного» [24; 8].

Согласно мнению М. В. Рождественской, в рассказе «Индия» воплощено древнерусское восприятие Индии как райской земли. Исследователь отмечает, что подобное восприятие устойчиво сохраняется у писателей XX века, ориентированных на национальную традицию, справедливо упоминая в этой связи имя Н. Клюева с его «Белой Индией». М. В. Рождественская считает, что в рассказе В. Астафьева соединены элементы апокрифических видений рая и агиографического жанра [20; 59].

Уже само название рассказа, по своему содержанию никак не связанного с географической Индией, предполагает наличие символического подтекста. Помимо отмеченной М. В. Рождественской ориентированности на христианскую легенду, здесь, на наш взгляд, имеет место особая духовность, присутствующая практически во всех произведениях В. Астафьева, некое внутреннее чувство Божественного, проявляющееся в особо остром восприятии природы

героями, в осознании родства с ней, в пробуждаемых ею необъяснимых эмоциях.

Сюжетная организация рассказа «Индия» включает в себя реалистический и символический планы. Реалистический план повествует о девушке из обыкновенной советской семьи. Символический же сюжет показывает, что именно выделяет главную героиню из множества других скромных и незаметных, терпевших лишения и безвременно погибших, – ее святая тайна, ее Индия. Реалистический план рассказа насквозь пронизан планом символическим, его исходным эпизодом является находка Сашей куска мыла в яркой обертке, «**чудом**» (выделено нами. – Е. Ф.) сохранившегося после пожарища. Именно эта чудесная находка, сохранившаяся нетронутой, точно чудотворная икона (впоследствии повешенная в изголовье, на место иконы), превращает героиню реалистического сюжета Сашу Краюшкину в *великомученицу* Александру сюжета символического. Да и фамилия Саши – еще один дополнительный штрих к ее идеальному портрету. Краюшкина, сидящая с краю, «с кромочки» – скромница. «Агиографичный» характер девочки подтверждается и такими деталями рассказа, как описание добровольного одиночества Саши, «гнушания детскими играми» [22; 57], свойственного героям житий.

Рассказ «Индия» начинается с сообщения о том, что в городе Канавинске, где жила Саша, сгорел самый большой магазин – место купли-продажи и людской сутолоки, символ мирской суеты. «После четвертого дня в ночь прошел дождь и смыл с пожарища серый прах, сажу, обнажив черные, баней пахнущие головни» [1; 25] – описания бани и процесса омовения носят знаковый характер в прозе В. Астафьева. «Я родился при свете лампы в деревенской бане» – таков зачин повести «Звездопад». Душа Бориса «жить начинается» после принятия им Люсиного предложения «побаниться» («Пастух и пастушка»). После бани буквально обретает свое второе рождение герой рассказа «Фотография, на которой меня нет». Таким образом, баня у В. Астафьева – символ рождения и возрождения, символ преображения, в том числе духовного.

После дождя-омовения в поисках «сокровищ» на пожарище «грачиной стаей слетелись канавинские ребятишки». Дети в поэтике В. Астафьева – неизменный символ непосредственности восприятия, цельности, единства с миром. В своих произведениях писатель часто показывает постижение мира детьми, подчеркивая, что именно эмоционально-чувственное, не обремененное рационалистическим сознанием восприятие мира и себя в нем есть самое естественное и правильное. Описание характера маленькой главной героини рассказа «Индия» и ее положения в мире также соответствует авторскому идеалу: «Саша всегда понимала свое положение в этом мире», «неукоснительно соблюдала требования братьев – мужчин», находкам и успехам которых «не уставала радоваться» [1; 26]. Как мы видим, в тексте мир определяется как *этот*, что само по себе предполагает наличие иного, *того* мира, к которому также принадлежала героиня и в котором для нее было предназначено место.

Первой находкой Саши на пожарище стала пуговица со звездой. Звезда в произведениях В. Астафьева, как показывает П. А. Гончаров, – символ знаковый и неоднозначный. В повести «Звездопад» это и символ души, символ жизненного пути, и одновременно – символ трагедии военного времени [5; 75]². В более позднем рассказе «Индия» символ звезды приобретает еще одно дополнительное значение – знака потустороннего, идеального мира (звезда на чалме у принца). Еще в детстве Саша обретает этот судьбоносный знак, и в подтексте рассказа ее жизнь, таким образом, отменяется мученичеством и святостью. Полярность символа в данном случае выражается следующим образом: звезда, изображенная на знаменах армии, в рядах которой сражалась Саша, становится ее путеводной звездой в рай, и война, таким образом, актуализирует мечту героини.

Даже после того как ребята перестали ходить на пожарище, Саша приходила туда «послушать тишину», подумать о «чем-то своем», и «иногда даже слезы закипали в тихой, сжавшейся от горя душе девочки...» [1; 27].

Данное описание чувств героини отсылает нас к стихотворению Н. Гумилева «Девочка» (1917), героиня которого погружалась в такое же состояние. В обоих произведениях четко обозначен мотив *горя*, сопряженный с мечтой:

Иногда ты смотрела на море,
А над морем сходилась гроза.
И совсем настоящее горе
Застилало туманом глаза.

Почему по побережьям безмолвным
Не взноситься дворцам золотым?
Почему по светящимся волнам
Не приходит к тебе серафим? [4]

Это стихотворение – о невозможности воплощения мечты в «мире-могиле», о тоске по этой мечте и готовности отдать за нее душу. Нам не

удалось обнаружить свидетельств того, что именно данное стихотворение вдохновило В. Астафьева на написание своего рассказа, но произведения перекликаются друг с другом удивительнейшим образом. Общими являются и двойственность планов, и концептуально значимые символы – Индия, чудо, тигры, пальмы, звезда, и сам характер девочек-героинь. Мечта не находит своего воплощения у Н. Гумилева, растворяясь в мире действительности. В. Астафьев же воплощает ее посредством «уведения» из этого мира, противопоставляя гумилевскому образу жизни – *душной могилы* образ смерти – *обретения рая*.

«Домой Саша возвращалась притихшая, усталая, и все в содомном, шумном краюшкинском жилье поражались ее возрастающей доброте и покладистости и без того мягкого характера» [1; 27]. Беспричинная печаль, тоска, и одновременно – созерцательность и благодать. На наш взгляд, автор таким образом попытался выразить тоску по неземному, свойственную просветленным душам. Саша, выражаясь словами из стихотворения Н. Клюева, «чаяла несказанное». И далее В. Астафьев выступает преемником традиций древнерусской литературы именно с позиций текста Н. Клюева:

Кто несказанное чаёт
Веря в тулупную мглу
Тот наяву обретает
Индию в красном углу [8; 388].

Однажды Саша «обретает наяву» свою «Индию» – яркая обертка от мыла стала для девочки воплощением мечты, и эту обертку позже, уже будучи взрослой, Саша повесит в изголовье, в «красный угол». Находка цветной картинки с пальмами, тигром и принцем заставляет Сашу «застыть с раскрытым от *дива* ртом» (курсив наш. – Е. Ф.) [1; 28]. В данном эпизоде рассказ снова перекликается со стихотворением Н. Гумилева:

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия – чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые –
Для меня этот день не исчез [6].

Аналогичный мотив воспоминания о потерянном рае мы находим в «Жизни Арсеньева»: глядя на одну из картинок своей книжки, герой романа И. А. Бунина чувствовал примерно то же, что героиня рассказа В. Астафьева: «Все это – и верблюд, и финиковая пальма, и пирамида, и жираф под пальмой кокосовой, и лев – было на фоне двух резко бьющих в глаза красок: необыкновенно яркой, густой и ровной небесной сини и ярко-желтых песков. И, боже, сколько сухого зноя, сколько солнца не только видел, но и всем своим существом чувствовал я, глядя на эту синь и эту охру, замирая от какой-то истинно *эдемской* радости!» (курсив наш. – Е. Ф.).

Как и в бунинском произведении, найденная Сашей картинка пестрит яркими цветами, что способствует описанию экзотичности. Однако правдоподобнее было бы сделать «красавца» черногла-

зым, чтобы ассоциация с Индией была более достоверной. Но В. Астафьев, по-видимому, преследовал иную цель и неслучайно наградил красавца глазами цвета небесной сини, усиливая ощущение чего-то неземного, и нарядил его в красный плащ, ведь, по словам К. Кокшеневой, «у Астафьева не может быть недомолвок и случайностей» [9; 18].

И. В. Куприна в своей статье «Особенности древнерусской иконописи» говорит о следующей символике красок в традиционной иконописи: «Синий – цвет величия, символизировал божественное, небесное, непостижимость тайны и глубину откровения. Красный – царский цвет, символ власти и могущества; в других случаях мог быть символом искупительной крови, мученичества. Зеленый – символизировал вечную жизнь, вечное цветение, это также цвет Духа Святого» [11]. В. Лепахин говорит о красном цвете как символе мученической крови и пламени веры [14; 601–617]. Трактовка красного цвета как признака власти также представляется уместной для этого рассказа (плащ на плечах принца). С другой стороны, это и цвет крови, которой Саша заплатит за обретение своего рая и «родного до последней **кровинчки** принца» (выделено нами. – Е. Ф.).

В свете цветовых ассоциаций обращает на себя внимание и присутствие желтого цвета. Вспомним в этой связи и цвета Сашиных платьев, которые она сшила для себя: «одно с желтыми цветами, другое темно-голубое» [1; 30]. Данный отрывок рассказа может прочитываться как любовь к чему-то несказанному, неземному, к тому, чего ты пока лишен. Земная жизнь Саши – это разлука с небом и печаль по нему.

Неслучайны, на наш взгляд, и изображения пальм на обертке, ведь пальма в христианской символике означает святость и победу над смертью: «Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс 91:13). Это главный символ победы и триумфа [21; 327].

Разглядывая картинку, Саша находит на ней все новые детали: «звезду на чалме принца» (явная переключка со звездой, которую нашла Саша на пожарище), «птичку или орех в ветвях пальмы» [1; 28]. Птица – высокие стремления, символ непреходящего, души, божественного проявления и воскресения [3; 18]. «Орех “знаменует” собою Христа. “Сладость Христа и божественность Его, покрытая плотью”, изображаются зерном, а крестные страдания корой» [7; 165].

Еще одна деталь – кровать, найденная на пожарище братьями Саши. Позже эту кровать, уже заржавевшую, достанут из сарая, свяжут медной проволокой, «ровно больного человека бинтами» [1; 29], и отец Саши выкрасит ее в голубой цвет. Описание этой кровати снова наводит на мысль о предназначенном Саше уделе мученицы: больной человек, бинты – намек на войну, ведь чаще всего бинтами перевязывают не больных, а раненых. Но ржавая поначалу кровать перекрашена в голубой цвет – символ небес, цвет Богородицы. На спинке кровати отец наведет белые полосы, «будто на

шлагбауме» [1; 29]. Белый цвет – символ чистоты и непорочности. Шлагбаум – нечто, преграждающее дорогу, знак преждевременной смерти.

Обратимся к видению Саши после ранения: «...она увидела черный от копоти дом за железнодорожной линией на склоне уральской горы, голубую кровать с белыми, как у шлагбаума, полосками, а над изголовьем, на беленных известковой, тесаных бревнах – страну Индию» [1; 32–33]. Железнодорожная линия и шлагбаум – преграда (жизненного) пути. Обратим внимание на цветопись и антитезу: черный от копоти дом и голубая кровать, беленые бревна; дом на склоне горы и страна Индия над изголовьем – мирская жизнь и помыслы о высшем, вознесение.

Интересна трансформация символа звезды в видении Саши. Если свою первую находку на пожарище девочка «немалыми стараниями» привела в блестящий вид, а на найденной картинке даже не сразу разглядела, то здесь «алмазная» звезда сияет «ослепляюще остро» – прослеживается мотив земных трудов и страданий и воздаяния за них. Описание звезды в повести сходно с гумилевским: она изображена как «слепящая» и «прорезающая тьму». И хотя у Н. Гумилева звезда – это сама девочка, ставшая для героя воплощением мечты, в обоих произведениях налицо интерпретация символа как посредника между реальным и идеальным мирами.

Качающиеся за спиной принца пальмы наводят на мысль о въезде Иисуса в Иерусалим, где его встречали пальмовыми ветвями. Со словами «Здравствуй, Индия!» Саша покидает *этот* мир и отправляется в мир иной – трагическая смерть «помогла» героине обрести свой рай, буквально «воплотить» мечту: солдат хоронит Сашу под фамилией «Индия». Само имя героини становится символом рая, ее могила не забыта, и летом на ней распускаются цветы, семена которых солдат кинул в снег (посмертное чудо).

В рассказе своеобразно изложен дуализм бытия: мирское – небесное, земное – божественное, единство противоположностей, связанных воедино в Саше, которую автор неслучайно наделил профессией связистки. Если тело девушки Саши живет в городе Канавинске, то помыслами и душой она в Индии. Если после смерти ее тело солдат хоронит в придорожном окопе, канаве, то ее дух воспаряет в рай. По замечанию В. Курбатова, В. Астафьев «не писал героев в обыкновенно воспитательном смысле. Скорее он исследовал периферию больших событий» [12; 150]. Примечательны в этой связи и названия городов в астафьевских произведениях – Канавинск («Индия»), Краесветск («Кража»), будто бы призванных подчеркнуть эту самую «периферийность». Именно способность воспарять духом, пребывая на периферии, делает Сашу Краюшкину святой.

Мироощущение героини отражает своеобразие взгляда автора на понятие божественного, святого, «запредельного» и даже на понятие «счастье». Саша обладала никому не понятной, только

ей принадлежащей тайной. Подобная тайна была и у самого В. Астафьева, который поделился ею в переписке с К. Переваловым: «Однажды, будто во сне явившись, прекрасная женщина уже существует в воображении, и это награда духа нашего, его вечный свет, его надежда, большей частью неосознанная, тайная, согревающая и дарящая свет иной, священный, как его принято называть, может быть, обладание этой тайной и есть счастье человека?! <...> Выдуманная мною княгиня Оболенская, не зная того, безымянно существовала еще до ее рождения во мне и во мне же существует после ее смерти, может, будет существовать и после моей. <...> Вот видишь, какие молодые думы во мне еще живы, хотя душа устала, и порой мне кажется, что я уже столетний старик. <...> Ну вот, хотел написать тебе длинное, обстоятельное письмо, даже в индийскую или индусскую философию ударился...» [2; 332].

Из этого письма явствует, что В. Астафьев имел представление об индийской философии. Обращает на себя внимание и тот факт, что подобные мысли

писатель считает «молодыми». Некоторым образом это служит доказательством того, что они посещали В. Астафьева и ранее, возможно, и в период написания рассказа «Индия». Образ идеальной женщины, тайна, обладание которой и есть счастье, соотносится с Индией Саши Краюшкиной, составляющей ее идеал и обретенное в конце концов счастье. Примечательно, что в Париже наряду с могилой И. Бунина В. Астафьев посетил и могилу княгини Оболенской, реализовав еще одну свою мечту. Таким образом, можно сказать, что в рассказе «Индия» сознание писателя объединило сразу две концепции – свои собственные понятия об идеале, о «запредельном» и непостижимом, и символические народные представления об Индии, своими корнями уходящие в устное народное творчество и древнерусскую литературу.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает признательность А. В. Пигину и И. А. Спиридоновой за помощь в написании данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О символизме повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» говорит и А. Ф. Пантелеева [17].

² В позднейших произведениях В. Астафьева символ звезды претерпевает изменения, становясь отрицательным. Так, в романе «Прокляты и убиты» В. Астафьев прямо называет звезду сатанинским знаком, на что обращает внимание И. Есаулов: «Не православный крест, а сатанинская звезда была официальным путеводным знаком советской армии в этой войне» [6; 210].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев В. П. Индия // Бессмертный лотос: Слово об Индии. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 25–35.
2. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Письма, 1961–1989 гг. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998.
3. Бердзенишвили И. Вопрос о распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV–VIII век): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 2006.
4. Гумилев Н. Электронное собрание сочинений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/verses/65/>
5. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
7. Карсавин Л. П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века (XII–XIII века) // Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 1992. С. 158–175.
8. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. 1071 с.
9. Кошечкина К. У «Букера» в плену // Москва. 1994. № 3. С. 15–20.
10. Кто есть кто в мире. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. 1680 с.
11. Куприна И. В. «Особенности древнерусской иконописи» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianedu.ru/russia/about/ikon.html>
12. Курбатов В. Миг и вечность. Красноярск: Кн. изд-во, 1983. 166 с.
13. Ланщиков А. П. Виктор Астафьев. М.: Советская Россия, 1975. 96 с.
14. Лепехин В. В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 736 с.
15. Лосев А. Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 1. М., 1971. С. 3–13.
16. Одинокого человека обступают сонмы святых. Неспешная беседа с Валентином Курбатовым // Юность. 1994. № 4. С. 13–16.
17. Пантелеева А. Ф. Повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка» (к проблеме мастерства) // Проза Астафьева (к проблеме мастерства): Межвуз. литературовед. сб. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. С. 57–72.
18. Пономарев Ф. А. Типология катарических эффектов в малых формах русской прозы второй половины двадцатого века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
19. Растительный мир Палестины // Библейская энциклопедия: путеводитель по Библии / Пер. с англ. И. Козырева. М.: Российское Библейское общество, 1998.
20. Рождественская М. В. Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
21. Руденко М. После литературы: игра или молитва? // Знамя. 1996. № 6. С. 186–192.
22. Федотов Г. Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
23. Шленская Г. Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы) // Сибирские огни. 2008. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/6/sh12.html>
24. Юдалевич Б. М. Традиция и мастерство. Заметки о прозе Астафьева // Проза Астафьева (к проблеме мастерства). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. 133 с.

УДК 165

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии, Петрозаводский государственный университет
pivoev@karelia.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА

В статье предлагается новая система методологических координат для осмысления мира в четырех измерениях, в каждом из которых выделяются два взаимодополнительных параметра. На этой основе выделяется перспектива различения методологических оснований четырех классов наук: технических, естественных, социальных и гуманитарных.

Ключевые слова: материальное, духовное, рациональное, иррациональное, реальное, идеальное, объективное, субъективное

На рубеже XX и XXI столетий был остро осознан кризис идентичности, отсутствие четкого ответа на вопрос: кто мы такие? Ответ на этот вопрос является важнейшей основой для выстраивания смысловой программы любого современного человека. В советской школе большое внимание уделялось идейному воспитанию молодежи с опорой на принципы материализма и рационализма. Такая философия давала простые и понятные ответы на жизненные вопросы, но не сразу были осознаны ее негативные последствия:

1) материализм формировал практицизм, прагматизм и бездуховность (поскольку все, что руками не потрогать, не существует);

2) рационализм, в свою очередь, приводил к редукционизму, упрощенному бинарному максимализму (или черное, или белое) и экстремизму (любой инакомыслящий – враг, а потому подлежит уничтожению).

В поисках альтернативы классическому рационализму и материализму предпринимаются попытки выстраивания «нового рационализма» (Г. Башляр), «неорационализма» (А. М. Воин), «синергетики» (Г. Хакен) или такого расширенного понимания материальности, когда материальным объявляется даже сознание, а не только энергия (А. И. Яковлев).

Одновременно можно поставить вопрос о правомерности претензий методологии естествознания на универсальность, когда методы, вполне успешно работающие в рамках естественных наук, пытаются применять для изучения социальных и гуманитарных проблем. Не пора ли ограничить эти представления и выработать понимание специфичности различных классов наук и необходимости соответствующей этим наукам методологии? Далее необходимо отказаться от смешивания социальных и гуманитарных наук, определить их различие и использовать адекватные для каждого класса наук методы осмысления соответствующего предмета.

Мы полагаем, что привычная дилемма материального и идеального сегодня уже не может удовлетворить философа, стремящегося видеть мир не

в одной плоскости (два измерения с точки зрения геометрии дают плоскость), а в более сложной многомерной перспективе. Мы предлагаем новую, плюралистическую систему координат для осмысления мира: 1) материальное и духовное; 2) рациональное и иррациональное; 3) реальное и идеальное; 4) объективное и субъективное.

Материальное и духовное. Материализм прочно занимает центральное место в мировоззрении большинства россиян в силу привычки, но если подвергнуть эту теорию ревизии, то можно вспомнить, что Д. Беркли считал понятие материальной субстанции самопротиворечивым, так как приписываемые материи свойства (протяжение, форма, движение, цвет, вкус, запах) существуют лишь в сознании субъекта, мыслящей субстанции. По заключению А. Шопенгауэра, материализм есть философия наивного субъекта, который еще не дорос до того, чтобы обратить внимание на себя. Он воспринимает лишь внешний мир, но, лишенный зеркала, не понимает, что его видение мира обусловлено и ограничено «фильтрами» его опыта, что он видит лишь то, что позволяют видеть его органы восприятия и опыт, но не то, что не вписывается в систему его ожиданий и потребностей. Материализм, пользуясь словами А. Ф. Лосева, можно обозначить как «самодовольное пошлячество физика и естествознателя, уверенного, что души нет, а есть мозг и нервы, что Бога нет, а есть кислород, что царствует всеобщий механизм и его собственная ученая мешанка-благотворительная, дрянная душонка, вся эта смесь духовного растления и бессмысленного упования на рассудок, есть одно из самых ужасающих чудовищ. Это та дебелая, краснощекая бабенка, которая сидит на телеге и весело щелкает орехи, когда – в известном сне Раскольникова – производится истязание несчастной клячи и ребенок прильнул к издыхающей, истекающей кровью лошади и в слезах обнимает и целует ее голову. Так истязается и распинается истина в человечестве, и немногие в слезах и духовной скорби окружают ее, отдавая последнюю дань любви и преданности» [11; 6].

<i>Материальное</i>	<i>Духовное</i>
Вещественное	Волновое, полевое
Инертное, пассивное (масса)	Динамичное, активное (энергия)
Количество	Качество
Пространство	Время
Причинность	Синхронность
Измеримость	Безмерность
Чувственно (внешне) воспринимаемое	Внечувственное (внутреннее) состояние
Объективное	Субъективное

А. Ф. Лосев осмыслил представление марксистов о материи и сделал в «Диалектике мифа» следующее заключение: «Материалисты должны признать, что:

1. в основе их учения лежит не логика и знание, но непосредственное и притом сверхчувственное *откровение* (ибо материя... не есть нечто чувственное);
2. что это откровение дает опыт, который претендует на абсолютную исключительность, т. е. что этот опыт зацветает *религиозным мифом*;
3. и что этот миф получает абсолютную утвержденность в *мысли*, т. е. становится догматом» [10; 122–123].

Что же касается самой материи, то «она становится безглазым, черным, мертвым, тяжелым чудищем, которое, несмотря на свою смерть, все же управляет миром. Материю нельзя одушевлять. Но вероучение заставляет утверждать, что *ничего нет вообще, кроме материи*. Если так, то ясно, что материя есть смерть» [10; 124]. Или еще одно такое же определение: материя есть «мертвое и слепое вселенское чудище» [10; 125].

Оценка А. Ф. Лосева уместна в случае советской абсолютизации категории «материя» и придания ей ключевой роли в понимании мира. Если же придать ей более ограниченный смысл, связанный с представлениями о вещественности, телесности, инертности, количественной измеримости, в таком случае данная категория и соответствующая методологическая точка зрения вполне могут быть использованы в изучении и понимании природы и техники.

Разумеется, глупо отрицать существование материального мира, но неплохо бы уяснить, что это такое. Украинский ученый Б. Дмитриев выдвигает четыре возможные гипотезы о соотношении материи и пространства: 1) вещество – это материя, а пространство – это пустота (Демокрит); 2) пространство – это материя, а вещество – «дырки» в этой материи; 3) вещество и пространство – две формы материи; 4) пространство и вещество – производные от единой материи [6; 15–16].

Современная наука (физика) постепенно принимает такое понимание материального тела: «...тела как *плотные конденсации взаимодействующих энергетических структур*» [17; 63]. Иначе говоря, вещественность является

одной из ведущих характеристик материального, ибо вещество – это сгусток энергии. Дополнительной, согласно концепции Н. Бора, к вещественной является волновая (или полевая) характеристика предметов нашего мира, которая связана с духовностью, духом, душой, сознанием, энергией.

Рационализм и иррационализм. При осмыслении итогов XX столетия нельзя не заметить чрезмерность и мифологичность той роли, которую играл в нашей картине мира рационализм. Апологеты рационализма настаивают на его абсолютной ценности, полагая ее очевидной и не требующей доказательств. Между тем эта претензия рационализма выступать в качестве единственной методологической парадигмы, помогающей получать ответы на любые вопросы, не выдерживает самой благожелательной критики. Можно сослаться на традиции русской иррационалистической философии или современный сборник, подготовленный отнюдь не противниками рационализма, под редакцией И. Т. Карсавина [7].

Ф. Бэкон, выстраивая классификацию наук, в числе первых предложил различать науки о природе и науки о духе. Вслед за ним романтики стали более пристальное внимание обращать на поиски оснований наук о духе. Ф. Шлейермахер предложил создать *герменевтику* как основу науки об интерпретирующем понимании духовных ценностей. В. Дильтей проводил принципиальное разграничение между «понимающим методом» гуманитарных наук и «объясняющим методом» естественных наук. Естествознание, ставя вопросы о человеке, имеет в виду лишь телесное, материальное в нем, не пытаясь изучать духовный состав человека. Второе ему не по силам, ибо естественно-научная методология подходит только для изучения тела.

Естественные науки имеют дело с реально существующими предметами, в процессе познания которых ученый должен уяснить себе и объяснить, что это такое. В гуманитарных науках объектом исследования всегда являются «тексты» (в широком понимании слова), в знаковой форме выражающие значения и смыслы. Следом за ними представители «философии жизни» и неокантианцы (Э. Кассирер и В. Риккерт) стали более основательно исследовать герменевтические и аксиологические аспекты гуманитарного знания. Важный вклад в разработку методологии гуманитарного знания внес Анри Бергсон, оказавший мощное влияние на европейскую философию и искусство начала XX века [14].

Интеллект может допустить комбинаторную новизну, качественная новизна недоступна его пониманию. Об этом писал А. Бергсон: «Наш интеллект столь же мало допускает полную новизну, как и будущее, *совершенно не похожее на настоящее*» [3; 182]. «Именно потому, что интеллект всегда старается реконструировать действительность, и притом пользуясь данными эле-

ментами, он не схватывает того, что есть нового в каждый момент какой-либо истории. Он не допускает непредвиденного. Он отвергает творчество. Наш ум удовлетворяется тем, что определенные предшествующие приводят к определенным последующим, которые можно вычислить, как функцию» [3; 181]. Анри Бергсон исследовал две формы знания, два способа осмысления мира – интеллектуальный и интуитивный. «Интуиция и интеллект представляют два противоположных направления работы сознания. Интуиция идет в направлении самой жизни, интеллект же в прямо противоположном, и потому вполне естественно, что он оказывается подчиненным движению материи» [3; 295]. Это не две формы, высшая и низшая, а две параллельные, взаимодополняющие стороны освоения мира, опирающиеся на деятельность левого и правого полушарий головного мозга. Анализ – функция интеллекта (левого полушария), синтез – функция интуиции (правого полушария).

В России начала прошлого столетия эти проблемы были в сфере интересов многих мыслителей, но затем рационалистическая методология стала вытеснять их на периферию научных дискуссий. Исключение составляли М. М. Бахтин и А. Ф. Лосев, чей вклад в разработку методологии гуманитарных наук неоспорим. Настало время, которое называют постнеклассическим периодом философии, когда она накопила опыт сочетания рационального и иррационального подходов к феноменам духовной культуры и поэтому возможно построение новой методологии гуманитарного знания.

Рационализм стремится представить ситуацию как однозначную и одномерную. В лучшем случае она изображается как противоречивое напряжение двух тенденций, одна из которых считается прогрессивной, а вторая – регрессивной (консервативной, реакционной). Принцип монизма (однозначности и одномерности) является ведущим для ученого-естествоиспытателя, обоснованию одномерности ситуации он и посвящает все свои силы и строит систему своей аргументации. Как заметил историк С. М. Соловьев, «по слабости своей природы человек с большим трудом привыкает к многосторонности взгляда; для него гораздо легче, покойнее и приятнее видеть одну сторону предмета, явления, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить так бранить, хвалить так хвалить» [16; 61].

С. С. Аверинцев заметил, что античный рационализм построен на убеждении досократиков в наличии универсалий, или «сущностей», стоящих за «видимостями», то есть на обнаружении общего в различном. Такой дедуктивный рационализм скрывает в себе парадокс. С одной стороны, дедукция дает необходимую «полноту формальной доказательности», с другой – сама дедуктивность «требует внерациональных, вне научных оснований, и притом так, что их принятие предстает не как компромисс, временно до-

пускаемый развивающейся наукой, но как стабильный структурный принцип рационализма» [1; 122–128]. Такая аксиоматическая, иррациональная основа является обязательным условием рационализма. Поэтому рационалистам следует осознать, что абсолютизация принципов и подходов рационализма схожа с позицией страуса, который прячет голову в песок и полагает себя в безопасности, или соотносима с наивным убеждением героя Мольера, что он говорит не прозой, а стихами.

Освоение и дальнейшее развитие иррационалистической методологии должно быть направлено на создание предпосылок многостороннего и многомерного развития гуманитарного знания, которое имеет смысл в первую и главную очередь в рамках фундаментальной функции человека в мире – культуротворческой, для чего и создан человек Богом (или природой).

Разум и рассудок, родившиеся в ироническом философствовании Сократа, обретшие второе дыхание в декартовом *cogito*, в течение столетий были идеалом мыслящих людей. Само представление о философии в европейском сознании связано только с рационалистической методологической парадигмой, а любая иррациональная философия с порога, без всяких доказательных аргументов объявляется ненаучной «чепухой». Критерии рационального разума и рассудка до сегодняшнего дня являются той высшей и авторитетной силой, к которой апеллировали в спорах. Но конец XX века вновь поставил под сомнение абсолютность рассудочного, рационального разума. Начинают вырисовываться из тумана двусмысленностей ограничительные барьеры, которые заставляют задаться вопросом о соотношении понятий «разум» и «рациональность», о границах применения рассудка и рациональности как воплощения разума. Но сначала попытаемся выяснить истоки рациональности. Среди них можно обнаружить, во-первых, физиологические, а именно: по нервным каналам человеческого организма одновременно может проходить лишь один сигнал, два противоположных по значению сигнала будут мешать друг другу. Во-вторых, нельзя недооценивать безусловные рефлексы и априорный опыт, полученный нами от наших предков, а также наш личный опыт практической деятельности, требующий выяснения «линейных» причин и следствий и приучающий к однозначности выбора в ситуациях опасности – или гибель, или спасение, что связано также со зрительной доминантой в европейской культуре и потребностями практики, которая требовала от науки и философии однозначных ответов на поставленные вопросы. В-третьих, в европейских языках под влиянием античной традиции (выраженной на латинском языке, которым пользовались в качестве языка науки: *ratio* = «разум», «рациональность») сложилось отождествление понятий «разум» и «рациональность». В-четвертых, есте-

ственно-научное познание сформировало критерии научности, среди которых важнейший – рациональная однозначность как условие истинности и эффективности. В-пятых, существует стереотип отождествления понятий «рациональность» и «целесообразность» (объективность; истинность, разумность; проверяемая достоверность). Если согласиться с таким отождествлением, то оказывается, что искусство и религия не могут дать ничего целесообразного, в их деятельности отсутствует целенаправленность, вся сфера искусства, художественного творчества оказывается «неразумной» или «внеразумной», а такой интеллектуальный метод, как интуиция, оказывается также лишенным права достигать каких-то целей. (На самом деле иррациональное также может быть вполне целесообразным, истинным, разумным и объективным, хотя проверяемость на практике не всегда достижима.) В-шестых, в сознании европейской интеллигенции существует сложившийся стереотип негативного отношения к иррациональности, поскольку фашистские идеологи активно использовали эти методы, чем дискредитировали их.

Рационализм есть результат осмысления практической («дневной») деятельности человека, для которой особенно важное значение имеют однозначные связи причин и следствий, получающие выражение в формально-логических законах и однозначных понятиях, обеспечивающих точное понимание в процессе совместной деятельности при разделении труда.

Исходя из этого мы можем определить понятия *разума, рациональности, рассудка*. В понимании рассудка и рациональности, на наш взгляд, ведущую роль играет однозначная («линейная») причинная обусловленность, каузальная логика. Об этом писал Э. Фромм: «Разум есть способность людей мысленно *достигать* мир в противоположность интеллекту, под которым следует понимать способность *манипулировать* миром с помощью рассудка. Разум – это инструмент, с помощью которого человек познает истину. Интеллект – это инструмент, который ему помогает успешно действовать в мире. Первый является человеческим по своей сущности, второй принадлежит животной части человека» [19; 481].

Для рациональной картины мира характерны следующие черты:

- существует абсолютное и бесконечное трехмерное пространство, тождественное себе, и абсолютное бесконечное однонаправленное время;
- материя вещественна; два объекта не могут одновременно занимать одно и то же пространство;
- прошлые события безвозвратно утеряны;
- будущие события эмпирически недоступны;
- невозможно одновременно находиться в двух и более местах;
- можно существовать только в единственной временной системе;

- целое больше части; нечто не может быть истинным и неистинным одновременно.

Такое видение мира естественно и верно при изучении технических систем, в сфере практического удовлетворения материально-физических потребностей человека, но совершенно непригодно для изучения и осмысления феноменов духа, сознания и культуры. В противоположность этим «объективистским» принципам еще Д. Беркли предлагал иные, вполне разумные и целесообразные «субъективистские» подходы. С. Гроф выдвигает в качестве основных такие исходные положения иррационального представления о мире, которое он называет «холодным»: «вещественность и непрерывность материи являются иллюзией, порожденной частной оркестровкой событий в сознании; время и пространство в высшей степени произвольны; одно и то же пространство может одновременно быть занятым многими объектами; прошлое и будущее можно эмпирически перенести в настоящий момент; можно иметь опыт пребывания в нескольких местах одновременно; можно переживать несколько временных систем сразу; можно быть частью и одновременно целым; что-то может быть одновременно истинным и неистинным; форма и пустота взаимозаменяемы» [5; 371]. Можно сослаться также на К. Г. Юнга, предлагавшего для иррационалистической картины мира такие принципы, как синхронность и некаузальность.

Традиционная рационалистическая философия стремится постичь истину общего, абстрактного и однозначного «единство многообразия». Но этим истина *не исчерпывается*. Истина есть живой процесс, в который нужно войти хотя бы один раз и жить в нем. Если же вынести из этого потока на берег нечто живое, то оно тут же умирает, засыпает, как рыба, и мы получим истину «не первой свежести». «В жизни присутствует и иррациональное, причем двояко: и как до-рациональное, и как сверхрациональное. В реальности есть место хаосу, в котором разуму, так сказать, “не на что опереться”... В то же время есть и сверхрациональное – то, доступ к чему был возможен, например, в неоплатонизме, только благодаря экстазу (мистика Единого)» [9; 7].

Рационализм – это школьная, «школярская» методология. Рационалистом приятно и легко быть в молодости, когда хочется ясности и четкости в отношениях с людьми и миром. И только с возрастом приходит понимание того, что за спиной вещей прячется тень, некая тайна, которая *не хочет* выходить на свет, все время прячется, как пятнадцатый камень сада Рёандзи, за другие камни того же сада. Человек начинает ощущать многомерность мира, сложную ткань плетения, которая завязалась узлами, и их не развязать, не разрезать, не расплести. Кроме этого, отдавая должное роли критического метода в исследовании, Л. П. Карсавин возражал против абсолютизации критики, ибо, по его словам, «не критикую

доказывается истинность того, чего нет в подвергаемом критике. Критицизм – признак ученичества и не руководимых целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что касается положительного доказательства, оно всегда – раскрытие системы» [8; 17]. Критиковать легко, это может делать кто угодно. Зрелый ум проявляется в конструктивных новых идеях.

Второй стереотип касается противоречия. Однозначных ответов на поставленные вопросы требует от науки практика, которая не может удовлетвориться чем-то приблизительным, двусмысленным или многомерным, поэтому ученые приходится переносить изучение объектов в лабораторные условия, чтобы отвести влияние второстепенных факторов и обстоятельств и обеспечить чистоту эксперимента. Но, как сказал Блез Паскаль, «противоречие – плохой критерий наличия или отсутствия истины: противоречивы многие достоверные вещи, многие же из вещей ложных воспринимаются без всяких противоречий. Само по себе противоречие не является еще критерием ложности, а непроворочливость – критерием истинности» [12; 358]. Вот почему при переносе результатов лабораторного эксперимента обратно в многомерную природу получаются незапланированные результаты.

Кардинальный вопрос иррационалистической эпистемологии: зачем, для чего, с какой целью осуществляется познание объектов? Обычно ученые не ставят такой вопрос, знание для них есть «вещь-в-себе» и цель сама по себе. Но если вдуматься, естественные и технические науки решают проблемы, поставленные непосредственной практикой. Этим обусловлены эпистемологические параметры естественно-научного исследования: однозначность, объективность, достоверность, проверяемость. Сферу практической деятельности обслуживает практическое, или «дневное», сознание. Но есть также сфера сознания, условно определяемая нами как «ночное» сознание, где используются формы знания, никак не соответствующие названным критериям. Можно называть это «внеаучным» знанием, если согласиться с гордыней и претензией естественных наук на роль единственно возможной науки. Такие претензии понятны и объяснимы для теологии или мифологии, но они противоречат методологическим принципам этой же самой науки, которой не пристало объявлять себя наукой без доказательств. Правда, можно привести свидетельства крупных ученых, утверждавших, что в основе науки лежит вера в существование истины и в возможность ее достижения. Что касается теологии и мифологии, то нужно решать вопрос об их научности, пользуясь их критериями, а не навязанными или привнесенными извне. У естественных наук критерии научности должны быть свои, и их роль не следует преувеличивать, как это было сделано на рубеже XVIII–XIX веков.

Не следует понимать иррациональность как полнейшую беспринципность и бессистемность. Постмодернистская философия имеет свои принципы и системные требования. Думается, пришла пора реабилитировать термин «иррациональность» и использовать его на тех же правах, что и «рациональность», – для обозначения методологических оснований научного знания. Причем речь идет не только о методологических основаниях гуманитарного знания, где иррациональная методология доминирует, взаимодействуя с рациональным и опираясь на него. Иррациональное лежит в основе любого рационального знания, что легко показать хотя бы на примере известных четырех «Правил для руководства ума» Рене Декарта, который в их основание положил иррациональные посылки «достаточности», «очевидности», «уверенности» [13; 151–152].

В основе различия рационального и иррационального лежит, во-первых, критерий «мерности» причинно-следственных связей: рациональный метод требует однозначных, одномерных отношений, иррациональный – многомерных, неоднозначных. Рациональность отвечает на потребности практического, «дневного» сознания, вполне объясняет работу технических систем. Иррациональность характеризует главным образом субъективную реальность духовного мира или объективную реальность, в которой опредмечено, выражено человеческое отношение к миру.

Во-вторых, критерием является характер и основание достоверности. Рациональное знание требует многократной проверки, стопроцентной достоверности, полной объективности, ибо ошибка может стоить жизни. Иррациональное знание опирается на субъективную достоверность личного переживания.

Теорема К. Гёделя о неполноте является еще одним критерием различия рационального и иррационального. Рациональное переводимо без остатка на любой рациональный (искусственный) язык, иррациональное непереводимо.

Гуманитарные науки имеют дело с материалом, который кажется похожим на «мертвый» естественно-природный, но на деле эта аналогия обманчива. Гуманитарий исследует текст, имея дело с полученным уникальным и неповторимым опытом освоения мира автором текста, который при необходимости передать другим людям воплотил его (этот опыт) в одной из знаковых систем. Потери при переходе с образного языка мыслительных процессов и впечатлений на язык коммуникации неизбежны, ибо не возникает понимания, если не воспользоваться семиотическим полем и средствами коммуникации. В этих текстах воплощена авторская субъективность, для осмысления которой методы анализа недостаточны, они не исчерпывают проблемы понимания. Как верно заметил И. В. Гёте, все, что мы считаем «фактами», есть наша тео-

рия, и все, что мы «знаем» об окружающем нас мире, является лишь нашей его интерпретацией (или «матрицей»).

Под рациональностью следует понимать, во-первых, требование выявления однозначной причинно-следственной связи, детерминизм, когда из одной причины при одинаковых условиях всегда будет следовать одно и то же следствие. Нередко рационалисты ссылаются на «бритву» Вильгельма Оккама – не умножать сущностей без необходимости, то есть при наличии разных вариантов объяснения факта самое простое – самое верное. Во-вторых, рациональность требует максимальной достоверности, поскольку рационалистическая методология обслуживает практическую сферу, и объективности, точности. По словам М. М. Бахтина, «пределом точности в естественных науках является идентификация ($a = a$). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.)» [2; 371].

Иррациональное можно рассматривать по отношению к рациональному в трех аспектах: дорациональное (нерефлектируемое эмоциональное), парациональное (дополнительное к рациональному) и сверхрациональное (выходящее за пределы рационального познания). Иррациональность предполагает возможность неоднозначных, многозначных причинно-следственных отношений. Известный художник-гравер В. А. Фаворский писал: «Попробуйте запомнить цвет при помощи слов, – у вас получится схема цвета, упрощенное представление о цвете, а цвет с его всей сложностью и влиянием на него фактуры можно запомнить только без слов, никакие слова не передадут всю сложность и частность его характера... Тут, быть может, и мешает то, что слово делает явление отвлеченным, что и является преимуществом в отвлеченном мышлении» [18; 44]. Или другой пример. Индийский философ Бхагаван Шри Раджниш спрашивал у учеников: «Из какого целого можно отнять целое и останется целое?» Ответ: «Материнская любовь». Сколько мать ни отдает ее своему ребенку, ее не убывает. Или сама мать, когда она рождает дитя, появляется целое – Жизнь. Здесь правила математики или формальной логики уже не действуют, а работают законы совсем другой логики. В. В. Розанов писал: «Наука есть точный и нужный факт, – говорят они. Но есть другая часть ученых, не худшая, которая требует от науки и некоторой поэзии, не избегает вопросов из чистого любопытства и пользуется методами воображения, соображения, догадки. Эта часть ученых в общей массе их занимает роль фермента, бродила. Наука закисла бы, наука прокисла бы, если бы эти ученые “грибки” своим воображением не приводили в движение массу старых мнений и фактов, всегда имеющих тенденцию пасть на дно и там лежать неподвижно» [15; 197].

<i>Рациональное</i>	<i>Иррациональное</i>
Однозначная детерминация	Неоднозначная обусловленность, синхронность
Объективная достоверность, проверяемость	Субъективная достоверность, непроверяемость
Адекватная транслируемость и перевод на другие языки	Неполная транслируемость, перевод с остатком, сотворчество
Дискурсивность, осознаваемость	Неполная осознаваемость, интуитивность
Дискретность, прерывность	Континуальность, целостность
Связано с количественными характеристиками объектов	Связано с качественными характеристиками объектов
Используется для осмысления материально-технической сферы	Используется для осмысления духовно-гуманитарной сферы
Связано с функциями левого полушария головного мозга и «дневным» сознанием	Связано с функциями правого полушария головного мозга и «ночным» сознанием
Выражает преимущественно пространственные характеристики объекта	Выражает преимущественно временные характеристики объекта

По мнению основоположника кибернетики Норберта Винера, главное из преимуществ человека по сравнению с вычислительными машинами и роботами – «способность мозга оперировать с нечетко очерченными понятиями. В таких случаях вычислительные машины, по крайней мере в настоящее время, почти не способны к самопрограммированию. Между тем наш мозг свободно воспринимает стихи, романы, картины, содержание которых любая вычислительная машина должна бы отбросить как нечто аморфное» [4; 82].

Нужно заметить, что, выдвигая требование использовать иррациональную методологию при изучении культуры, мы должны не отбросить рациональную методологию, а правильно определить ее возможности и сферу применения, не считая рационализм способным решать проблемы, которые ему, как говорится, не по зубам.

Итак, можно свести в таблице основные характеристики «рационального» и «иррационального», представив дифференциальные дефиниции того и другого.

Таким образом, каждому свое: рационалистические методы (анализ, редукция, объектный, сравнительный) направлены на осмысление количественных характеристик феноменов культуры, а иррационалистические методы (интуиция, синтез, системно-комплексный, ценностный, субъектный) – на качественные. Или, как заметил Шпенглер, «сущность рассудка – критика, сущность разума – творчество» [22; 16].

Вслед за этим мы предлагаем пересмотреть представление о том, что разум и рациональность тождественны, как это трактуется в европейских языках со времен Цицерона, когда *ratio* обозначало «рассудок, разум, рациональность». Ведь если согласиться с таким отождествлением, то придется считать все искусство выпадающим из сферы ра-

зума в сферу бессмыслицы и чепухи, с чем никто не согласится. Другое дело, если мы будем понимать разум как единство рационального и иррационального при ведущей роли первого.

Для осмысления сознания особенно важно понять, что оно имеет не вещественный, а *полевой* характер, это поле. Поле нуждается в каком-то материале, но не материал образует его особенности и характер, а *волна*. Точно так же и энергия имеет полевой характер. Волны энергии пульсируют в поле космоса. Волну характеризуют: амплитуда, высота и глубина, широта, скорость, интенсивность и экстенсивность. Субстанция имеет две основные формы: вещественную (материальную) и полевую (духовную).

Реализм и идеализм. Под реализмом понимается методологическая установка на признание познающим субъектом объективной реальности, существующей вне его, являющейся предметом его научного интереса и исследования. Реалист стремится не исказить объект, не подтасовывать результатов исследования, а быть честным в стремлении получить в результате эксперимента объективные данные, пусть даже они не соответствуют предварительной гипотезе.

Однако реальность может быть не только материальной и физической. Следует выделить следующие виды формы реальности:

1. Эмпирическая или физическая реальность;
2. Сенсорная (чувственная) реальность;
3. Художественная реальность;
4. Виртуальная реальность;
5. Измененная (галлюциногенная) реальность;
6. Субъективная реальность;
7. Духовная реальность;
8. Сон, или реальность сновидения;
9. Феноменологическая реальность.

В XX веке ряд философов декларировали в своих работах позицию реализма в противоположность идеализму. Физик Я. Хакинг пишет: «*Научный реализм* утверждает, что объекты, состояния и процессы, описываемые правильными теориями, существуют на самом деле». И далее: «*Антиреализм* утверждает обратное: электронов как вещей не существует. <...> Теории, которые их описывают, служат лишь инструментами мысли. Теории могут быть адекватными, полезными, подтвержденными или применимыми, но независимо от того, насколько мы восторгаемся умозрительными и технологическими триумфами естественных наук, мы не должны считать даже наиболее убедительные их теории истинными» [21; 29–30].

В марксизме идеализму дана широкая, но односторонняя трактовка, связанная с «идеями» Платона. В такой традиции идеализм считается синонимом воображаемого и пустого манипулирования бессодержательными, метафизическими и ничего не стоящими абстракциями. Но возможно другое понимание термина «идеализм», связанное с понятием «идеал». Идеализация – это мыслительная операция отвлечения от случайно-го, конкретного, частного в интересах акцентиро-

вания внимания на существенном и закономерном, связанном с важнейшими перспективами развития процесса. В этом случае *идеализм* имеет совсем другой смысл. В противоположность приземленному и узколобому практицизму такой идеализм выводит человека к высшим духовным ценностям, имеющим фундаментальное значение для всей его жизни, направляющим его к вечности и нетленности существования.

Если реализм стремится иметь дело с адекватным воспроизведением реальности, то идеализм говорит о должном, о том, какой должна быть жизнь в соответствии с высшими моральными принципами, ценностями и идеалами, к чему обязан стремиться человек, ведомый представлениями Духовного Абсолюта, Господа Бога.

Объективизм и субъективизм. Принцип объективизма рекомендует ученому быть честным, неангажированным, непредвзятым, не примешивать свои интересы и потребности в исследование, не искажать результаты реально происходящих в эксперименте процессов, чтобы получить такие данные, которые не расходятся с действительностью.

По словам Э. Фромма, «объективность означает не беспристрастность, но определенное отношение, а именно умение не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, да и самих себя» [20; 91]. В то же время ученому необходимо отдавать себе отчет в своих собственных позициях и интересах, целях и задачах, чтобы «не растекаться мыслями по древу», а концентрировать внимание на объекте, предмете и цели своего изучения.

М. М. Бахтин писал: «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [2; 363]. В диалоге исследователь изучает не только мир сам по себе («вещь-в-себе»), но и вещь в отношении к себе, в свете его субъективных потребностей.

<i>Реализм</i>	<i>Идеализм</i>
Объективное	Субъективное
Проверяемое	Априорное
Конкретное	Абстрактное
Действительное	Воображаемое
Достоверное	Вероятностное
Очевидное	Интуитивное
Истина	Правда

<i>Объективизм</i>	<i>Субъективизм</i>
Проверяемость	Уникальность
Достоверность	Оригинальность
Элиминация субъекта	Учет интересов и потребностей
Дифференциация	Целостность
Отвлеченность	Целесообразность
Однозначность	Многосторонность
Количество	Качество
Анализ	Синтез

Конечно, мир субъективной реальности является объектом изучения главным образом гуманитарного ученого, представители других наук мало интересуются этими феноменами. Используя выведенную нами бинарно-тетрактидную концепцию, можно попытаться выстроить понимание специфики методологии четырех ведущих классов научного знания.

Таким образом, предлагаемая методологическая программа, как нам представляется, открывает новые перспективы для осмысления мира в рамках постнеклассической науки, но она должна быть нацелена не столько на аналитическое раздробление мира на мозаичные осколки, сколько на синтезирование целостной картины и выявление того, что китайцы называли «дао», а египетские жрецы – «мера гармонии».

<i>Технические науки</i>	<i>Естественные науки</i>	<i>Социальные науки</i>	<i>Гуманитарные науки</i>
Механическая и электрическая энергия	Биохимическая и электрическая энергия	Социальная энергия масс	Духовная энергия
Объект – искусственно переработанная материальная субстанция	Объект – естественная материальная субстанция	Объект – поле социальных отношений	Объект – духовная субстанция
Максимальная математизация знания	Относительно большая возможность математизации	Минимальное использование математических методов	Невозможность математизации
Практика как критерий истины	Практика как критерий истины	Польза как критерий достоверности	Ценность и смысл как критерии достоверности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Язык русской культуры, 1996. С. 115–145.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Винер Н. Творец и робот. М.: Прогресс, 1966. 104 с.
5. Гроф С. За пределами мозга. М.: ГПИ, 1993. 504 с.
6. Дмитриев Б. Что такое движение. 2-е изд. Киев: Истина, 2003. 136 с.
7. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучных форм знания. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 353 с.
9. Катасонов В. Н. Лестница в небо: Генезис теории множеств Г. Кантора и проблема границ науки // Границы науки / Под ред. Л. А. Марковой. М.: ИФ РАН, 2000. С. 6–54.
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф – число – сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
11. Лосев А. Ф. Дополнение к диалектике мифа (осень 1929 г.) // Старая площадь: Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1996. № 4. С. 3–9; Лосев А. Ф. Дополнения к «Диалектике мифа» // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 63–69.
12. Паскаль Б. Мысли. М.: REFL-book, 1994. 528 с.
13. Пивоев В. М. История философии. СПб.: Лань, 2002. 352 с.
14. Пивоев В. М., Шредер С. А. Бергсон и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 112 с.
15. Розанов В. В. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. 464 с.
16. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 232 с.
17. Типпинг К. Радикальное прощение. М.: София, 2009. 320 с.
18. Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М.: Книга, 1986. 238 с.
19. Фромм Э. Ситуация человека – предмет психоаналитического исследования // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 443–482.
20. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.
21. Хакинг Я. Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
22. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.

УДК 1:93+1:94+101.1:316

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОНОВ

аспирант кафедры философии и социологии факультета
истории и социальных наук, Мурманский государственный
гуманитарный университет
Voronov.mspu@rambler.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: СВЯЗЬ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СМЫСЛА ИСТОРИИ

В статье предпринимается попытка показать связь истории и философии истории с конструированием и обоснованием социально-исторических смыслов. В контексте решения этой задачи онтологическая философия истории интерпретируется как метатеория для общемировоззренческих представлений об истории, конструирующих и обосновывающих универсальные ее смыслы. Функция исторического познания соотносится с легитимацией региональных социально-исторических смыслов.

Ключевые слова: универсальный смысл истории, региональные социально-исторические смыслы, смысл жизни, понимаемая модель, описание, объяснение и понимание истории

В статье рассматривается проблематика, связанная с мировоззренческой функцией онтологической философии истории, которая (функция) соотносится с привнесением в социально-историческую действительность определенного **универсального смысла**. Поскольку философско-исторические теории являются своего рода интерпретационной «надстройкой» над фактуальным знанием о прошлом, необходимым является и анализ мировоззренческого значения непосредственно исторического познания. По нашему мнению, в рамках философско-исторических схем можно вести речь об универсальном и рефлексивном смысле общественного развития, тогда как историческая наука ориентирована на конструирование и легитимацию **региональных социально-исторических смыслов**, как правило, имеющих дорефлексивный характер. Существенной является также проблема связи личностного, субъективного **смысла жизни** отдельного человека как с региональными социально-историческими смыслами, так и с универсальным смыслом истории. Таким образом, целью данной работы является попытка решения вышеперечисленных проблемных вопросов.

История как действительное прошлое и особая специфическая форма познания этого прошлого присуща как индивиду, так и различным социальным общностям. Если знание об индивидуальном прошлом сохраняется благодаря такому свойству психики, как память, то знание о коллективном прошлом должно являться общественно значимым [18; 9] и не основываться на имманентных отдельному человеку способах сохранения и ретрансляции информации¹.

Знание о социально-историческом прошлом в силу своего общезначимого характера должно выполнять определенные социальные функции. Эти функции связаны прежде всего с сохранением культурно-исторической памяти и с формированием коллективной идентичности [18; 110].

Существование отдельного человека невозможно вне пространства конкретных социальных общностей, имеющих собственную историю. Индивид всегда идентифицирует себя с определенной семейной, профессиональной, этнической, государственной, религиозной и другими общностями. Сам смысл человеческой жизни во многом конституируется такими социально-историческими идентичностями. Смысл жизни, в отличие от смысла социального действия, не может определяться исключительно внешними прагматичными целями, поскольку относительно любой поставленной человеком конкретной цели возможен вопрос: зачем или ради чего? Постоянная актуальность этого рефлексивного вопроса определяется фактом нашей конечности [23]. Региональная идентичность позволяет получать ответы на вопрос «зачем?» в параметрах региональных исторических смыслов. Жизнь и деятельность индивида самолегитимируются, поскольку он осознает себя членом определенных социально-исторических образований². Тем не менее региональные социально-исторические смыслы в ситуации мировоззренческой рефлексии могут быть также поставлены под сомнение как нечто внешнее, ситуативное, случайное, не имеющее отношения к внутреннему, подлинному «Я» [22; 41–46].

Проблема подлинного, рефлексивного смысла жизни может решаться как на личном экзистенциальном уровне, например в различных философских учениях эпохи эллинизма или в светском направлении экзистенциализма, так и на всеобщем социальном уровне. Включенность индивидуальной человеческой жизни в социально-историческое существование всего человечества подразумевает возможность соотнесения личного смысла жизни и универсального смысла истории [26; 94]. Здесь нам необходимо ответить на вопрос, может ли решаться проблема универсального смысла истории в рамках собственно исторической науки.

История как форма познания основывается прежде всего на процедуре описания. Описанием является совокупность предложений, характеризующих определенный объект. В качестве элементарного объекта, как правило, выступает историческое событие [3; 118], [21; 142–147]. По мнению Р. Арона, нет существенного различия между микрособытием и макрособытием и между событием и совокупностью событий [1; 160]. По нашему мнению, для определения связанной совокупности событий оправданным является использование понятия «социально-историческая ситуация»³. Надо заметить, что историописание не ограничивается исключительно ситуативно-событийными рамками. Трансформация устойчивых социальных практик (материальных, экономических, религиозных, политических и др.) также находится в пространстве исторического познания. Формирование самостоятельной истории «практик» произошло только в XX веке в работах представителей первого поколения французской школы Анналов [12; 12, 49–56].

Описание неразрывно связано с объяснением, которое содержит в себе указание и обоснование той или иной «причины» [7; 163]. Историк, ограничивающийся только регистрацией очевидных, генетических причин, в какой-то мере действует подобно обывателю, рассказывающему «истории» из своей жизни. Проблемы исторического объяснения разрабатывались в рамках двух моделей: рационально-телеологической и дедуктивно-номологической. Модель дедуктивного «подводящего» объяснения была разработана К. Гемпелем [8; 72–80]. Структура объяснения включает в себя экспланандум – описание объясняемого события, и эксплананс – сопутствующие объекту условия, охватывающие универсальные законы или гипотезы. Отсутствие самих формулировок универсальных закономерностей, по мнению сторонников этой модели, связано с тем, что закономерности носят тривиальный характер [9; 230–232], [16; 305].

Рационально-телеологическая модель исторического объяснения была сформулирована У. Дреем. Согласно Дрею, объяснение исторических событий предполагает прежде всего выявление рациональных мотивов действующих лиц [10; 41–42]. Первоначально телеологическая и каузальная модели объяснения противопоставлялись друг другу [17; 104–105]. В дальнейшем тезис об их принципиальной «несовместимости» был поставлен под сомнение. Например, согласно П. Рикёру, в историческом познании присутствуют как каузально-номологические, так и телеологические объяснительные схемы [19; 258–259].

Необходимо отметить, что проблема объяснения несводима к логической (формальной) проблеме вывода причины, значимой является и собственно гносеологическая (содержательная) сторона. Выявить неочевидные причины событий возможно только при использовании теоретических схем, выходящих за пределы историописания. Соответственно, можно говорить о не-

обходимости своего рода «теоретической интервенции». Здесь историк может опираться как на рационально-теоретические знания, так и на идеологические, мифологические, общемировоззренческие идеи⁴.

Исторические исследования по сути представляют собой достоверные описания и вероятностные объяснения ситуативно-событийных цепочек и устойчивых социокультурных практик. Такие частные описания и объяснения собираются, связываются и организуются преимущественно в рамках национально-государственных историй⁵. Наличие современной государственности и необходимость ее легитимации обуславливают построение единой картины общего этногосударственного прошлого [5; 4–5]. Таким образом, историческое познание конструирует и обосновывает региональные социальные смыслы, актуальные в настоящем.

Надо заметить, что необходимость подробного анализа конкретных событий и практик приводит к тому, что «чем больше мы знаем, тем труднее построить теорию исторического развития... путем обобщения эмпирических данных» [6; 3–4]. Также важно указать момент, очень точно схваченный М. Хайдеггером: любая наука, в том числе история, не может выйти за пределы своего предметно-объектного поля [25; 71–80]. Таким образом, понимание универсального смысла истории возможно только вне собственного исторического познания.

Универсалистская интерпретация истории становится возможной только в рамках определенного мировоззренческого подхода, направленного не на описание и объяснение конкретных фактов, а на понимание универсальной истории. Понимание связано с привнесением того или иного смысла. Впервые история приобретает универсальный смысл, связанный с возможностью всеобщего спасения, в христианском мировоззрении [2; 6–7]. Здесь опять-таки можно говорить о «теоретической интервенции», однако «интервенция» имеет здесь принципиально иной характер. Необходимо отметить, что хотя универсальный смысл общественного развития, постулируемый в рамках того или иного мировоззренческого подхода к истории, имеет интерсубъективный, общезначимый характер, принятие его в качестве лично значимого предполагает индивидуальную сознательную активность.

Сами по себе мировоззренческие представления об истории наличествуют в общественном сознании в рассеянном, концептуально невыстроенном виде, они собираются и связываются в онтологических философско-исторических концепциях.

Привнесенный, конструктивистский характер смысла истории может осознаваться субъектом рефлексии. Так, по мнению К. Поппера, сама история никакого смысла не имеет, однако мы в зависимости от наших целей можем придать ей любой смысл [16; 120]. Надо заметить, что открытое признание конструктивистского характера

универсального смысла подрывает мировоззренческие «корни» универсалистских философско-исторических теорий. Поэтому мы, осмысляя историю, постоянно находимся в ситуации выбора между двумя подходами: обоснованием абсолютного характера того или иного смысла и установкой на возможность привнесения любого актуального для нас смысла [20; 97–100].

Альтернативными являются попытки объективировать смысл общественного развития. Так, Н. С. Розовым выделяются три критерия оценки исторического прошлого относительно смысла истории: 1) биологическое выживание и воспроизводство; 2) социально-экономическое и культурное воспроизводство; 3) реализация интересов, потребностей и ценностных оснований различных социальных групп сообщества [20; 101]. По нашему мнению, такая объективация ведет к формуле: смысл исторического процесса заключается в успешном его течении подобно тому, как ценность жизни сама по себе может быть поставлена под сомнение, так и сама успешность хода общественного развития вряд ли может являться значимой для конкретного индивида. В рамках универсалистских онтологических концепций истории смысловая наполненность, как правило, связывается с векторной направленностью всемирно-исторического процесса, ведущего к определенному «концу» истории.

Кроме «конца» истории основными содержательными блоками философско-исторической схемы являются: «начало» истории, периодизация, движущие силы. Результатом содержательного наполнения этих категорий становится конкретная универсальная схема-структура всемирной истории, которая определяется в статье как «*понимательная модель*». Общность мировоззренческих и методологических установок различных теорий позволяет вести речь и о типах моделей. Например, различные христианские концепции всемирно-исторического развития находятся в пространстве теологической модели понимания истории.

В современной ситуации полностью спекулятивные построения не могут рассчитывать на широкое восприятие в социуме. Это актуализирует проблему взаимодействия онтологической философии истории и исторической науки [15; 6–10]. По мнению Н. С. Розова, решение этой проблемы возможно в результате создания организационной структуры социально-исторического знания по типу: «эмпирические исторические исследования» – «теоретическая история» – «философия истории» [20; 35–45]. Нивелировка данной проблемы может быть связана и с приближением философско-исторических теорий к научному социогуманитарному знанию.

Надо заметить, что философско-историческая концепция может являться метатеоретической основой для исторической науки. Классическим примером является марксистская теория, которая выступает как методология исторического познания. Такая методологическая связанность универ-

сальной модели общественного развития и региональных историй предполагает согласованность универсального смысла существования человечества и региональных социально-исторических смыслов. Региональные смыслы уже не нивелируются как нечто ситуативное, случайное, но переосмысляются, реинтерпретируются в соответствии с универсальным смыслом.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Историческое познание при объяснении прошлого зачастую основывается на «теоретической интервенции», то есть на привнесении теоретических конструктов, напрямую не связанных с самим знанием о прошлом. Региональные истории позволяют конструировать региональные социальные смыслы, определяющие смысл жизни отдельного человека. В современной ситуации региональность историописания преимущественно связана с этногосударственным измерением.

Понимание универсального смысла общественного развития осуществляется в рамках определенного мировоззренческого подхода. Мировоззренческие интерпретации истории также предполагают «теоретическую интервенцию». Концептуально структурируя, связывая и обосновывая мировоззренческие представления, которые сами уже являются теоретически нагруженными, философия истории становится своего рода метатеорией исторического процесса. Восприятие в обществе интерсубъективного смысла, раскрываемого в конкретной концепции, зависит от мировоззренческой укорененности философско-исторической схемы. Общность мировоззренческих, а следовательно, и методологических оснований различных теорий актуализирует проблему типологии понимательных моделей истории.

В онтологической философии истории связываются внешне направленное понимание, то есть осмысление мира, и внутренняя рефлексия субъекта. Региональные социально-исторические смыслы, во многом определяющие смысл жизни индивида в случае отсутствия внутренней рефлексии, либо снимаются как нечто ситуативное, несущностное, либо реинтерпретируются. В то же время подлинный, рефлексивный смысл жизни предстает здесь не в индивидуальном, а во всеобщем социальном измерении.

Смысл истории имеет конструктивный, привнесенный характер, однако признание этого положения подрывает мировоззренческие «корни» философско-исторической теории. Поэтому в рамках самой понимательной схемы смысл утверждается как нечто имманентное историческому процессу. Несмотря на то что попытки объективации универсального смысла общественного развития способствуют решению проблем, связанных с культурно-исторической и авторской субъективностью философско-исторических концепций, мировоззренческая ценность таких объективированных построений представляется сомнительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например, уже в рамках первичной устойчивой социальной общности – семьи, формой репрезентации становятся рассказы – «семейные истории», опирающиеся на свидетельства прошлого: вещи, письменные источники, фотографии и др. Рассказываемые истории для слушателей становятся источником знания о социальном прошлом, запоминание – своего рода методом познания.
- ² Так, человек может объяснять и мотивировать свои действия, помимо непосредственных целей, тем, что он – чей-то муж, житель конкретного города, принадлежит к определенной нации, исповедует ту или иную религию. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет, «человеческая жизнь по самой природе своей должна быть отдана чему-то» [14; 131].
- ³ Понимание исторической ситуации как наличествующей совокупности исторических условий представлено в работе Л. Мизеса [13; 210–211]. К. Поппер использует концепт «социальная ситуация», отмечая как ее динамический характер – развитие, так и статический – наличие в определенный момент времени [16; 114–118].
- ⁴ Например, если психологические объяснения Фукидида основывались на его общих антропологических представлениях, то Геродот нередко объясняет происшедшее волей богов или Рока [11; 131–145].
- ⁵ Надо заметить, что первый качественный скачок в развитии исторического познания – появление хроникально-летописных записей – был связан именно с возникновением государства. Древнейшей известной исторической записью является египетская летопись, высеченная на так называемом Палермском камне, датируемая XXV веком до н. э. и охватывающая период в 600–700 лет. Кроме династических рядов фараонов, в летописи указываются и наиболее важные события: постройка крепостных стен, храмов и судов, разорение вражеских земель, объединение Верхнего и Нижнего Египта и др. [4; 6], [24; 84–85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Историческое объяснение / Пер. с франц. И. А. Гобозова // *Философия и общество*. 2003. № 4. С. 156–192.
2. Бойко П. Е. Становление понятия всемирной истории: историко-философский очерк / Под ред. Г. В. Драча. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 95 с.
3. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
4. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 482 с.
5. Валлерстайн И. М. Существует ли в действительности Индия? // *Логос*. 2006. № 5 (56). С. 3–8.
6. Вильчек В. С. Прощание с Марксом: алгоритмы истории. М.: Прогресс: Культура, 1993. 223 с.
7. Вригт фон Г. Х. Объяснение и понимание / Пер. с англ. Е. И. Тарусина // Вригт фон Г. Х. Логико-философские исследования: Избр. тр. М.: Прогресс, 1986. С. 35–241.
8. Гемпель К. Г. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.
9. Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришина. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
10. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории*: Сб. ст. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона; пер. с англ., нем., франц. Ю. А. Асева. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.
11. Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида. СПб.: Алетейя, 2008. 263 с.
12. Ле Гофф Ж. Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы / Пер. и коммент. В. А. Мильчина, предисл. Ж. Ле Гоффа, послесл. и науч. ред. А. Я. Гуревич. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 11–57.
13. Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. под ред. А. Г. Грязновой. М.: Юнити-дана, 2001. 294 с.
14. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс; Дегуманизация искусства: Пер. с исп. М.: АСТ: АСТ-Москва: ООО «Хранитель», 2007. С. 5–209.
15. Подоль Р. Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М.: Наука, 2008. 435 с.
16. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 525 с.
17. Порк А. А. Проблема объяснения в современной немарксистской философии // *Философские науки*. 1983. № 4. С. 102–110.
18. Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.
19. Рикёр П. Память, история, забвение: Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725 с.
20. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
21. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 797 с.
22. Сергеев А. М. Свое (внутреннее) и позиция внешнего наблюдателя // *Феномен границы: способы его понимания, постижения и изучения*: Сб. науч. ст. Мурманск: МГПУ, 2009. С. 39–57.
23. Франк С. Л. Смысл жизни // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/frans02/index.htm>
24. Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 440 с.
25. Хайдеггер М. Наука и осмысление / Пер. с нем. В. В. Биbihина // Новая технократическая волна на Западе: Сб. ст. / Сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 67–84.
26. Харитонов М. Е. Связь смысла человеческого существования со смыслом истории. СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2007. 103 с.

УДК 331.55:316.344.32:316.324

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА КРУТОВА

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Отдела институционального развития региональных
социально-экономических систем Института экономики,
Карельский научный центр РАН
krutoks@gmail.com

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА МОРОЗОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики, Карельский научный центр РАН
morozova@krc.karelia.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению основных направлений интеллектуальной миграции, имеющей место в условиях мировой глобализации стран Европы, Азии, Южной Америки, Канады и США, развивающихся стран. В качестве эмпирического материала используются данные Организации экономического сотрудничества и развития за период с начала 2000-х годов по настоящее время.

Ключевые слова: интеллектуальная миграция, глобализация, человеческий капитал, транснациональная миграция, интеллектуальный капитал

ВВЕДЕНИЕ

Миграция существовала во все времена, однако с распространением процессов глобализации в мире она приобретает особенный характер, зачастую оказывая влияние на настоящее и будущее развитие государств – экспортеров рабочей силы. В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «International Movements of the Highly Skilled» (1997) отмечалось, что «несмотря на большое значение миграции высококвалифицированного персонала для развития и управления международной экономикой, мы очень мало знаем о схемах и процессах миграции» [27]. До сих пор отсутствует типология, которая описывала бы основные группы и подгруппы, отсутствуют общепринятое понятие и определение высококвалифицированного персонала.

На сегодняшний день идеи глобализации столь же популярны в современном мире, как и идеи постмодернизма 1980-х годов. Постоянно растущий интерес к проблематике глобализации вызван глобальными экономическими, технологическими, информационными изменениями в странах и регионах мира. Особенностью глобализации является то, что многие процессы, происходящие в современном мире, не локализируются в границах какого-то отдельного национального государства, региона, материка. Под влиянием мировых сетей разнообразных экономических, финансовых, информационных институтов, служб и коммуникаций исчезают межгосударственные «железные занавесы», тогда как происходящие в мире процессы в кратчайшие сроки становятся всеобщими, надэтническими, планетарными, глобальными.

Дальнейшее развертывание этого объективного процесса сопровождается стиранием географических границ, возникновением новых рынков сбыта, появлением распределенных сетевых трудовых отношений, кардинальным сближением производства и потребления, возрастанием роли транснациональных компаний, обострением борьбы за ограниченные сырьевые ресурсы, открытиями новых рынков в новой сфере «интеллектуального потребления», уменьшением культурной обособленности этносов, возникновением возможностей применения принципиально новых моделей и методов управления, а также постепенным уменьшением роли государства в решении проблем транснационального масштаба.

В условиях глобализационных процессов, происходящих между странами и регионами мира, важнейшей особенностью взаимовыгодной экономической и культурной интеграции стран и одновременно реакцией на глобальные культурно-экономические процессы становится интеллектуальная миграция. В ситуации глобализации отношений между странами интеллектуальная миграция приобретает массовый характер, ориентируясь на процессы в изменении глобальной экономической инфраструктуры и геополитической, геоэкономической расстановки мировых политических акторов. Получает распространение практика организации транснациональных пространств в регионах мира.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Интеллектуальная миграция является сравнительно новым миграционным явлением, получившим широкое распространение с 1980-х

годов по всему миру. Это процесс, в ходе которого из страны мигрируют ученые, специалисты, высококвалифицированные рабочие по экономическим, политическим, религиозным соображениям. Однако экономические факторы являются, как правило, первостепенными мотивами миграции интеллектуальной элиты. Термин «интеллектуальная миграция» (brain drain) означает миграцию образованных профессиональных кадров из одной страны, сектора экономики или области в другую, обычно для получения лучшей оплаты или условий жизни.

Однако под процессом миграции подразумевается территориальное перемещение населения одновременно с социальным, отраслевым движением. Миграция в отношении населения, имеющего высокий уровень человеческого интеллектуального капитала, приобретает характер интеллектуальной миграции, тогда как имеет место и миграция интеллектуального капитала. Иногда носитель человеческого капитала мигрирует, имея не только накопленный трудовой опыт интеллектуальной деятельности, но и интеллектуальные разработки, ноу-хау, патенты и т. д. В данном случае следует подчеркивать, что происходит миграция интеллектуального капитала.

Как бы то ни было, интеллектуальная миграция имеет более обобщенный характер. Среди высокоинтеллектуальных мигрантов, как правило, – ученые, менеджеры, врачи, специалисты различных областей знания. Миграция интеллектуального капитала также имеет место, однако не существует однозначных количественных оценок данного явления. В связи с этим, анализируя процессы миграции, стоит обращать особое внимание на категорию «интеллектуальная миграция», подразумевая, однако, что в ряде случаев имеет место и миграция интеллектуального капитала.

Интеллектуальная миграция создает «эффект вымывания» рабочей силы, поскольку огромные масштабы квалифицированного высокоинтеллектуального персонала мигрируют в страны, где существуют лучшие возможности для реализации человеческого капитала. В странах – экспортерах интеллектуальных мигрантов данная потеря в виде высококвалифицированной рабочей силы практически невозможна. В то же время интеллектуальная миграция создает «эффект замещения» рабочей силы, поскольку в страну – экспортер интеллектуальной рабочей силы мигрирует менее образованная рабочая сила, занимающая вакансии в сфере низкоквалифицированного труда.

Процессы экономической глобализации способствовали лучшей реализации человеческого капитала там, где предоставляют лучшие возможности для работы и высоко поощряют интеллектуальный труд, то есть в экономически развитых странах [16]. Данная тенденция была подкреплена соответствующей политикой стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития с начала 1980-х годов.

Стремление государственных органов к повышению качества иммигрантов в таких странах, как Австралия и Канада, способствовало развитию международной политики по привлечению высококвалифицированных специалистов рядом крупнейших экономически развитых государств мира. В то время как мировой экспорт, валовой национальный продукт увеличились на 51 % в период с 1990 по 2000 год (по оценкам Всемирной торговой организации в 2004 году), общее количество иностранцев, проживающих в странах ОЭСР, возросло в тех же пропорциях за указанный период (51 %). В то же время численность высококвалифицированных специалистов составляла 70 % от общего числа иностранных резидентов стран ОЭСР [14], [15], [28].

В среднем около 3,3 млн человек мигрируют в страны ОЭСР ежегодно. Более динамичное развитие процессов миграции непосредственным образом связано с процессами глобализации, имевшими место в Европе в течение последних десятилетий. В частности, процессы объединения экономического пространства, американизация как синоним глобализации способствовали значительному перемещению интеллектуальных мигрантов из менее развитых стран в более экономически и политически благополучные. Многие страны (например, США, Германия, Великобритания, Канада, Япония) проводят эффективную политику привлечения интеллектуальных мигрантов с целью восполнения эмигрирующих интеллектуалов, тем самым стимулируя отток интеллектуальной рабочей силы из стран-экспортеров (Россия, Германия, Великобритания, страны Азии и Африки). Оценивая последствия интеллектуальной миграции для стран – экспортеров рабочей силы, многие ученые поддерживают мнение о том, что миграция интеллектуалов однозначно наносит ущерб странам, поставляющим интеллектуальную рабочую силу [24; 151].

МИГРАЦИЯ В США

На сегодняшний день в мире существует несколько глобальных направлений миграции:

1. Из стран третьего мира, развивающихся стран, Европы, Азии, Южной Америки в Соединенные Штаты Америки, Канаду;
2. Из стран третьего мира, Азии, развивающихся стран в Европу;
3. Внутриевропейские миграции.

Интеллектуальная миграция как всеобщий, глобальный процесс имеет две отличительные тенденции. Одна из них связана с миграцией высококвалифицированных специалистов в США [20]. Общий объем миграции из европейских стран в США остается более или менее устойчивым последние несколько лет. Количество иммигрантов в США из Европы в 1994, 1995, 1996 годах составило 62658, 44870 и 46776 человек соответственно. В 1994 году показатели

были выше из-за изменений в иммиграционном законе США, который позволял многим студентам оставаться работать [23]. В 2008 году 117299 мигрантов получили постоянный вид на жительство и работу в США. Это специалисты высокого уровня, работающие в сфере науки, управления, образования [25]. В целом ежегодно в страну приезжают около 1 млн легальных и около 800 тыс. нелегальных мигрантов.

Соединенные Штаты Америки традиционно являются страной, которая привлекала талантливых иностранцев. Будучи транснациональным центром мира, страной, ежегодно принимающей более 1,8 млн мигрантов со всего мира, США традиционно считаются многонациональной страной. При этом США проводят политику привлечения интеллектуальной рабочей силы со всего мира и тем самым инвестируют финансовые ресурсы в развитие экономики на многие десятилетия вперед. Наиболее характерной особенностью современной иммиграции высококвалифицированных специалистов в США является феноменальный рост ее численности из развивающихся стран и падение ее удельного веса из промышленно развитых стран. В начале 1970-х годов иммиграционный поток специалистов в США почти целиком состоял из представителей развивающихся стран.

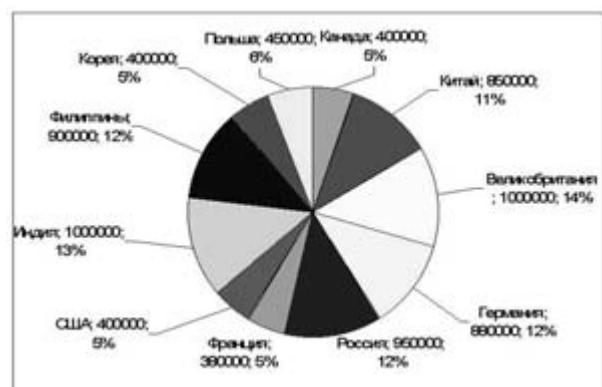
На основе рассмотрения географической структуры «утечки умов» в Соединенные Штаты можно сделать наиболее общий вывод о том, что в начале 1970-х годов значительный поток специалистов направлялся в США из сравнительно небольшого числа развивающихся стран: Индии, Филиппин, Пакистана, Южной Кореи, Турции, Ирана, Колумбии, Бразилии, Чили, АРЕ, Нигерии и т. д. Из многих стран «утечка умов» была невелика по численности. Однако опасность состоит в том, что по мере социально-экономического развития страны третьего мира все в большем числе вовлекаются в этот процесс, что оказывает крайне отрицательное воздействие на те страны, где число высококвалифицированных кадров очень мало. Особенно это характерно для стран Центральной Америки, Ближнего и Среднего Востока, а также Африки. Термин «утечка мозгов» в полной мере применим лишь к пяти странам (Доминиканская Республика, Сальвадор, Мексика, Гватемала и Ямайка), из которых за границу (в основном в США) переехали более двух третей всех образованных людей.

Резкое увеличение иммиграции высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран в Соединенные Штаты в конце 1960-х – начале 1970-х годов объясняется глубоким экономическим и технологическим «разрывом» между странами третьего мира и Соединенными Штатами, крупнейшей капиталистической страной, что является следствием колониального прошлого народов, получивших политическую самостоятельность. (Под технологическим разрывом обычно понимаются различия в

уровне и темпах развития науки и техники, а также в организации и управлении производством, в квалификации рабочей силы, масштабах рынка и концентрации производства.)

Весь третий мир с его двухмиллиардным населением расходует в десять раз меньше средств на науку, чем Соединенные Штаты. Такое неравенство в распределении научных ресурсов не могло не привести к серьезным противоречиям, одним из проявлений которых является «утечка умов» в США. Что касается миграции из США в другие страны, то не отмечается столь же масштабных перемещений интеллектуальных американцев ни в страны Европы, ни куда-либо еще. Так, в 2008 году в странах ОЭСР проживали 400 тыс. высококвалифицированных мигрантов из США, что составляет лишь 5 % от общего числа мигрантов из стран – экспортеров рабочей силы (см. рис.).

Однако в конце 2008 года была отмечена тенденция к небольшому увеличению численности специалистов, мигрирующих из США, по сравнению с численностью приезжающих в США мигрантов [12]. Для истории США данная тенденция довольно необычна, поскольку начиная с 1800-х годов численность иммигрантов значительно превышала численность эмигрантов. Причина возникновения данной ситуации заключается во влиянии мирового финансового кризиса, заставившего высококвалифицированных специалистов из США искать работу в странах ОЭСР. Тем не менее миграция в США не прекращается. Кроме США, где в 2006 году были выданы 1,2 млн разрешений на постоянное проживание в стране, к пяти крупнейшим странам, планирующим прием иммигрантов, относятся Канада (250 тыс.), Австралия (125 тыс.), Новая Зеландия (50 тыс.) и Израиль (25 тыс.).

«Выходцы» в странах ОЭСР (по стране происхождения)
 («Выходец» – человек, временно или постоянно проживающий в стране, культура которой отлична от культуры страны происхождения (гражданства) человека.)

МИГРАЦИЯ В ЕВРОПУ И ВНУТРИ ЕВРОПЫ

Вторая тенденция заключается в миграции высококвалифицированного персонала из Восточной

и Юго-Восточной Европы в Западную Европу [30] обычно в пределах Европейского союза, хотя данная тенденция в последние годы меняется, что подтверждается статистическими данными [17], [18]. Как правило, включение новых государств в Европейский союз способствует более динамичной миграции как интеллектуальной, так и низкоквалифицированной рабочей силы.

С начала 1990-х годов глобальная миграция интеллектуалов существовала и в странах Юго-Восточной Европы, в частности в странах – кандидатах на вступление в Европейский союз (Румыния, Болгария) [31], что потребовало кардинальных действий со стороны государств Юго-Восточной Европы по сдерживанию интеллектуальной миграции. В частности, данная ситуация повлияла на распространение государственных программ по организации наилучших условий для деятельности талантливых ученых на территории родной страны и участия их в международных проектах [29]. В странах Западной Европы также существовала проблема интеллектуальной миграции. В частности, наибольшая доля мигрантов была из Португалии. В целом страна потеряла 19,5 % от общего количества квалифицированной рабочей силы. Как правило, граждане Португалии совершали миграции в Австралию, Канаду, Швейцарию, Германию и Австрию [21].

В приграничных регионах динамика миграции обусловлена влиянием внешних факторов, среди которых первостепенное значение имеют институциональные (контактно-барьерные функции границ). В случае, когда режим границы меняется в зависимости от складывающейся экономической и политической ситуации, когда на первое место выходят контактные, а не барьерные функции границ, процесс всеобщей европейской регионализации (европеизации) неизбежен. Создание еврорегиона позволяет его участникам создавать совместные экономические структуры, развивать приграничную торговлю, реализовывать различные проекты в области туризма, экологии, спорта и культуры. В пределах еврорегиона практически устраняются таможенные барьеры и препятствия для перемещения рабочей силы. Создание единого экономического пространства способствует беспрепятственному перемещению рабочей силы в рамках Европейского союза, следовательно, облегчает процесс миграции интеллектуалов.

Совместное исследование, проведенное специалистами Национального фонда экономических исследований и Института исследований международной миграции при Джорджтаунском университете, показало, что в период с 1990 по 2000 год процесс интеллектуальной миграции следовал определенным закономерностям. Согласно данным Европейской комиссии, страны с наибольшей долей зарубежных исследователей – Великобритания, Австрия, Бельгия, Дания и Нидерланды. Вместе с тем по доле зарубежных ученых, работающих в стране и относящихся к кадрам высшей

квалификации, лидируют страны Североамериканской зоны свободной торговли (США, Канада), а также Швейцария [13; 193–218].

В целом страны ОЭСР характеризуются наличием многонационального состава мигрантов со всего мира. По общему числу эмигрантов (представители как начального, так и высшего профессионального уровня) лидируют несколько стран, являющиеся мировыми поставщиками рабочей силы (Великобритания – 3247,5 тыс. человек, бывший СССР – 3516,8 тыс., Германия – 3124,5 тыс., Мексика – 8328,6 тыс.) (см. таблицу). Эмигранты из таких стран, как Польша, Италия, бывшая Югославия, Турция, также проживают и работают в странах ОЭСР. Численность их колеблется от 2000 до 2500 тысяч человек в среднем.

Однако в общем ряду стран, традиционно поставляющих рабочую силу в Европу, существует разделение на поставляющих низкоквалифицированных и интеллектуальных мигрантов. Например, традиционно потоки низкоквалифицированных мигрантов идут из Турции, Португалии и Мексики. Численность низкоквалифицированных работников в общем количестве мигрантов из этих стран достигает 70 %. Также лидируют по этому показателю Марокко, Италия, Вьетнам, бывшая Югославия, Алжир, Пуэрто-Рико. Напротив, традиционно существуют потоки интеллектуальных мигрантов из таких стран, как Индия, Филиппины, Канада, Корея, США, Иран, Япония, Южная Африка и др. Примечательно, что численность интеллектуальных мигрантов традиционно превышает численность мигрантов, имеющих низкий уровень образования, более чем в два раза.

Первое место по показателю интеллектуальной миграции занимают Великобритания, которую ежегодно покидают 1 млн 441 тыс. человек с высшим образованием, Германия (817 тыс.) и Россия (более 200 тыс.) [3]. Причины интеллектуальной миграции, как правило, кроются в низком уровне оплаты труда, неудовлетворительном состоянии материально-технической и приборной базы, бюрократизме и волоките в родной стране. Так, новое исследование Организации экономического сотрудничества и развития показало, что Великобритания сейчас переживает самую глобальную интеллектуальную миграцию за последние полвека [19]. По данным исследования, за границей проживают около 3 млн людей, родившихся в Великобритании. Более 1,1 млн из них – специалисты высокой квалификации, учителя, врачи и инженеры. За границу уезжают более 10 % тех, кто заканчивает вузы. Только в 2006 году из страны уехали 207 тыс. граждан. Авторы исследования подчеркивают, что ни одна страна из 29 членов ОЭСР не теряет такое количество высококвалифицированной рабочей силы. Как правило, больше всего от отъезда квалифицированных кадров страдают малые страны, находящиеся на периферии индустриально развитых государств. В эту группу также входят бывшие колонии, из которых происходит

интеллектуальная миграция в бывшие метрополии. Примечательно, что самые популярные направления у британских эмигрантов – Австралия, США, Канада и Новая Зеландия, то есть бывшие колонии Британии. Основные причины, заставляющие британцев покидать родину, – высокие цены на жилье, непомерные налоги и плохой климат.

МИГРАЦИИ ИЗ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Наглядным примером наличия «эффекта вымывания» и «эффекта замещения» рабочей силы является Россия, где интеллектуальная миграция за рубеж сочетается с миграцией низкоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ (около 270 тыс. человек ежегодно) [8].

В целом за период с 1991 года из России выехали порядка 500 тыс. ученых и программистов [26]. Процессы глобализации непосредственным образом отразились на переориентации бывшего СССР как «закрытого» государства в строящее рыночную экономику. После крушения СССР и поднятия «железного занавеса» выезды за границу были особенно интенсивными [9]. В период с 1989 по 1992 год интеллектуальная эмиграция достигла своего пика. За этот период из страны за рубеж на постоянное место жительства уехало около 10 % (примерно 75 тыс. человек) научных работников разного профиля. Потеря специалистов отражается на всех отраслях российской науки и образования [1; 198].

Первая волна оттока умов из России за рубеж случилась в начале 1990-х. Страну покинули 15–20 % лучших специалистов: математиков, кибернетиков, физиков, биологов, химиков. Ю. Магаршак отмечает, что Россия почти не экспортирует high-tech товары, зато экспортирует интеллектуальную силу, являясь сверхдержавой интеллектуального экспорта [6]. Но этот экспорт невосполняем и очень дорого обходится стране. В основном российские ученые едут работать в Западную Европу и Северную Америку. В качестве активных «стран-импортеров» российских талантов традиционно выступают США, Германия и Великобритания. Относительно недавно вектор направления интеллектуальной миграции сместился и в сторону активно развивающихся стран, таких как Южная Корея или Бразилия.

Корни масштабной «утечки мозгов» из России принято искать в общем экономическом кризисе 1990-х годов, который существенно сократил правительственную поддержку научной деятельности и вынудил промышленность отказаться от проведения научных исследований, отдача от которых может быть получена только в перспективе. Произошло резкое снижение заработной платы почти во всех секторах экономики, значительная часть оборудования устарела, и многие исследовательские центры оказались неработоспособными. Выжили несколько передовых исследовательских центров, причем, как правило, благодаря зарубежным грантам и контрактам.

«Выходцы» в странах ОЭСР (по стране происхождения) [10]

Страна происхождения	Численность эмигрантов, тыс. чел.	Образование		Численность эмигрантов, имеющих высшее образование, тыс. чел.	Уровень эмиграции	
		начальное профессиональное (%)	высшее профессиональное (%)		всего (%)	с высшим образованием (%)
Великобритания	3 247,50	26,9	34,7	1126,9	6,4	10,3
Индия	1 957,20	26,6	53,1	1039,3	0,3	3,5
Бывший СССР	3 516,80	34,5	26,8	942,5	...	...
Филиппины	1 932,80	17,7	46,7	902,6	3,9	7,4
Германия	3 124,50	27,4	28,3	884,2	4,3	7,1
Китай	2 074,10	32,4	41,3	856,6	0,2	3
Мексика	8 328,60	69,6	5,7	474,7	11,1	6,5
Польша	2 118,40	31,3	21,5	455,5	6,4	12,3
Канада	1 069,60	18,6	40,1	428,9	4,1	3
Корея	975,3	16,5	43,9	428,2	...	...
США	845,2	20,7	48,5	409,9	0,4	0,4
Франция	1 140,40	33,8	33,8	385,5	2,3	4,2
Вьетнам	1 524,90	41,3	23,3	355,3	2,8	...
Италия	2 365,10	60,3	12,1	286,2	4,6	3,8
Бывшая Югославия	2 474,00	51,8	11,4	282	...	...
Румыния	1 008,40	33	22,7	228,9	5,3	...
Куба	924,6	40,8	23,9	221	9,5	...
Алжир	1 316,80	55,6	16,4	216	6,2	15,4
Марокко	1 510,10	62,3	14,2	214,4	7,2	...
Ирландия	791,3	44,1	26,3	208,1	21	22,1
Ямайка	789,7	34,1	24,9	196,6	31,3	72,6
Пуэрто-Рико	1 299,90	45,9	14,9	193,7	30,8	...
Турция	2 086,70	70,9	6,9	144	4,2	3,2
Испания	759,7	53,7	18,4	139,8	2,1	2,4
Португалия	1 264,40	69,4	6,4	80,9	12,9	6,3

Привлечение квалифицированной рабочей силы очень выгодно для Запада. Особенностью процессов глобализации в современном мире является политика экономически развитых государств в области поддержки и привлечения миграционной силы из менее развитых стран. Так, например, западные государства вкладывают немалые деньги в постановку задачи, предварительные исследования и прогнозирование в отношении миграционных устремлений ученых всего мира. Некоторые исследователи связывают небывалый подъем американской экономики в 1990-х годах с массовым приездом ученых и интеллектуалов из бывшего СССР [5]. Такого рода процессы интеллектуальной глобализации способствовали развитию мирового процесса, получившего название «американизация». Это связано с усилившимся в XX веке значением США в мире.

В 2006 году Международный валютный фонд опубликовал аналогичное исследование уже по 90 государствам и пришел к следующему выводу: больше всего от отъезда «мозгов» теперь страдает Иран. Для более отсталых стран процессы миграции имеют отрицательные последствия, поскольку приводят к оттоку ресурсов, идет их перераспределение в пользу более сильных партнеров. Наиболее ощутимый урон от интеллектуальной миграции испытывают страны Африки. В целом около 150 000 специалистов, имеющих высокий профессиональный уровень, уезжают из Африки ежегодно [11]. Больше всего от интеллектуальной миграции страдают Нигерия, Кения и Эфиопия.

Международная организация миграции предполагает, что на сегодняшний день примерно 300 тыс. африканских специалистов работают в странах Европы и Северной Америки. По ее же оценке, до трети всех ученых, получивших образование в «бедных» странах мира, в итоге оказываются в «богатых» странах. В 2004 году группа демографов и географов – Линдзи Лоувелл, Аллан Финдли и Эмма Стюарт – опубликовала результаты масштабного исследования «Утечка мозгов» [22]. Один из выводов исследования был весьма показательным: почти каждый десятый обладатель диплома о высшем образовании – «выходец» из развивающейся страны, при этом 30–50 % «выходцев» из развивающихся стран (ученых и инженеров) ныне живут и работают в развитых государствах мира.

Согласно данным Фонда African Capacity Building Foundation, каждый год примерно 20 тыс. высококвалифицированных специалистов мигрируют в индустриально развитые страны. Одним из результатов данного процесса является хронический дефицит квалифицированных кадров в африканских государствах, что приводит к замедлению процесса их развития и усугублению ситуации в сферах науки, экономики, медицины. Это типично и для ряда других развивающихся стран (страны Азии, Россия). Так, масштабы низкоквалифицированной рабо-

чей силы из стран СНГ в России сопоставимы с масштабами африканской интеллектуальной рабочей силы. Не стоит забывать, что в условиях растущего расслоения по доходам как в развитых, так и в развивающихся странах и как следствие неравного доступа населения к образованию миграция с целью получения образования за рубежом становится для мигрантов единственным способом повысить качество жизни.

По данным Национального бюро экономических исследований США (National Bureau of Economic Research), «утечка мозгов» ныне происходит не только потому, что в «бедных» странах низок уровень жизни, но и потому, что у специалистов появилось достаточно средств для финансирования своего переезда в «богатые» страны. Территориальная миграция становится доступней благодаря экономической глобализации. Для экономических аспектов глобализации характерны свободная торговля, свободное движение капитала, снижение налогов на прибыль предприятий, простота перемещения отраслей промышленности между государствами в интересах уменьшения издержек на труд и природные ресурсы. Из-за более легкой миграции людей и свободного перемещения капиталов за границу также уменьшается власть государств по отношению к своим гражданам. Развитые и развивающиеся страны неуклонно сближаются по уровню зарплат, цен на товары и прибыльности предприятий [4], [7]. Под нарастающим воздействием эпохи информатизации темпы роста международной торговли возросли вдвое в сравнении с темпами производства товаров, возросла финансовая активность стран мира. Этот же взрыв резко расширил возможности мгновенного перемещения колоссальных ликвидных средств в те точки земного шара, в которых обнаруживались более благоприятная конъюнктура, более низкие налоги и зарплата, более слабые требования к защите экологии.

Однако, несмотря на то что интеллектуальная миграция оборачивается огромным экономическим ущербом для стран, экспортирующих рабочую силу, зачастую она оказывает положительный эффект на экономику стран-экспортеров. По оценкам Всемирного банка, выходцы из определенных стран мира, занимающие высокие посты в некоторых государствах, часто помогают открывать у себя на родине филиалы международных компаний. В результате такого рода экономической интеграции между странами-донорами и странами – реципиентами интеллектуальной рабочей силы растет число и размер слияний компаний внутри стран и на транснациональном уровне, происходит усиление роли транснациональных компаний, увеличение размеров рынка, возрастание конкуренции между странами, обеспечение лучших условий торговли, распространение новейших технологий. Деятельность транснациональных компаний, имеющих филиалы в разных странах мира, позволяет ограничивать интеллектуальную мигра-

цию посредством организации эквивалентных западным рабочих мест (Exxon Mobil, Royal Dutch Shell, Siemens, IBM, Nokia, Toyota, Microsoft, Apple Inc., Hewlett Packard).

ВЫВОДЫ

В целом глобализация представляет собой процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, взаимного сближения и образования взаимосвязей. Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [2; 6–31].

Интеллектуальная миграция как всеобщий, глобальный процесс имеет две отличительные тенденции. Первая связана с миграцией высококвалифицированных специалистов в США. Наиболее характерной особенностью современной иммиграции высококвалифицированных специалистов в США является феноменальный рост ее численности из развивающихся стран и падение ее удельного веса из промышленно развитых стран. С другой стороны, не отмечается столь же масштабных перемещений интеллектуальных американцев за рубеж. Процессы интеллектуальной глобализации способствовали развитию другого процесса в мире, получившего название «американизация» и связанного с усилившимся в XX веке значением США в мире.

Вторая тенденция заключается в миграции высококвалифицированного персонала из Восточной и Юго-Восточной Европы в Западную Европу, как правило, в пределах Европейского союза, хотя данная тенденция в последние годы меняется. Обычно включение новых государств в Европейский союз способствует более динамичной миграции как интеллектуальной, так и низкоквалифицированной рабочей силы. В приграничных регионах динамика миграции обусловлена влиянием внешних факторов, среди которых первостепенное значение имеют институциональные (контактно-барьерные) функции границ. Создание единого экономического пространства способствует беспрепятственному перемещению рабочей силы в рамках Европейского союза и облегчает процесс миграции интеллектуалов.

Наличие «эффекта вымывания» и «эффекта замещения» рабочей силы характерно для России, где интеллектуальная миграция за рубеж заменяется миграцией низкоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ.

Глобализация рынков труда открыла намного больше возможностей для интеллектуальной миграции из развивающихся стран в страны, имеющие развитый экономический уровень. В настоящее время подобного рода глобализационные процессы наиболее четко прослеживаются между индустриально развитыми странами с высоким уровнем жизни и остальным миром.

Существует одно малозаметное последствие глобализации: интеграция мирового рынка для деятельности высокоинтеллектуальных индивидуумов. Глобализация стирает различия между странами, так что навыки хорошего специалиста востребованы во всем мире. Трансакционные издержки, или издержки по территориальному перемещению мигрантов, сейчас ниже, чем когда-либо (хотя эти издержки остаются достаточно высокими, чтобы снизить мобильность низкоквалифицированных кадров). Данное обстоятельство способствует созданию интегрированного рынка труда для высокоинтеллектуального персонала. Однако не следует полагать, что не существует барьеров для трудовой мобильности высокоинтеллектуальных работников. Сохраняется визовый режим для въезда иностранцев в страну, тогда как миграционные службы стран предъявляют собственные требования к мигрантам в процессе предоставления временного или постоянного разрешения на работу и пребывание.

Процессы трудовой миграции, происходящие в мире, способствуют экономическому упрочению государств, принимающих иностранную рабочую силу, в то время как экономическое положение стран, экспортирующих рабочую силу, ухудшается. Глобализация не только размывает межнациональные границы, но и порождает множество проблем, не существовавших прежде. Проблема взаимного приспособления разных народов, цивилизаций, культур пока еще не осмыслена как потенциальный источник межэтнических конфликтов, но уже сегодня она, несомненно, становится источником самых непредсказуемых социально-культурных столкновений. Примеров таких столкновений можно привести сколь угодно много.

Несмотря на это, миграция в целом и интеллектуальная миграция в частности содействует интеграции культур, изменению демографической структуры стран – направлений миграций, идеологическому синтезу между народами и т. д. Интеллектуальная миграция способствует обновлению мировой науки, развитию новых направлений исследований в различных областях знания, является потенциалом для развития экономики стран, импортирующих или экспортирующих интеллектуальную рабочую силу.

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0418 от 26 ноября 2010 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдокушин Е. Международные экономические отношения. М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999. 196 с.
2. Гринин Л. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.
3. Зими́на Т. Brain Drain или циркуляция талантов? // Наука и жизнь. 2009. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/news/14700/>
4. Коротаев А., Халтурина Д. Современные тенденции мирового развития. М.: Либроком, 2009. 240 с.
5. Лесков С., Конягина Н. Возврат мозгов носит единичный характер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inauka.ru/science/article40684.html>. 2004
6. Магаршак Ю. Слухи о кризисе нашей науки не соответствуют действительности? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inauka.ru/science/article30556.html>
7. Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие. М.: Либроком, 2009. 296 с.
8. Социально-экономическая ситуация в Северо-Западном Федеральном Округе в 2008 году (Москва, 2008) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krl.gks.ru/federal/default.aspx>
9. Юревич А. Метаморфозы стереотипов, или Еще раз о научной эмиграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/tema/yurevitch2.htm>. 2004
10. A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century: Data from OECD Countries – OECD. 2008. ISBN 978926404090 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oecd.org/document/51/0,3343,en_2649_33931_40644339_1_1_1_37415,00.html
11. Biruk Girma. Report shows brain drain cost country dearly. The Afrika Monitor. November 16, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theafricamonitor.com/news/ethiopian/april2007/290407/report.htm>
12. Samarota S., Jensenius K. A Shifting Tide: Recent Trends in the Illegal Immigrant Population. July 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cis.org/articles/2009/shiftingtide.pdf>
13. Docquier F., Lohest O., Marfouk A. Brain Drain in Developing Countries // The World Bank Economic Review. 2007. № 21 (2). P. 193–218.
14. Docquier F., Marfouk A. Measuring the international mobility of skilled workers, 1990–2000 (Release 1.0). The World Bank, Mimeo. 2004.
15. Docquier F., Marfouk A. International migration by educational attainment (1990–2000) // Özden C., Schiff M. (eds). International Migration, Remittances and the Brain Drain, Chapter 5. Palgrave-Macmillan. 2006.
16. Docquier F., Rapoport H. Skilled migration: the perspective of developing countries. Policy Research Working Paper 3382. The World Bank. Development Research Group. Trade Team [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://econ.worldbank.org>
17. Eastern European immigration slows down in the UK. 05 May 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.workpermit.com/news/2008-05-05/uk/eastern-european-immigration-decreases-britain.htm>
18. Eastern European immigration statistics released by the UK. 21 May 2008. <http://www.workpermit.com/news/2008-05-20/uk/united-kingdom-accession-monitoring-figures-released.htm>
19. International Migration Outlook: SOPEMI 2009. ISBN 978-92-64-05661-9-OECD 2009. 224 p.
20. Jeff Chu (2004-01-11). How To Plug Europe's Brain Drain // TIME [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.time.com/time/nation/article/0,8599,574849,00.html>. Retrieved 2008-06-01
21. Jornal de Notícias. Portugal deixa fugir 19,5 % dos «cérebros». 2005-10-28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jn.sapo.pt/paginainicial/interior.aspx?content_id=519476
22. Lowell L., Findlay A., Stewart E. Brain Strain: Optimising highly-skilled labour from developing countries // Working paper 3 of the 'asylum and migration' series. 01 August 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ippr.org/publicationsandreports/publication.asp?id=295>
23. Mahroum S. Europe and the Challenge of the Brain Drain IPTS Reports. Vol. 29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://head.informika.ru/text/magaz/newspaper/messedu/cour0004/1400.html#Notes>
24. Özden Ç., Schiff M. (ed.) International Migration, Remittances and the Brain Drain. The International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. 2006. № 33988. P. 151.
25. Persons obtaining legal permanent resident status by gender, age, marital status, and occupation: fiscal year 2008 // 2008 Yearbook of Immigration Statistics. Office of Immigration Statistics. August 2009. U. S. Department of homeland security. International Standard Serial Number: (ISSN) 0743-538X. 110 p.
26. Russian brain drain tops half a million. BBC News. June 20, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2055571.stm>
27. Salt J. International Movements of the Highly Skilled // OECD Occasional Papers. 1997. № 3.
28. Schiff M. Brain Gain: Claims about Its Size and Impact on Welfare and Growth Are Greatly Exaggerated // Discussion Paper. 2005. № 1599.
29. Stemming brain drain with the Grid in Southeast Europe – UNESCO 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=23156&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
30. Stenman J. (2006-06-28). Europe fears brain drain to UK // CNN [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2006/WORLD/europe/06/28/eu.university/index.html>. Retrieved 2008-06-01
31. Vedran H. Brain Drain. Threat to Successful Transition in South East Europe? // Southeast European Politics. 2004. Vol. V. № 1 // Электронный ресурс: <http://www.seep.ceu.hu/archives/issue51/horvat.pdf>

УДК 332.144:334.7(470.22)

АННА ЕВГЕНЬЕВНА КУРИЛО

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики, Карельский научный центр РАН
akurilo@mail.ru

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ДРУЖИНИН

доктор экономических наук, заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития
Института экономики, Карельский научный центр РАН
pdruzhinin@mail.ru

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАРЕЛИИ КАК ФОРМА АДАПТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены факторы, способствующие формированию благоприятного климата для развития малого предпринимательства: мобильность рабочей силы, традиции малого предпринимательства в обществе и реализация поддержки его развития. Отражена социальная значимость сектора малого предпринимательства в республике.

Ключевые слова: малое предпринимательство, предпринимательский климат региона, поддержка развития малого предпринимательства

Характерной чертой современной модели экономического развития России является многообразие моделей социального поведения. Успешная социально-экономическая адаптация населения к воздействию экономических процессов важна для выхода страны и ее регионов на траекторию устойчивого развития. Одной из форм адаптационной стратегии населения является проявление предпринимательской активности через трудовую деятельность в секторе малого предпринимательства.

На формирование благоприятного климата, способствующего развитию предпринимательства в развитых странах, влияют три фактора: мобильность рабочей силы, традиции малого предпринимательства в обществе и реализация поддержки малого предпринимательства [6]. При одностороннем действии указанных факторов возникают условия для успешного развития этого сектора экономики. В современных условиях в России наблюдается неравнозначность этих факторов, и Республика Карелия (РК) не является исключением. Относительно слабо выражена мобильность населения, особенно слабо – возможность смены места жительства.

Институтом экономики Карельского научного центра РАН в Пудожском районе республики проводилось обследование населения с целью выявления его экономической активности по проекту «Исследование состояния трудовой занятости и определение перспектив развития сельских поселений» [1]. В рамках проекта в районе в 2008 году было опрошено 998 респондентов, проведены формализованные интервью с главами всех семи поселений и глубинные экспертные интервью с 38 предпринимателями.

В ходе обследования было выявлено, что респонденты различных уровней занятости изъявляют желание изменить свой трудовой статус,

разница заключается в различии характера трудовой мобильности населения. В группе населения, имеющего работу, достаточно большая часть респондентов удовлетворена трудовым статусом (43,7 %), примерно треть (34,5 %) имеет намерения изменить трудовой статус, но не имеет определенной стратегии изменения. И только небольшая часть респондентов (9,2 %) выражает решимость изменить трудовой статус, остальные демонстрируют пассивную позицию по этому поводу. Большинство людей, которые обдумывали варианты изменения трудового статуса, не владеют информацией о том, как это сделать, либо имеют лишь общее представление об этом. Многие хотели бы пройти курсы повышения квалификации и имеют желание трудоустроиться на конкретные предприятия. И только 10,5 % тех, кто хочет изменить трудовой статус, в качестве стратегии его изменения выбирают организацию собственного предприятия (10,5 %).

Безработное население района менее активно, и большинство безработных желают трудоустроиться на условиях найма. Очень небольшая часть опрошенных думает об организации своего бизнеса, но имеет об этом мало информации и скорее негативные ожидания по поводу создания предпринимательской структуры, связанные с нехваткой финансовых ресурсов, отсутствием навыков и информации по вопросам организации и грамотного ведения дел.

Результаты исследования показали, что население района в большинстве своем не собирается предпринимать каких-либо действий для осуществления трудовой мобильности (образовательной, должностной, территориальной и т. п.), что свидетельствует о ее низком уровне.

Традиции развития малого предпринимательства существуют в современной истории нашей страны только два десятилетия. В силу

исторических причин они были прерваны, но трансформация данного института происходит, в том числе под воздействием исторического фактора, поскольку предпринимательские традиции были присущи российскому народу.

С точки зрения культурологического подхода к анализу трансформации предпринимательской деятельности одним из определяющих условий формирования региональной предпринимательской культуры является появление предпринимательского типа личности, детерминированного особенностями природно-ландшафтного и социокультурного развития конкретной территории. В повседневной жизни подобный типологический ряд может проявляться через самоощущение человека, живущего и работающего на карельской земле. Такое самоощущение передается через его принадлежность к определенной территориальной целостности – северяне, поморы, карелы. Глубинные корни, истоки и особенности ментальности карельских предпринимателей следует искать в повседневной трудовой деятельности наших предков на протяжении всей истории развития карельского края.

С X по XV век на территории Карелии зарождаются торговля и ремесленно-промысловые производства. В XV–XVII веках получили распространение разнообразные промыслы. Дальнейшее развитие предпринимательства в начале XVIII века в Карелии связано с Великой Северной войной 1700–1721 годов. В Карелии основным источником накопления начального капитала и организации предпринимательской деятельности являлась не земля, а промыслы, торговля, подряды, ростовщические операции. Карельские крестьяне составляли серьезную конкуренцию приезжим. Купцы и предприниматели (подрядчики) использовали наемную рабочую силу в основном из числа своих односельчан или крестьян соседних деревень.

Российские реформы XIX века дали определенный толчок для развития кустарной промышленности среди карельских крестьян. Но развитие сдерживалось малыми размерами местного рынка, плохими транспортными связями и наличием конкурентов с фабрично-заводской организацией производства в Санкт-Петербурге, центре России и Финляндии. Постепенно в Карелии формировался социальный слой предпринимателей. Судя по документам, выданным на право торговли и промыслов, численность крупных предпринимателей в крае к середине 1880-х годов составляла примерно 300–400 человек [2].

Согласно Энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, «основное занятие жителей – земледелие... В общем хлебопашество в урожайный год может обеспечить население только на 6–7 месяцев. Скотоводство мало развито вследствие недостатка в хороших сенокосах и пастбищах. Развито лесное дело – вырубка, вывозка и сплав леса. Повсеместно занимаются рыболовством. Рыба сбывается преимущественно

в Петербург. Охотятся преимущественно на белку». В 1895 году на территории края было 417 действовавших фабрик и заводов, на которых трудилось 3006 рабочих (0,8 % населения). Отхожие промыслы в Олонецком крае начались с самого основания Петербурга. На заработки уходило от 15 до 20 тыс. человек ежегодно (около 5 % населения), из них около четверти работали в пределах Олонецкой губернии (чуть больше 1 % всего населения губернии). Извоз ежегодно давал населению значительный заработок. Благодаря твердому каменистому грунту дороги почти везде были хорошими, но их было мало для большой территории края [3].

Достаточно слабая заселенность территории – плотность населения в конце XIX века составляла 3,2 жителя на 1 кв. версту (2,9 чел. на 1 кв. км) [3] – способствовала развитию индивидуализма в хозяйственных отношениях, на который накладывали свой отпечаток свободолюбие и мастеровитость местного населения.

С 1917 года установилась советская власть и началась реализация революционных мероприятий по восстановлению работоспособности как государственных, так и частных предприятий. В это время в Олонецкой губернии работали 17 частных предприятий.

Советская власть и профсоюзы начали вводить на предприятиях самоуправление и рабочий контроль. Всякая предпринимательская деятельность практически считалась незаконной. Встал вопрос о национализации промышленности и транспорта.

В период новой экономической политики в Карелии была восстановлена кустарно-промысловая деятельность. Данные переписи 1929 года говорят, что из 847 мелких промышленных производств, работавших в Карелии, 826 находились в частном владении и выпускали 75 % продукции. К концу периода новой экономической политики в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности Карелии были заняты 1085 жителей [2]. Расцвела торговля мелких частников. В 1923 году в их владении было 79 % торговых заведений, и они осуществляли 55 % товарооборота. Параллельно с этим развивалось кооперативное движение, которое к 1927 году уже обслуживало около 70 % населения республики.

Резкое свертывание частного предпринимательства, потребительской кооперации в городах было осуществлено с началом «сталинских» пятилеток индустриализации (1928–1932 годы) и колхозного строительства (1935–1937 годы).

В конце 60-х годов XX века новый рывок сделала потребительская кооперация, увеличился импорт потребительских товаров. Началась мутация открытого и теневого предпринимательства в торговле и сфере услуг (отдыха), производстве трикотажных изделий, одежды, обуви, сувениров, местных строительных материалов, мебели, хозяйственных товаров. Все это позволило сохранить некоторый потенциал частного интереса, предприимчивости и инициативы.

Объем финансирования мероприятий
Республиканской целевой программы
поддержки малого предпринимательства,
тыс. руб. (1998–2008 годы) [4]

1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
17,0	793,0	667,0	500,0	525,0	1983,6	2000,0	3991,4	8000,0	5300,0	6800,0

Прологом для кооперативов и других современных форм частного предпринимательства явился закон СССР «О госпредприятии (объединении)» 1987 года. Вводимые по этому закону формы хозяйственного расчета открывали новые перспективы для небольших предприятий местной промышленности и бытового обслуживания. В 1988 году был создан Союз кооператоров «Карелия», который провозглашал экономическую свободу, свободное ценообразование, свободу торговли, предпринимательства, маркетинга, самоуправления. Была легализована частная деятельность более чем в 30 видах производства товаров и услуг. И в современных условиях реализация предпринимательской активности населения происходит посредством развития сектора малого предпринимательства, через создание малых и микропредприятий, а также осуществление предпринимательской деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей (индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица).

В процессе трансформации хозяйственной деятельности на территории Карелии произошло формирование своеобразной ментальной предпринимательской целостности – особого «карельского» характера (уклада). Среди его черт можно назвать невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни, сдержанность, трудолюбие, свободолубие, достаточно высокую приверженность национальным традициям, характерную сметливость, способность к самостоятельным решениям (толерантность во взаимоотношениях). В результате исторического развития территория Карелии стала пространством, где время преобразило этнические и культурные составляющие, трансформировав их в единое региональное сознание многонационального карельского населения, способное проявиться в предпринимательской деятельности в современных условиях.

Такой фактор, как реализация программ поддержки развития малого предпринимательства, оказывает существенное влияние на функционирование этого сектора. С момента принятия Концепции социально-экономического развития РК (в 1998 году) в республике проводится работа по стратегическому планированию и управлению процессом развития малого предпринимательства на основе системного подхода в вопросе к государственной поддержке малого предпринимательства. С 1998 года постоянно разрабатываются и реализуются Программы государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелии. Основной целью таких программ является существенное улучшение экономиче-

ских и формирование нормативно-правовых условий для обеспечения устойчивых темпов развития малого предпринимательства на территории, и особенно по приоритетным направлениям развития Республики Карелии.

За последние годы сформированы основы системы государственной и общественной поддержки малого предпринимательства. Принят ряд нормативно-правовых актов на уровне законов РК, касающихся деятельности малого предпринимательства, созданы и функционируют объекты инфраструктуры, реализуются целевые программы государственной поддержки малого предпринимательства. В настоящее время действует очередная республиканская Программа государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия на 2009–2014 годы, предусматривающая привлечение внебюджетных ресурсов на поддержку малого предпринимательства, развитие лизинга, совершенствование деятельности информационно-консультационной и обучающей систем, а также создание условий для развития семейного бизнеса в сельских и лесных поселках. Значительное место в Программе занимает правовая поддержка предпринимательства, поскольку условия его функционирования в большой степени зависят от нормативно-правовой базы, которая определяет государственную политику в этом направлении.

Финансовое обеспечение программ по государственной поддержке малого предпринимательства осуществляется за счет средств бюджета РК и других источников. Объем обязательных, ежегодно выделяемых средств указывается в расходной части бюджета РК отдельной строкой. Министерство экономического развития является главным распорядителем бюджетных ассигнований, направляемых на государственную поддержку малого бизнеса. Объем финансирования мероприятий Республиканской целевой программы поддержки малого предпринимательства постепенно растет (см. таблицу).

При Министерстве экономического развития Республики Карелии создана и работает конкурсная комиссия по оценке и отбору проектов, направленных на развитие инфраструктуры. В 2005 году создан Совет по малому предпринимательству при правительстве Республики Карелии, который решает вопросы координации деятельности органов исполнительной власти республики и общественных организаций предпринимателей при формировании и реализации единой политики, направленной на поддержку и развитие малого предпринимательства, в том числе на преодоление административных барьеров.

В декабре 2008 года в РК принят закон № 1250 «Об установлении предельного значения площади арендуемого имущества в отношении недвижимого имущества, находящегося в собственности Республики Карелия или муниципальной собствен-

сти, и срока рассрочки оплаты приобретаемого субъектами малого и среднего предпринимательства такого имущества при реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества», по которому площадь помещений, подлежащих льготной приватизации, составляет 2000 м, а срок выкупа помещения – 5 лет. Этот закон важен для малого предпринимательства, так как предоставляет возможность купить собственность, которая дает шанс на стабильность и более динамичное развитие. Также появляется возможность кредитования под залог в банках.

В период проявления кризисных явлений сектор малого предпринимательства становится достаточно уязвимым. Но при проведении экономической политики он способен даже смягчать влияние кризиса на экономику. Для поддержки субъектов малого предпринимательства в кризисный период власти Карелии объявили мораторий на повышение в 2009 году арендной платы за пользование государственным имуществом субъектами малого и среднего бизнеса. Министерство финансов Карелии разработало план антикризисных мероприятий, который включает в себя дифференциацию от 5 до 15 % ставки налога на юридических лиц, уплачивающих налоги по упрощенной схеме.

Системная работа по созданию в республике благоприятной предпринимательской среды и по реализации Республиканской целевой программы государственной поддержки малого предпринимательства в РК способствует развитию этого сектора. Однако, несмотря на активную государственную поддержку, уровень развития малого предпринимательства в республике еще недостаточен для формирования высокоэффективной экономики. Наблюдается существенная диспропорция в развитии сектора малого предпринимательства в районах республики. Процесс развития малого предпринимательства, особенно в ресурсоориентированном, слабонаселенном и рассредоточенном регионе, требует постоянного и целенаправленного внимания местных властей к проблемам создания благопри-

ятной бизнес-среды. Правительству РК и органам местного самоуправления предстоит большая работа по совершенствованию государственной поддержки малого предпринимательства, необходимо активнее участвовать в социально-экономическом развитии республики.

В начале 90-х годов XX века в России именно малые предприятия вбирали уволенных с крупных предприятий. И первая волна развития этого сектора возникла вследствие вынужденного проявления предпринимательской активности населения, когда люди оказались без работы и были вынуждены заняться предпринимательством. В 1998 году этот сектор достаточно успешно пережил дефолтовую ситуацию, и в 1999 году произошел рост числа субъектов малого предпринимательства. Сегодня, когда правительство республики проводит антикризисную политику, оказывая помощь через Программу поддержки малого предпринимательства желающим открыть свое дело, этот сектор является некоторым буфером, позволяющим населению адаптироваться к проявлению кризисных явлений.

В секторе малого предпринимательства республики трудится около 42 000 человек, или около 12 % занятого населения республики, а в качестве индивидуальных предпринимателей в 2008 году было занято 16 000 человек [5]. Этот сектор сглаживает социальную напряженность в Карелии, поскольку крупные предприятия, производящие экспортную продукцию, столкнулись с трудностями ее реализации и были вынуждены сократить число работников.

В результате проводимая региональная экономическая политика способствует устранению диспропорции факторов, участвующих в создании предпринимательского климата, что проявляется в повышении мобильности населения (пока преимущественно профессиональной через занятость в этом секторе), в восстановлении традиций предпринимательства и формировании общественного мнения в пользу функционирования этого сектора в процессе реализации программ поддержки малого предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследование состояния трудовой занятости и определение перспектив развития сельских поселений. Отчет о научно-исследовательской работе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Development/Local/index.html>
2. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Короблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
3. Олонецкая губерния // Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз – И. А. Эфрон. Репринтное воспроизведение издания 1890. Т. 42. М.: Тера – TERRA, 1991. С. 898–906.
4. Отчет Министерства экономического развития Республики Карелия о результатах работы в 2007 году. Петрозаводск, 2008. 214 с.
5. Перспективы поддержки малого и среднего предпринимательства в Карелии / Портал для малого и среднего бизнеса Петрозаводска [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://g2b.ptz.ru/news/newss/4008.html?mode=print&>
6. Тореев В. Б. Малое предпринимательство как способ адаптации // Адаптационные стратегии населения / Под ред. Е. М. Авраамовой. СПб.: Компьютербург, 2004. С. 104–132.

УДК 343.1(091) + 343.13 (091)

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОПАНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления факультета управления, Челябинский институт Уральской академии государственной службы
vvoropanov@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗНАЧЕНИИ РЕВИЗИОННЫХ ФОРМ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются особенности судебного правоприменения, значение ревизионных форм процесса и практик внутриведомственного надзора в период становления судебной системы России.

Ключевые слова: Российская империя, судебное право, судебный процесс, надзор

Проблемы эволюции судебной системы России находятся в центре внимания комплекса современных общественных наук. Особый интерес исследователей вызывают вопросы, касающиеся смены организационно-правовых форм суда, обеспечения правосудия в разные исторические периоды [69], [70], [73], [74], [75], [76] и др. Дальнейшей проработки с учетом обновления методологических подходов и вовлечения в научный оборот широкого круга историко-юридических источников требуют вопросы эволюции процессуального права [65].

В статье анализируются особенности и значение ревизионных форм процесса, применявшихся в деятельности отечественной судебной системы в период между введением Учреждений о губерниях от 7 ноября 1775 года и Судебных уставов от 20 ноября 1864 года. Ревизия как способ обеспечения правомерности судебных решений осуществлялась при производстве уголовных и гражданских дел и предусматривала прежде всего реализацию полномочий и средств внутриведомственного контроля. Ревизионный судебный контроль закономерно дополнялся оценочной деятельностью исполнительных органов и учреждений. Данное исследование проводилось на основе нормативно-правовых актов абсолютной монархии, содержащихся в Полном собрании и Своде законов Российской империи, а также материалов делопроизводственной документации, извлеченных из фондов ряда государственных архивов.

В ходе губернской реформы, проведенной правительством Екатерины II, на местах была выстроена система типовых судов уездного и губернского уровней. Согласно сословной организации россиян, законодатель ввел три ветви судебных инстанций: уездные и верхние земские суды для дворян и разночинцев, городские и губернские магистраты для городских сословий, нижние и верхние расправы для сельских сословий. Коллегии нижних инстанций формировались путем сословных выборов. Суды второй

инстанции делились на профилирующие департаменты – уголовных и гражданских дел. Третья инстанция – уголовная и гражданская палаты – являлась общей и венчала местную судебную пирамиду. К 1803 году местное судостроительство было упрощено путем упразднения верхних сословных инстанций и объединения дворянских и сельских заседателей в уездных судах.

В организацию судебной системы входили органы уездной и городской полицейской администрации – нижние земские суды и управы благочиния, наделенные ограниченными судебными функциями, а также обязанностями проведения следственных действий, исполнения судебных распоряжений и решений.

Подготовкой дел для судебного рассмотрения занимались канцелярские работники. Правительство Екатерины II обновило юридический статус руководителей канцелярий – секретарей. Рядом указов кандидатов в секретари предписывалось отбирать без «страстей» и «прихотей» из числа наиболее опытных и неославленных поведением служащих с представлением к утверждению в Сенат. Увольнять и переводить чиновников без уведомления Сената запрещалось [2]. С 1801 года выбор лиц, достойных секретарской должности, проводили члены суда с правом утверждения претендентов губернской администрацией. Кандидаты в секретари судебных палат представлялись министру юстиции [20]. Удаление от исполнения обязанностей до 1812 года осуществлялось по инициативе судей, однако, охраняя порядок делопроизводства и служебное положение секретарей, Сенат повелел отставлять чиновников исключительно на основании следственных материалов. Указ предусматривал ответственность за несправедливые представления судей губернскому руководству, освобождая секретарей от «безмолвного исполнения» распоряжений непосредственного начальства. Приговоры уголовных палат оценивались Сенатом [28].

На основании собранных по делу материалов глава канцелярии составлял докладные записки

со ссылками на законодательные нормы, заключая их общей формулой: «Сия записка из дела учинена правильно, и узаконения приличные означены все, и больше приличных узаконений не имеется; в чем и подлежу ответственности по законам за всякую неисправность». Секретарь зачитывал в присутствии суда доклад, документы из дела, давал словесные разъяснения судьям. Обязанностью главы канцелярии было напоминать членам коллегии, вступившим в прения, о действующих законоположениях, корректируя обсуждение фактов. Незнакомых с русским правописанием судей секретарь заменял при внесении резолюций в настольный реестр. Законодатель учитывал важность независимости секретаря, несшего равную с судьями ответственность за неправое решение дела после подписания протокола. Предложения секретаря при несогласии членов суда вносились в журнал [54]. Пользоваться правами секретаря иным служащим строго запрещалось [30].

В качестве важнейшей гарантии скорого и нелицеприятного суда Екатерина II рассматривала независимую процедуру осуществления правосудия, постановив: «Судебные же места решат все дела по точной силе и словам закона, несмотря ни на чьи требования или предложения» [8]. В сфере торгово-денежных отношений действовало особое положение о судебном решении дел в точном соответствии с контрактами, «не уважая побочных обстоятельств и не возирая ни на какие персоны», что обеспечивало защиту и развитие системы кредитования, коммерческой, предпринимательской деятельности [1]. Создав условия для правомерного разбора дел, законодатель оградил судящих от внешнего и внутреннего воздействия. Вход в совещательную комнату без приглашения воспрещался лицам любого рода и звания, исключая чиновников прокурорского надзора. Отвод всего состава судей не позволялся [9]. Во время чтения секретарем докладной записки с присутствующими оставался протоколист. Прокурорские чины удалялись с началом подачи судьями мнений. Младшие члены суда, чье положение определялось количеством баллотировочных шаров, высказывались первыми. Прерывать коллег запрещалось. Председатель излагал свою позицию последним. Решение принималось большинством голосов. Протокол подписывали не менее трех членов присутствия. Неграмотные судебные представители пользовались именными печатями. Факт разногласия судей фиксировался и мог быть принят во внимание при дальнейшем производстве дела в вышестоящей инстанции [7].

Составители Свода законов Российской империи напомнили в 1832 году об обязанности каждого судьи выражать мнение по долгу службы «свободно и явственно, по прямому своему разумению и чистой совести, несмотря на лица, и не уважая ни посторонних предложений, ни частных писем, хотя бы они были от первейших

особ в государстве, поступая во всем так, чтобы мог ответ в том дать перед Императорским Величеством и перед Самим Богом». Законодательные нормы поддерживали самостоятельность младших членов коллегии, предписывая отклонять поручения, несогласные с их статусом. Судьи, проводившие следствие, отстранялись от суждений по уголовному делу и участия в постановлении приговора [51].

Низкая квалификация, малообразованность и необразованность судебных чиновников и сословных представителей компенсировались установлением ограниченной юрисдикции, необходимостью ревизии делопроизводства, подтверждения законности материалов следствия и судебных определений. Согласно компетенции, зафиксированной в 1775 году, суды первой инстанции сдавали в архивы дела без права апелляции по имущественным искам не свыше 25 рублей, второй – не более 100 рублей. Гражданские палаты оканчивали производство дел по искам на сумму менее 500 рублей [6]. Ревизия гражданских дел, по замыслу законодателя, подразумевала «прилежное рассмотрение, произведено ли дело порядочно и сходственно с законами, сколь для приведения в ясность права оправданной стороны, столь и для опровержения мнимого права противоречущей стороны» [5]. Правовая практика выявляла потребности дополнительной опеки нижних судов: в 1784 и 1799 годах гражданские палаты обязались оценивать постановления об отчуждении любой казенной «принадлежности» – присвоении земель, угодий, переводе людей во владение частных лиц [13].

Рост профессионализации и специализации государственных служащих позволил правительству Николая I повысить компетенцию судов первой инстанции до 30 рублей серебром, второй – до 600 рублей. На более крупные имущественные иски распространялось право апелляционного переноса. Во второй четверти XIX века правоохранительные задачи палат усложнились. Губернские судьи принимали в первом рассмотрении материалы об имениях, раздробленных по уездам, о собственности городских обществ, об авторском праве и др. [53]. Судебное право отражало особенности регионального общественного быта. Так, ревизии Оренбургской палаты гражданского суда, в частности, подлежали дела об отчуждении коллективной собственности служилых калмыков, башкир и мещеряков – коллективных вотчинников [50].

Ревизионный судебный контроль в уголовном производстве проводился «сколь для оправдания невинности, столь и для приведения в ясность преступления или для обличения преступника» [3]. Обязательные оценочные процедуры Екатерина II ввела в уголовных делах, грозивших обвиняемым тяжелыми телесными наказаниями, лишением чести или жизни [4]. Надзор в уголовно-правовой сфере совершенствовался общими и специальными указами, инициированными орга-

нами губернской прокуратуры и администрации. Законодатель обязал суды первой инстанции оценивать правомерность и результаты деятельности следственных органов, принимать протесты обвиняемых. В уголовную палату стали передаваться дела о преступлениях с отсутствием подозреваемых или оправданием подсудимых [11], убытках, нанесенных лесному хозяйству на сумму свыше 20 рублей [48]. Правительство учитывало региональные особенности судебных практик: в Сибири ревизовались дела о правонарушениях беглых, ссыльных и беспаспортных лиц с материальным ущербом более 20 рублей [62].

Таким образом, собранные полицией материалы, способные определять исход дел, не являлись бесспорным основанием для вынесения приговоров. Для проверки свидетельств уездный суд был вправе командировать заседателя в сопровождении стряпчего – прокурорского чина. Судейская коллегия могла усомниться в законности следствия, проведенного командированным членом суда, позаботившись об организации дополнительного сбора сведений без привлечения отбывавших следователей [56]. Губернские чиновники проверяли деятельность следственных органов и судей первой инстанции, следили за соблюдением установленных форм делопроизводства, самостоятельно восполняли недостающие материалы и документы. Процесс, изначально осуществлявшийся с нарушениями, аннулировался [26]. Палаты реагировали на жалобы частных лиц, требуя от уездных судей объяснений и прилагая усилия «к охране порядка судопроизводства» [52].

С 1782 года в число действенных мер дисциплинарного воздействия входило право судебных палат взыскивать пени с членов нижестоящих судейских коллегий за «упущения», открытые при апелляционном или ревизионном переносе дела, «по мере оказанного небрежения» [10]. Поддерживая юридическую конкуренцию, правительство обязало уездных чиновников сообщать губернскому начальству об указах палат, противоречащих законодательству [24]. Право взыскания пени с работников полицейской администрации формально принадлежало руководству губернии, удерживавшему губернские суды от превышения власти.

Дополнительные функции надзора исполняли совестные суды, контролировавшие содержание лиц, взятых под стражу, и получавшие сообщения уголовных палат об основании арестов [32]. Наконец, к контролю над постановлением судебных решений по делам, касавшимся прямых фискальных интересов, законодатель привлек хозяйственно-финансовые учреждения. На заключение палат казенных и государственных имуществ поступали делопроизводства о притязаниях на государственную собственность, незаконном кормчестве, преступлениях должности, совершенных ведомственными чиновниками [29], межевых отношениях [55].

На сферу осуществления правосудия распространялся общий надзор губернского руководства. «В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия...», – резонно заметил апологет консервативной мысли в 1811 году [71; 102]. Губернская администрация способствовала налаживанию деятельности подведомственных учреждений, тиражируя общие инструкции, разъясняя нормы сословного процессуального права и настаивая на соблюдении правил судопроизводства, тесно взаимодействовала с губернскими судами, налагая пени и привлекая чиновников к ответственности за противоправные поступки с предоставлением уголовным палатам определять размеры денежных штрафов, наконец, обеспечивая исполнение судебных решений [12].

Уголовные дела, оконченные в палатах, совестных и военных судах, решения с заключениями ведомственных органов подлежали утверждению «начальником» губернии. В начале XIX века обязанности контрольного просмотра приговоров и решений были формально разделены между высшим местным руководством (генерал-губернаторами, военными губернаторами) и гражданскими губернаторами [33]. Выделение функций специальной опеки определялось ведомственными интересами. В 1828 году корчемные дела поступили под надзор вице-губернаторов – председателей казенных палат [45]. Особой компетенцией пользовалась отраслевая администрация Уральского горного округа [22].

Вхождение губернского руководства в судебные прерогативы изначально способствовало становлению деятельности органов правосудия. Дела возвращались в присутственные места при обнаружении новых фактов или необходимости доследования. Органы надзора отсрочивали исполнение судебных решений, отправляя производства для ревизии в уголовные палаты или Сенат [15]. Решение уголовной палаты могло быть передано в совестный суд [72; 46, 57]. С постановлениями совестных судов, вызвавшими сомнение, знакомился министр юстиции [43]. Министру внутренних дел отсылались «мнения» начальника губернии на приговоры к наказанию сектантов, а также новокрещенных за уклонение от православного вероисповедания [58]. Администрация влияла на меру телесного наказания в пользу подсудимых [27]. В ноябре 1826 года монарх подтвердил право губернаторов облегчать участь осужденных и «по уважительным причинам» отменять сентенции военных судов по делам о бунтах, подавленных с применением военной силы, как редких и исключительных [42].

Статистика судебного делопроизводства побуждала правительственные органы делать исключения и изменять указное законодательство. Так, в марте 1800 года оренбургский военный губернатор, нормализуя движение уголовных дел, инициировал передачу дел о правонаруше-

ниях башкир и мещеряков как иррегулярных военнотружущих на «конфирмацию», минуя губернскую инстанцию [59]. В целях снижения нагрузки на уголовные палаты в декабре 1821 года Государственный совет распорядился впредь пересылать оригинальные дела о серьезных происшествиях без подозреваемых лиц «при экстрактах и мнениях» гражданским губернаторам, соблюдая привычный для судов ревизионный порядок. Руководитель обязался передавать дело в уголовную палату «в случае, если найдет производство онаго неправильным или неудовлетворительным или если получит от кого-либо по таковому делу жалобу» [36].

Реальное вмешательство администрации в порядок вступления тысяч судебных решений в законную силу было невелико. Осуществление контрольных функций являлось значительной нагрузкой для губернских канцелярий. Регулярные доклады начальнику готовились главой судебного стола после предварительной работы с выписками из дел и судебными резолюциями. Так, в 1835 году канцелярия оренбургского губернатора признала законными 1168 постановлений уголовной палаты из 1191, то есть 98,3 %, 20 дел были высланы при мнении губернатора в Сенат. Тогда же были утверждены 777 из 885, или 87,7 %, решений уездных судов, 108 дел направлены на ревизию в уголовную палату. В 1835 году из 2099 производств, принятых на просмотр гражданской администрацией, военному губернатору были переданы 3, в 1836 году – 5 из 1861 [60].

В 1855 году подтверждение получили 815 из 839, или 97 %, приговоров уголовной палаты, 923 из 966, или 95,5 %, – уездных судов и войсковых канцелярий. Из 13 дел совестного суда в Сенат отправили 2. В целом за 1855 год 1753 из 1823, или 96,2 %, постановлений глава администрации признал законными [63]. В 1862 году оренбургский губернатор предложил пересмотреть в Сенате 42 дела и утвердил 461 решение уголовной палаты, а также завершил производство 1 из 7 дел совестного суда [64]. Аналогичным образом в 1850 году томский губернатор согласился с 97,6 % (1293 из 1324) постановлений губернского, окружных, городских, военных судов, адресовав для ревизии и окончательного решения Сенату 6, Государственному совету 23 и Министерству юстиции 2 дела [61].

Высшая судебная инстанция принимала дела в порядке апелляции, разбирала сомнительные случаи в правовой практике и ревизовала отдельные категории дел. Апелляционные прошения в Сенат губернские суды сопровождали датами начала, сроками ревизии делопроизводства и пересылки материалов в губернскую канцелярию [16]. Безусловное право обжалования сохранялось по искам об освобождении от личной зависимости, включая случаи согласия прокуроров с определениями уездных судов. На ставший известным в Санкт-Петербурге отказ крепостному человеку в апелляционном праве прави-

тельство ответило судам и прокурорам предостерегающим указом от 27 ноября 1796 года. Специального узаконения не существовало, заявили сенаторы, но «и быть сего не могло, поелику никого претендующего собственно о себе или его имени права апелляции лишить нельзя» [17]. Жалобы зависимых лиц, поступавшие из губерний, тщательно разбирались в Сенате [39].

Право обжалования приговоров, утвержденных наместником, было упразднено в мае 1784 года в целях сокращения нагрузки на департаменты Сената. Правительство сочло достаточной охрану правосудия посредством прокуроров и генерал-губернаторов. Действие именного указа, нарушенное в 1797 году, Сенат восстановил в мае 1809 года [25]. Признанием целесообразности установленных ограничений стал законопроект 1809 года, грозивший штрафом лицу, подавшему неосновательную жалобу на решение палаты: только во 2-м отделении 5-го департамента с 26 марта по 22 декабря 1808 года не вызвали сомнений 207 из 309 приговоров [23]. Население просило пересмотра как решений, так и частных определений, журнальных резолюций. Сенат издавал разъяснительные указы [19].

В 1823 году подавляющее большинство сенаторов (10 против 4) и членов Государственного совета (11 против 2), учитывая возможности надзора, малограмотность подсудимых и своекорыстные цели апелляционных прошений, одновременно приняли во внимание случаи противозаконных решений уголовных дел. Отклонив отрицательное мнение министра юстиции, правительственные чиновники высказались за возвращение апелляционного права купцам третьей гильдии, мещанам и сельским сословиям, отметив случаи, когда судебные ошибки приводили людей «к разрушению благосостояния и безопасности» [37]. Приговоры подлежали исполнению, однако лица, осужденные невинно, получали надежду на реабилитацию и денежное вознаграждение [41].

Обязательную оценку приговоров к тяжким наказаниям служащих недворянского происхождения и не состоявших в классных чинах, чьи дела о преступлении должности палаты рассматривали в первой инстанции, монарх впервые санкционировал в 1784 году [14]. Вследствие указов 1835–1836 годов обязательная ревизия Сената охватила приговоры к тяжелым наказаниям нетабельных канцелярских служителей, происходивших из духовного, купеческого и мещанского сословий [47]. Высший суд империи не только поддерживал привилегированный статус, но и удостоверялся в нравственном достоинстве дворян и чиновников, освобожденных от обвинений в совершении тяжких преступлений или связанных с правонарушениями своих крепостных людей [34].

Причинами ревизионного контроля служили привлечение к уголовной ответственности групп свыше 9 человек, исключая ссыльнокаторжных

и «неводворенных» ссыльнопоселенцев, изменение приговоров по результатам исследования, заключения казенных палат и мнения губернаторов, противоречившие судебным постановлениям. Сенат определял судьбу лиц, принявших православие после совершения преступления, рассматривал обвинения в распространении вероучений раскольнических сект [35]. Совестьные суды дополнительно сообщали в Сенат об осуждении несовершеннолетних подданных к тяжелым наказаниям независимо от резолюций начальника губернии [49].

В царствование Екатерины II Сенат воздерживался от систематического наказания судей и секретарей за выявленные в ходе ревизии нарушения в судебном делопроизводстве, заявив, в частности, по одному из апелляционных дел: «...в чаянии, что каждой из них трудом и ревностию потщится наградить свою неисправность», и предписав, «чтоб впредь они, входя со всякою прилежностью и вниманием в существо дел, суждения свои основывали с законами совершенно» [57]. С 1797 года нарушения, выявленные при производстве дел, и отмена противозаконных решений сообщались во все присутственные места Российской империи [18].

С начала XIX века получила развитие регламентация денежных взысканий за неправомерное решение дел. Прежде всего в ответ на жалобы служащих и сообщения надзорных органов правительство внесло ясность в законоположения о штрафах, действовавшие с 1720–40-х годов и содержавшие неопределенные и архаичные термины. По указу от 29 января 1802 года, за противоправное окончание судебных, вексельных и прочих долговых дел и споров о недвижимой и движимой частной собственности взыскивалось по 5 копеек с каждого рубля от стоимости объекта владения. По вотчинным делам штраф составлял 10 копеек с десятины и 10 рублей с пустоши. Признав судебное постановление противоречившим праву, Сенат подвергал материальному наказанию судей и секретарей участвовавших инстанций. Штраф накладывался на должностных лиц, подписавших заключительный протокол, пропорционально установленным окладам жалованья. Купцы и мещане выплачивали штрафы по окладам дворянских заседателей, равных им по классам мест. За неоднократные взыскания судьи могли быть удалены от исполнения обязанностей как непригодные [21].

После 1824 года взыскание связывалось с частью постановления, признанной в вышестоящей инстанции неправомерной. Совершенствуя юридическую систему, Сенат прекратил прием жалоб от чиновников нижних судов о штрафах, налагаемых гражданскими палатами по делам, не переданным в высшую инстанцию из-за пропуска апелляционного срока. За возвращение дел для производства суда по форме, дополнения справками и другими сведениями взыскание не допускалось [40]. Дополнительными юридиче-

скими нормами малоимущие судьи привлекались к выплате штрафов по общим правилам о несостоятельных должниках [38].

С началом царствования Николая I штрафы за неправомерное решение имущественных дел, исключая межевые споры, были отменены. Верховная власть признала устаревшими принципы наложения денежных взысканий, введенные в 1715 году. В условиях длительного функционирования уездных судов и судебных палат, совершенствования форм и средств надзора, развития процессуальных правил штрафы оценивались как вносящие дезорганизацию в деятельность судебной системы [44].

Законодатель продолжал регулировать гражданско-правовую ответственность судей, предупреждая постановление неправомерных приговоров. Противоправное подвержение телесному наказанию, выявленное надзорными органами, грозило судьям крупными денежными взысканиями. Так, в 1816 году монарх санкционировал штрафование членов черниговского генерального суда на сумму 900 рублей в пользу трех крепостных крестьян, проходивших в качестве исполнителей преступных замыслов владельца и необоснованно наказанных кнутом [31]. За незаконные приговоры суда к телесным наказаниям, правомочность обжалования которых не была равной для сословий, в феврале 1835 года Николай I установил особые штрафы: «за каждый удар, невинно данный», плетью – 180 рублей ассигнациями, кнутом – 200 рублей [46].

Уложение о наказаниях закрепило общее понятие, а также определило виды умышленного неправомерия (ст. 59, 397, 398, 426, 429–431). В соответствии со статьей 59, виновные возмещали потерпевшим убыток из собственного имущества. Наконец, закон от 21 марта 1851 года (отдел 4, ст. 2–4) предусматривал возврат лиц, осужденных умышленно или по неосмотрительности судей, из ссылки или заключения за счет виновных, выплату приговоренному к уголовному наказанию от 100 до 600 рублей, к исправительному – от 10 до 60 рублей. Судьи освобождались от взысканий в случае расхождения мнений при ревизионном пересмотре дела. Компенсацию также получали лица, чье наказание было необоснованно усилено [66; 64–66].

Итак, развитие судебной системы в России после 1775 года выражалось, в частности, в консолидации прерогатив правосудия и установлении инстанций с различной степенью ответственности за исполнение специальных функций. На чиновников и сословных представителей, составлявших дореформенный судейский «корпус», возлагалась коллективная и персональная ответственность за реализацию законодательства. Правительство создало правовую среду для осуществления должностных полномочий и гарантировало юридическую самостоятельность всех участников судебного процесса, однако отсутствие профессиональной юстиции обусловило ограничение компетенции нижних

судов и развитие ревизионных форм судебного производства дел.

Соблюдение правил правоприменения во время предварительного следствия и судебных разбирательств, законности и обоснованности постановленных решений прежде всего обеспечивали вышестоящие инстанции. Проверка уголовных и гражданских дел в полном объеме проводилась как в порядке обязательной ревизии, так и в случае апелляционных переносов. На этапе становления деятельности сословных судов губернские учреждения активно осуществляли дидактическую функцию, снабжая нижестоящие присутствия комментариями к действующим законам, наставляя в практике судопроизводства, предупреждая типовые правонарушения. Субординация судебных органов предусматривала наложение губернскими судьями дисциплинарных и денежных взысканий на членов нижестоящих коллегий. Умеренность и объективность применения средств дисциплинарного давления достигалась сотрудничеством судебного и общего губернского руководства. Право формальной инициативы уголовного преследования служащих за систематические отступления от узаконенных форм и правил судебного делопроизводства, умышленные преступления должности принадлежало губернскому начальству.

Порядок вступления в силу судебных решений по определенным законом категориям дел предусматривал участие в ревизионном процессе ряда руководящих лиц губернской администрации — начальников, правителей, вице-губернаторов. В тесное взаимодействие судебных и исполнительных структур вовлекались ведомственные учреждения, призванные отслеживать потенциальный ущерб фискальным интересам государства.

Практика обусловила постепенное усложнение юридической регламентации, учитывавшей рост профессионализма судебных чиновников,

специфические обязанности провинциальных судов. В то же время крупные объемы судебного деловой документации и как следствие медленность судопроизводства стали официальной причиной сословных ограничений населения в процессуальных правах. Оправданием дифференцированного подхода правительства к праву апелляции послужили систематический ревизионный судебный контроль, а также деятельность органов прокурорского и административного надзора. В общем порядке Сенат ревизовал уголовные дела, требовавшие высокой квалификации и особой профессиональной ответственности или имевшие политическое значение. Привилегия оценки неисполненных приговоров распространялась на подсудимых из дворян, государственных служащих, купцов первых гильдий.

Ревизионные формы, употреблявшиеся в судопроизводстве дореформенного периода, позволяли правительству абсолютной монархии в целом поддерживать правомерное функционирование институтов судебной системы. Жесткие методы внутриведомственной и административной опеки правосудия, введенные в период оформления абсолютизма и грозившие денежными взысканиями за нарушения в деле и судопроизводстве, были принципиально пересмотрены верховной властью в конце 1820-х годов. Наконец, исторический опыт правоприменения послужил фундаментальным основанием для последовательного внедрения в России прогрессивных принципов организации суда и осуществления правосудия во второй половине XIX века.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Особенности функционирования региональных судебных систем в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в.»), проект № 09-03-85301а/У.

ИСТОЧНИКИ

1. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12616.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVIII. № 13128, 13613, 14180; Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1. Д. 757. Л. 444.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 108.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 110–113; Т. XXI. № 15539.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 116.
6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 132, 175, 201.
7. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 182–184, 324–326, 368–370; Т. XXXVIII. № 29092.
8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 409. П. 8.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14829. П. 11.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15439, 15519.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 18386; Т. XXX. № 23546; Т. XXXVIII. № 29599.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15565; Т. XXXII. № 21804.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15996; Т. XXV. № 19090; Т. XXX. № 22840.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16022.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16276; Т. XXVII. № 20745; Т. XXXVIII. № 29599.
16. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16397; Т. XXIII. № 17521.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17583; Т. XXXIII. № 25909; II. Т. VII. № 5220; Т. VIII. № 6424.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17741; Т. XXX. № 23546; XXXV № 27378; Т. XL. № 30463, 30529, 30599; II. Т. I. № 174, 500, 535, 596.
19. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19490.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 20004; II. Т. XXI. № 20618.

21. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. № 21554.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Ст. 852–854.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23488.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23546.
25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23660.
26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 24966.
27. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25195; II. Т. VI. № 4350.
28. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25255.
29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25596; II. Т. XI. № 9593.
30. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26055.
31. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26452.
32. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIV. № 26936.
33. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27253; Т. XXXVIII. № 29610.
34. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27457; II. Т. I. № 500.
35. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28383; II. Т. VI. 4775.
36. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28852; Т. XXXVIII. № 29599.
37. ПСЗ РИ. Собр. I. XXXVIII. № 29391.
38. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIX. № 29895.
39. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIX. № 29965; II. Т. I. № 632; Т. III. № 2074.
40. ПСЗ РИ. Собр. I. XXXIX. № 30066; Т. XL. № 30503, 30594; II. Т. II. № 861.
41. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 566; Т. III. № 2135; Т. IX. № 7444.
42. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 688.
43. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 865; Т. VII. № 5505.
44. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2148.
45. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2549.
46. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 7783.
47. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8451; Т. XI. № 8952.
48. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XI. № 9593.
49. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XI. № 9817.
50. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. № 10281, 11623.
51. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 96, 149.
52. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 2399.
53. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 2431.
54. СЗ РИ. Т. II. Ч. 2. Ст. 136, 144, 167.
55. СЗ РИ. Т. X. Ч. 3. Ст. 1196.
56. СЗ РИ. Т. XV. Кн. 2. Ст. 287.
57. Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 185–195.
58. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1607. Л. 42 об.; Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 2. Оп. 2. Д. 26. Л. 126–128 об.
59. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467 (листы без нумерации); Д. 469. Л. 45–46.
60. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11058. Л. 18–19.
61. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 197. Л. 370 об.–372.
62. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 294.
63. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 6. Оп. 2. Д. 67. Л. 54.
64. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 6. Оп. 2. Д. 71. Л. 235.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

65. Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). Кн. 2. Императорская Россия. М.: Юридический институт МИИТа, 2008. 196 с.
66. Бойцова Л. В. Ответственность судей по российскому дореволюционному законодательству // Известия высших учебных заведений. Сер. «Правоведение». 1992. № 1. С. 64–68.
67. Борисова Е. А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Своду законов Российской империи // Законодательство. 2004. № 10. С. 79–87; № 11. С. 83–92.
68. Глушаченко С. Б., Пиджаков А. Ю., Виноградов Н. А. Недостатки в судоустройстве и судопроизводстве России накануне судебной реформы 1864 года // История государства и права. 2004. № 4. С. 17–19.
69. Ефремова Н. Н. Судоустройство в России в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1993. 192 с.
70. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. 267 с.
71. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 110 с.
72. Кнорринг Н. Н. Очерки по истории Тульского совестного суда в Екатерининское время. Харьков: Адольф Дарре, 1917. 97 с.
73. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. М.: Мысль, 2003.
74. Мигунова Т. Л. Российский суд во второй половине XVIII века. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. 271 с.
75. Мигунова Т. Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...». Административно-судебная реформа Екатерины II. М.: NOTA BENE, 2008. 560 с.
76. Слободянюк И. П. Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М.: РГТЭУ, 2005. 292 с.

УДК 342.9

ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА КОЗЫРЕВА

аспирант кафедры административно-правовых дисциплин
юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
kozyreva.tatyana@mail.ru

СПОСОБЫ ИЗВЕЩЕНИЯ О РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Статья посвящена трудностям, возникающим у судей при извещении лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, о времени и месте судебного разбирательства. Важное значение при рассмотрении дела имеет признание извещения надлежащим, а также возможность рассмотрения судьей дела об административном правонарушении в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Ключевые слова: надлежащее извещение, повестка, ходатайство, судебное заседание, административный процесс

Практика применения Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ судьями при рассмотрении дел об административных правонарушениях показала, что в настоящее время очень остро стоит вопрос о способах извещения лиц, привлекаемых к административной ответственности, и признания этого извещения надлежащим при рассмотрении дела об административном правонарушении.

Одним из важнейших инструментов обеспечения законности и доступности правосудия, открытости и гласности судебного разбирательства является участие лица, привлекаемого к административной ответственности, в рассмотрении дела, возможности защиты в судебном заседании своих прав и интересов, возможности дачи показаний и пояснений по делу, возможности заявлений ходатайств и т. п. Чтобы предоставить эту возможность лицу, в отношении которого ведется производство, судье необходимо принять все возможные меры к его извещению. Здесь и начинаются проблемы судей, связанные с выбором способа извещения лиц, привлекаемых к административной ответственности, а точнее – с поиском способа реализации возможности извещения. Таким образом, выбор того или иного способа извещения является важным вопросом, который судья решает на стадии подготовки дела к рассмотрению. Признание извещения надлежащим является гарантией соблюдения прав и законных интересов лица, привлекаемого к административной ответственности.

Как отметил П. А. Дошин, сравнивая нормы КоАП РСФСР, регулирующие уведомление лица, в отношении которого ведется производство, и нормы КоАП РФ, современная норма все так же применяет понятие «надлежащее извещение», не давая его точного определения [1].

Извещение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, регламентируется ч. 2

ст. 25.1 КоАП. По общему правилу, дело об административном правонарушении рассматривается с участием лица, в отношении которого ведется производство. Но существуют и исключения из общего правила, когда дело может быть рассмотрено без участия лица, привлекаемого к административной ответственности.

1. Согласно ч. 3 ст. 28.6 КоАП, в случае выявления административного правонарушения, предусмотренного главой 12 КоАП РФ и зафиксированного с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функцию фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело, и оформляется в порядке, предусмотренном ст. 29.10 КоАП РФ. Копии постановления и материалов, полученных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, направляются лицу, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, в течение трех дней со дня вынесения постановления. Итак, изменения, которые начали действовать с 1 июля 2008 года, ввели исключение из общего правила, установленного ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ (дело об административном правонарушении рассматривается с участием лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении) и ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ (лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность).

Согласно вышеизложенному, обязательное правило об участии лица, привлекаемого к административной ответственности, в этом случае неприменимо. Таким образом, должностное лицо без участия лица, привлекаемого к админист-

ративной ответственности, выносит постановление о назначении административного наказания на основании материалов, зафиксированных в автоматическом режиме специальными техническими средствами, по делу об административном правонарушении и направляет постановление и копии материалов лицу, привлекаемому к административной ответственности с разъяснением права на обжалование данного постановления в порядке, предусмотренном главой 30 КоАП РФ.

2. Согласно ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ, также в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено, если имеются данные о надлежащем извещении лица о месте и времени рассмотрения дела и если от лица не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо такое ходатайство оставлено без удовлетворения [2].

Кодекс об административных правонарушениях не дает понятия или разъяснения надлежащего извещения, поэтому путем анализа практических решений извещения и проведения аналогии дадим его определение.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 6 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в целях соблюдения установленных ст. 29.6 КоАП РФ сроков рассмотрения дел об административных правонарушениях судье необходимо принимать меры для быстрого извещения участвующих в деле лиц о времени и месте рассмотрения дела. Поскольку КоАП РФ не содержит каких-либо ограничений, связанных с таким извещением, оно в зависимости от конкретных обстоятельств дела может быть произведено с использованием любых доступных средств связи, позволяющих контролировать получение информации лицом, которому оно направлено судебной повесткой, телеграммой, телефонограммой, факсимильной связью и т. п.

К способам извещения можно отнести: вручение повестки, направление повестки по почте заказной или простой корреспонденцией, извещение по телефону, факсу, электронной почте и т. п. К «тому подобное» относятся все возможные виды связи, с помощью которых можно извести о времени и месте рассмотрения дела об административном правонарушении лицо, в отношении которого ведется административное производство. Но только те способы извещения могут быть признаны надлежащими в случае неявки лица, привлекаемого к административной ответственности, и рассмотрения дела об административном правонарушении в его отсутствие, о которых в материалах дела остается подтверждение об извещении лица или о направлении извещения лицу, привлекаемому к

административной ответственности. Таким образом, надлежащим извещением может быть признано направление повестки по адресу лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, заказной корреспонденцией с уведомлением, а направление повестки простой корреспонденцией не может быть признано надлежащим, поскольку оно не предусматривает подтверждения в получении или не получении лицом извещения, в отличие от заказного письма с уведомлением. Пользуясь методом аналогии, можно предположить, что извещение по телефону как городской связи, так и сотовой при условии составления секретарем судебного заседания телефонограммы для приобщения к материалам дела об административном правонарушении может быть признано судом надлежащим, так как всегда есть возможность проверки данного факта путем запроса на телефонную станцию или в отделение сотовой связи. То же возможно и путем факсимильной связи, а именно запросом отчета о доставке факса по указанному номеру телефона и путем направления извещения по электронной почте. Все остальные средства связи могут быть признаны судом надлежащими при условии возможности запроса подтверждения факта доставки до адресата извещения о времени и месте рассмотрения дела об административном правонарушении.

Из анализа статьи следует, что суд обязан предпринять все возможные способы для извещения лица, привлекаемого к административной ответственности, и тем самым обеспечить право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на участие в судебном заседании и защиту своих законных прав и интересов.

Например, в соответствии с п. 24.1 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 02.06.2004 года № 10 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административном правонарушении», при решении арбитражным судом вопроса о том, имело ли место надлежащее извещение лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, либо его законного представителя о составлении протокола об административном правонарушении, следует учитывать, что КоАП РФ не содержит оговорки о необходимости направления извещения исключительно какими-либо определенными способами, в частности путем направления по почте заказного письма с уведомлением о вручении или вручения его адресату непосредственно. Следовательно, извещение не может быть признано ненадлежащим лишь на том основании, что оно было осуществлено каким-либо иным способом (например, путем направления телефонограммы, телеграммы, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи).

Существование Арбитражно-процессуального кодекса в значительной степени облегчает решение процессуальных проблем и споров в арбитражном судопроизводстве, возникновение таких вопросов относительно процессуальных норм обуславливает необходимость появления кодекса, регламентирующего такие ключевые моменты, как извещение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, процесса рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Анализ ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ позволяет прийти к выводу о том, что обеспечение законности при применении мер административного принуждения подразумевает как обязательное наличие законных оснований для применения адми-

нистративного наказания, так и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности, то есть соблюдение материальных и процессуальных норм КоАП.

Порядок привлечения к административной ответственности при рассмотрении дел об административных правонарушениях не должен нарушаться, так как он обеспечивает и гарантирует создание со стороны судьи надлежащих процессуальных условий для справедливого разбирательства дела об административном правонарушении в разумный срок и право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на судебную защиту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дош и н П. А. Актуальные проблемы уведомления в производстве по делам об административных правонарушениях // Юридический мир. 2006. № 10. С. 62–70.
2. Обзор практики судов общей юрисдикции Северо-Западного федерального округа по гражданским, административным и уголовным делам // Информационный бюллетень. Юридическая практика. 2008. № 1–2 (44–45). С. 272–301.

УДК 342.9

ВАДИМ ИГОРЕВИЧ БУРЦЕВ

преподаватель кафедры правоведения, Кольский филиал
Петрозаводского государственного университета
vadimbur@rambler.ru

УЧЕНЫЕ-ЮРИСТЫ О ПОНЯТИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

Экологическая безопасность изначально понималась специалистами как универсальная категория, обеспечение которой на основе специальных международно-правовых принципов относится к императивной обязанности всего человечества, хотя ни во внутригосударственном, ни в международном праве не содержится ее определения. Специалисты выделяют различные типы реагирования на угрозы экологической безопасности, их взгляды отражены в данной статье.

Ключевые слова: экологическая безопасность, обеспечение экологической безопасности, нормы, требования, меры экологической безопасности, угрозы экологической безопасности, экологически безопасные производства

Существует ряд подходов к определению термина «экологическая безопасность». Одним из ведущих исследователей в этой области является профессор М. М. Бринчук [3; 246–251]. В круг научных интересов М. М. Бринчука входят наиболее актуальные для российского общества и государства проблемы, включая повышение эффективности экологической функции России; создание правовых основ экологически обоснованного устойчивого развития; исследование правовых проблем охраны окружающей среды в чрезвычайных ситуациях. Профессор А. С. Тимошенко определяет экологическую безопасность «как устойчивое состояние глобального характера», которое «представляет собой сложное политико-правовое единство, систему отдельных, но взаимосвязанных элементов» [21; 86]. По мнению профессора Е. А. Нестеренко, «это безопасность жизненно важных для человечества экологических компонентов нашей планеты и поддержание надлежащего природного равновесия между ними» [15; 581]. Профессор А. А. Шишко определяет экологическую безопасность как «комплекс правовых, организационных и материальных гарантий защиты окружающей среды каждого государства от вредоносного воздействия, источники которого расположены за пределами данного государства» [23; 116–162].

Профессор А. В. Кукушкина характеризует экологическую безопасность как «сложную взаимосвязанную и взаимозависимую систему международных экологических норм, направленных на обеспечение безопасности всех жизненно важных для человечества экологических компонентов планеты» [11; 23]. При этом отмечается близость вопросов военной и экологической безопасности, что находит свое отражение в эволюции самого понятия безопасности, которое с начала 1980-х годов все в большей мере отождествляется не столько с национальной военной безопасностью, сколько с множественностью причин, угрожаю-

щих ей, и с взаимозависимостью государств [11; 4–5]. Интересна работа М. Н. Копылова, С. М. Копылова, Э. Ю. Кузьменко, посвященная кодификации международного экологического права [10]. Со временем появились специальные научные статьи по международно-правовым аспектам экологической безопасности [20; 84–91], научные труды и статьи, в которых понятия «экологическая безопасность» и «обеспечение экологической безопасности» использовались в качестве инструмента или предмета исследования [8; 15, 163], комментарии к экологическим законам, определяющие данные понятия [16].

Понятия экологической обстановки, экологической опасности и ресурсосбережения в настоящее время широко применяются при рассмотрении многих экологических проблем, особенно прикладного характера [24; 25–32, 45–52]. Большое распространение имеют такие понятия, как химическая обстановка, химическая опасность, радиационная обстановка, допустимые уровни шума, электромагнитных излучений и др., относящиеся к частным областям взаимодействия природы с живыми организмами [7; 23]. Суть глобального контроля и управления – в сохранении и восстановлении естественного механизма воспроизводства биосферой окружающей среды [10; 44]. Сравнительный анализ содержательных представлений международного права и российского законодательства начинается с сопоставления понятий и обобщающих их терминов, которыми определяются круг рассматриваемых проблем и набор способов их решения. Ключевыми здесь становятся термины «окружающая (природная) среда», «экология», «экологическая безопасность» «устойчивое развитие» [14; 642]. Антропогенная деятельность оказывает катастрофическое воздействие на окружающую среду. Это приводит к риску для жизни и здоровья людей и угрозе глобальной и региональной безопасности [2; 39]. Одним из наиболее эффективных способов предотвращения и сведения к минимуму от-

рицательных последствий глобальных экологических проблем является использование механизма международно-правового регулирования, которое «осуществляется путем определения стандартов, моделей обязательного, возможного и недопустимого поведения, а также побуждения субъектов следовать этим стандартам» [12; 146].

Под экологией зарубежные и российские ученые понимают прежде всего науку о природном, окружающем нас доме [9; 146]. С мая 2008 года к наименованию Министерства природных ресурсов РФ добавлено слово «экология». Термин «экология» получил отражение в Конституции РФ, в федеральных и региональных законах, принимаемых как в сфере природопользования, охраны окружающей среды, так и в иных отраслях права и законодательства. Производной от «экологии» стала «экологическая безопасность», предложенная нашей страной в период перестройки конца 1980-х годов в качестве самостоятельного направления или раздела международной безопасности [21; 123]. С начала 1990-х годов этот термин прочно занимает свое место в экологическом законодательстве России, предусматривается в п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. В статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» дается определение понятия «экологическая безопасность». В российском праве до сих пор остаются неясными различия между природопользованием, охраной окружающей среды и экологической безопасностью. Попытки составления и принятия отдельного федерального закона об экологической безопасности заканчиваются безрезультатно ввиду отсутствия самостоятельного предмета и новых способов регулирования [4; 56].

В 1987 году в докладе Международной комиссии (Брундтланд) по окружающей среде и развитию и в международных актах появилось понятие «устойчивое развитие», понимаемое комиссией как удовлетворяющее потребности настоящего времени, но не ставящее под угрозу способности будущих поколений удовлетворять свои потребности [13; 646].

Этот термин, по мнению профессора А. К. Голиченкова [5; 34], в разных странах понимают по-разному: под ним можно рассматривать развитие страны с «неисчерпанием», то есть восстановлением, добычи полезных ископаемых и иных природных ресурсов [6; 56]. Снижение численности здорового населения и увеличение общей смертности по причине ухудшения состояния окружающей среды представляют прямую угрозу государству, поэтому сложившаяся ситуация вызвала необходимость в ст. 13 Закона РФ «О безопасности» признать экологическую безопасность важнейшим ее видом наряду с государственной, экономической, общественной, оборонной, информационной.

Широко используемые в законодательстве термины, такие как «экологическая безопасность», «обеспечение экологической безопасно-

сти», «нормы, требования, меры экологической безопасности», «угрозы экологической безопасности», «экологически безопасные производства», не представляется возможным использовать надлежащим образом в практической деятельности, поскольку у них нет четких правовых определений. Не определено соотношение обеспечения экологической безопасности с такими видами деятельности, как охрана окружающей среды и природопользование. Система норм, регулирующих отношения в области обеспечения экологической безопасности, не является целостной, поскольку отсутствует ряд норм, призванных регулировать важнейшие общественные отношения в данной области. Не решена проблема создания необходимых социально-экономических, политических и правовых условий для реализации и исполнения действующих нормативно-правовых актов по обеспечению экологической безопасности [5; 22]. С 1997 года в научный оборот в связи с принятием Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300 (ныне утратил силу), введено понятие «экологическая сфера». Однако его смысл, по мнению профессора Ю. Н. Платонова, в должной степени не раскрыт [17; 34]. В экологии понятие экологической сферы обычно рассматривается как синоним биосферы. «Биосфера – одна из оболочек (сфер) Земли, состав, структура и энергетика которой определяются совокупной деятельностью живых организмов (животных, растений, микроорганизмов); наружная область Земли, в которой не только существует жизнь, но и сама она в той или иной степени видоизменена или сформирована жизнью» [1; 34]. Понятие экологической сферы в юридическом аспекте в настоящее время в правовых актах высших органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации отсутствует. Поэтому представляется возможным рассматривать экологическую сферу как географическое пространство, то есть территорию, включающую объекты природоресурсного комплекса (почву, атмосферу, недра, воды, растительный и животный мир и т. д.).

В принятой 12 мая 2009 года Указом Президента РФ № 537 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года речь идет и об экологической деятельности. Ее структуру на основе подходов, предложенных В. П. Серовым, можно рассматривать как операциональное пространство, где осуществляются: 1) техногенная (потенциально опасная для природных объектов и населения) деятельность, загрязняющая, разрушающая либо истощающая окружающую среду; 2) природоохранная деятельность – комплекс мер по предупреждению загрязнения, разрушения и истощения, а также по восстановлению ранее нарушенных свойств природных объектов до уровня определенных стандартов их качества; 3) деятельность по пре-

дупреждению (нейтрализации) угроз здоровью нынешних и будущих поколений со стороны загрязненных природных объектов на определенной территории, а также по обеспечению рационального природопользования с учетом недопущения разрушения либо истощения природных объектов [19; 47–49].

Для рассмотрения правового статуса различных видов экологического пространства уместно воспользоваться соответствующими подходами и понятиями международного права в отношении территории. Например, профессор И. И. Лукашук отмечает, что под территорией понимается пространственная сфера действия государственного суверенитета, сфера территориальной юрисдикции государства [13; 405–409]. Исходя из вышеизложенного, как справедливо отмечает Ю. Н. Платонов, следует считать, что глобальное экологическое пространство образуется из трех сфер: 1) национальное экологическое пространство; 2) пограничное экологическое пространство, где природные ресурсы находятся в совместном поль-

зовании; 3) общемировое экологическое пространство, где природные ресурсы могут использоваться всеми субъектами международного права. Такое понимание территории является традиционным для договорной практики [17; 38].

Деятельность различных специальных ведомств России по защите национальных экологических интересов должна основываться на следующих правовых механизмах международной экологической безопасности. Во-первых, использование средств международно-правового регулирования защиты окружающей среды [18]. Во-вторых, разработка и реализация субъектами международного права природоохранных норм, стандартов и требований. В-третьих, установление ответственности субъектов международного права за экологические правонарушения. В-четвертых, разрешение международных экологических споров. В-пятых, контроль за соблюдением субъектами международных отношений взятых обязательств в природоохранительной сфере и др. [17; 42].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Геополитические вопросы безопасности: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2008. С. 49–56.
2. Боклан Д. С. Глобальная и региональная экологическая безопасность (международно-правовой аспект) // Государство и право. 2009. № 8. С. 39–47.
3. Бринчук М. М. Правовая охрана окружающей среды от загрязнения токсичными веществами. М.: Наука, 1990. 421 с.
4. Бринчук М. М. Охраняя окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 56–63.
5. Вербцкий В. В. Правовое регулирование обеспечения экологической безопасности Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.
6. Голиченков А. К. Правовая охрана окружающей природной среды в странах Восточной Европы: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 428 с.
7. Грешневиков А. Н., Протасов В. Ф. Проблемы экологической безопасности России // Право и безопасность. 2005. № 3 (16). С. 23–37.
8. Дзейтов С. А. Государство и экологическая безопасность (теоретико-правовой аспект): Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994.
9. Дуглас У. О. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М., 1975. 167 с.
10. Копылов М. Н., Копылов С. М., Кузьменко Э. Ю. Прогрессивное развитие и кодификация международного экологического права. М.: Экон-информ, 2007.
11. Кукушкина А. В. Взаимосвязь проблем экологической безопасности и разоружения (международно-правовой аспект): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 26 с.
12. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2003. 289 с.
13. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: Учебник. 3-е изд. М., 2009. 529 с.
14. Международное право и национальное законодательство. М.: Эксмо, 2009. 702 с.
15. Нестеренко Е. А. Принципы международного права окружающей среды // Международное право / Под ред. Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецова. М., 1998. 774 с.
16. Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России / Под ред. В. В. Петрова, В. П. Варфоломеева. М.: Республика, 1993.
17. Платонов Ю. Н. Экологическая сфера и ее международно-правовой статус // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 34–45.
18. Поздеева А. Экология под надежным контролем // Российская газета. Спецвыпуск «Химразоружение». 2009. 29 декабря. № 5076 (252).
19. Серов Г. П. Экологический аудит: Учеб.-практ. пособие. М., 1999. 286 с.
20. Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. М.: Наука, 1986. 190 с.
21. Тимошенко А. С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 84–92.
22. Тимошенко А. С. Международный контрольный механизм в системе экологической безопасности // Советское государство и право. 1992. № 12. С. 93–99.
23. Шишко А. А. Взаимосвязь международного права и внутреннего права в области охраны окружающей среды // Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. Киев, 1992. С. 116–162.
24. Экологическая безопасность: Материалы Всеросс. конф. по экологической безопасности (Москва, 4–5 июня 2002 года) / Под ред. В. В. Куценко и А. В. Яблокова. М., 2002. 187 с.

УДК 821.(3).09

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
medeya@psu.karelia.ru

Рец. на кн.: Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. – М.: ГЛК, 2009. – 545 с.

Рецензию книги В. П. Завьяловой хотелось бы начать с авторитетного историко-литературного примера. В 1836 году Пушкин, высоко оценивая издание «Словаря о святых» (СПб., 1836) за «полноту в совершении предпринятого труда» и «отчетливость в предварительных изысканиях», противопоставил его общему потоку «опрометчивых и скороспелых произведений»: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые ученые принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною взглядов, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий дух сомнения и отрицания в умах незрелых и слабых и печалят людей истинно ученых и здравомыслящих» [9; 324].

Разумеется, с той поры прошло едва ли не 200 лет, срок в оценке пушкинского наследия, как известно, знаковый, и за это время научная литература в России развилась и окрепла, но, думается, нельзя не признать, что проницательно выделенные поэтом недостатки имеют место и в новой научной продукции, причем не только отечественной, но и зарубежной. Что здесь причиной? Востребованность новизны любой ценой по принципу: хоть и хуже, но иначе? Соблазн стилистических красот, сопрягающих «локальную и темпоральную реальность» с «пиршественным бытием»? Или «демон теории», заставляющий принять в качестве «панацеи» – всеобщего объяснения авторскую концепцию? Разве не приходилось нам не раз наблюдать подобные явления в современной научной и особенно «паранаучной» литературе, как и отмеченные Пушкиным «извороты»: «порицание предшественников, новизну взглядов, приноровление модных понятий к старым, давно известным предметам»? Далее, как известно, поэт писал, что оцениваемая им книга «не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений» и обосновывал свое мнение достаточно подробно. Осмелюсь последовать его примеру, противо-

поставив общему потоку рецензируемую монографию.

Книга В. П. Завьяловой – плод многолетнего, скрупулезнейшего труда. Итоги более чем тридцатилетней работы исследователя были подведены в изданной ныне монографии. В орбиту ее исследования вовлечено огромное количество источников и посвященной им серьезнейшей специальной литературы, созданной в XIX–XX веках в зарубежном и отечественном антиковедении. Последнее приходится подчеркнуть, поскольку в отечественной филологии имеются примеры опоры молодых ученых исключительно на европейско-американскую традицию. А в монографии о Каллимахе учитывается и вся обширная русская библиография по теме, отсюда неоднократное обращение к трудам отечественных ученых (А. Н. Деревницкого, Ф. Ф. Зелинского, Н. И. Новосадского, А. И. Малеина, А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи, И. И. Толстого, М. М. Бахтина, М. Е. Грабарь-Пассек, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Н. А. Рубцовой, А. И. Зайцева, Н. А. Чистяковой, А. В. Подосинова, А. А. Россиуса, Н. Н. Казанского, О. Д. Никитинского, Д. О. Торшилова, А. И. Любжина и др.). Укорененность автора монографии в родной культуре сказалась и в интереснейших отсылках к русской поэзии Серебряного века и таким ее корифеям, как Вячеслав Иванов и Михаил Кузмин, которым были посвящены отдельные публикации.

В книге две части, теоретическая, историко-литературная, и практическая – предваряемый содержательным введением пословный комментарий к каждому из шести гимнов. Теоретическая часть представляет географическое описание, политическую историю, культуру эллинистической эпохи, общую характеристику александрийской поэзии, ее художественно-эстетических принципов, очерк биографии и обстоятельный анализ творчества Каллимаха во всей полноте сохранившихся фрагментов произведений и жанров («Причины», «Гекала», Ямбы, Мелика, Эпиграммы, Гимны). Последний жанр разбирается особенно подробно с выделением специальных разделов: 1. Гимны как жанр; 2. Гимны Каллимаха; 3. Поэтический язык гимнов Каллимаха. Поэтический язык Каллимаха становится предметом сугубого внимания во второй части работы, где в пословном комментарии отмечается стилистическая окраска по-

этического выражения и художественный эффект отсылки к гимнической традиции, а также проясняются все детали мифологического, исторического, реально-бытового и религиозно-культурного характера.

Теоретическая и практическая части потребовали различной методики и, так сказать, оптики анализа, но в книге они равно необходимы и для исследователя, и для читателя. Исследователь имеет возможность проверить, подтвердить справедливость общих положений, верифицировать результаты исследования. Читатель получает в первой части ценное общее руководство по александрийской поэзии и эллинистической культуре с историей ее изучения, выделением бесспорных выводов и вероятных предположений. А во второй части филолог-классик имеет возможность прикоснуться к самой сложной поэзии Каллимаха, понять и пережить ее эстетически. В книге имеется Введение, излагающее историю рукописной и издательской традиции произведений Каллимаха вместе с кратким очерком истории их восприятия в Европе и России. В заключение основной части книги помещен самый ранний русский перевод всех гимнов Каллимаха, выполненный И. И. Мартыновым [2]. К переводам Мартынова, как и к другим ранним русским переводам, принято относиться иронически. Нередко встречаешь примеры, когда современный филолог использует и портит старый перевод, называя это новым переводом. В противоположность этой субъективной практике автор монографии о Каллимахе, хотя в тексте книги и цитирует новый поэтический перевод С. С. Аверинцева, характеризует перевод Мартынова объективно и добросовестно: «...прекрасный знаток греческого языка И. И. Мартынов первым дал наиболее близкий

к оригиналу перевод; на его основе в дальнейшем гимны переводились как прозой, так и стихами. Кроме того, перевод И. И. Мартынова – сам по себе замечательный памятник пушкинского времени» [5; 523]. Перевод памятника несколько архаизированным языком пушкинского времени несомненно украсил книгу.

Книга В. П. Завьяловой о Каллимахе – плод не только исследовательской работы, но и педагогического опыта. Поэтому ее научный труд и у преподавателей, и у студентов найдет широкое применение в вузовской практике. Первая теоретическая часть – необходимое пособие для историко-литературной лекции по александрийской поэзии, где общие положения дополняются красноречивыми иллюстрациями. Комментарий – готовый материал для чтения гимнов Каллимаха в самой взыскательной аудитории и пример для подготовки комментированного чтения других авторов наряду с такими классическими образцами этого рода, как комментарии С. И. Соболевского к «Братьям» Теренция [8], Я. М. Боровского к «Псевдолу» Плавта [1; 321–427] или Ю. А. Шичалина к диалогам Платона «Федр» и «Апология Сократа» [6; 72–89], [7].

Думается, что и отечественным филологам других специальностей будет интересен и весьма полезен современный опыт истолкования Каллимаха, поэта и филолога, писавшего свои ученые стихи в пору возникновения филологической науки и объяснительного комментария. В частности, книга В. П. Завьяловой будет, безусловно, востребована в русской филологии: комментарии в настоящее время «в моде», они издаются даже отдельными книгами [11] и занимают большое место в современных изданиях русских классиков, например Пушкина [9] и Достоевского [3], [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка. Л., 1975.
2. Гимны Каллимаха Кирийского / Пер. с греч. яз. и сост. прим. на оные Иван Мартынов. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1823. 245 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, Т. 1–8. 1995.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В XVIII т. М.: Воскресенье, 2004.
5. Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. М., 2003.
6. Платон. Федр / Пер. А. Н. Егунова; ред. греч. и рус. текстов, вступит. статья, комментарии, хронология, индексы имен и наиболее употребительных терминов Ю. А. Шичалина. М.: Прогресс, 1989. С. 72–89
7. Платон. Апология Сократа / Пер. М. С. Соловьева; издание подгот. А. А. Глухов, Ю. А. Шичалин. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000.
8. Публий Теренций. Адельфы. Комедия / Введение и комментарии С. И. Соболевского. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. VII.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 570–790; Т. 2. СПб., 2004. С. 460–637.
11. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

УДК 94(47) «1917/1991»

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН
senyavsky@yandex.ru

Рец. на кн.: Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 544 с.

Годы войны стали временем суровых испытаний для всего Советского Союза, малой частью которого являлась Карелия, расположенная на северо-западе огромной страны. Пограничное с Финляндией положение республики оказывало весьма значимое влияние на политическое и социально-экономическое развитие Советской Карелии. Отдельные аспекты ее истории в период Второй мировой войны нашли отражение в отечественной историографии, однако до недавнего времени не было комплексного научного труда, в котором исследовалась бы многообразная и противоречивая картина политического и социально-экономического развития республики в 1939–1945 годах. Данный пробел успешно восполняет монография С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.», ставшая результатом многолетней работы автора по данной теме.

В 1939–1944 годах одним из ключевых факторов, влияющим на все сферы жизни республики, было противостояние СССР и Финляндии – сначала в ходе Зимней войны (30.11.1939–12.03.1940), а затем – Великой Отечественной войны, в которой Финляндия выступила союзником нацистской Германии (июнь 1941 года – сентябрь 1944-го) и вместе с немецкими войсками составляла основу сил, противостоящих СССР на Карельском фронте. Это противостояние имело глубокие исторические корни, возникшие в 1918 – начале 1920-х годов во время так называемых «племенных войн», и ярко проявилось накануне и в течение всех лет Второй мировой войны.

В настоящее время на Западе предпринимаются активные попытки пересмотра хода и итогов Второй мировой войны, принижающие роль СССР в разгроме фашизма. В частности, в самой Финляндии до сих пор господствует точка зрения, что в 1941–1944 годах эта страна вела против СССР обособленную от Германии «войну-продолжение», в ходе которой финны сумели сохранить свою независимость. На основе этой концепции делается вывод о том, что Финляндии нельзя отнести к числу союзников гитлеровской Германии. Научные споры по этим дискуссионным вопросам (рейды партизан Карельского фронта в 1941–1944 годах не только на

территорию оккупированной Карелии, но и в приграничные районы Финляндии и последствия этих действий для мирного гражданского населения; финский оккупационный режим на захваченной территории Карелии в те же годы и национальная политика оккупационной администрации; коллаборационизм местного населения в военный период и др.) часто выходят за рамки академических дискуссий и несут на себе отпечаток крайней политизированности. В этом контексте история Карелии в годы Второй мировой войны приобретает сегодня особую актуальность, имеет не только научную, но и политическую значимость.

На основе анализа российской и финляндской литературы, привлечения широкого круга источников из фондов российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор монографии представляет многообразную и противоречивую картину политического и социально-экономического развития Советской Карелии в годы Второй мировой войны. С. Г. Веригин исследует роль партийных и советских органов Карелии в период Советско-финляндской (Зимней) войны (1939–1940) и положение разных категорий населения; рассматривает процесс образования Карело-Финской ССР и освоения новых финских территорий, отошедших к СССР после этой войны; освещает ход перестройки всей жизни республики на военный лад в начальный период Великой Отечественной; прослеживает основные направления развития экономики Карелии в военный период; раскрывает национальную политику финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах. При этом особое внимание уделяется вопросам, которые слабо изучены как в отечественной, так и в финляндской историографии, а именно: экономическое положение в оккупированных районах Карелии в 1941–1944 годах; проблема коллаборационизма среди местного населения в период финской оккупации; деятельность органов НКГБ–НКВД Карело-Финской ССР по организации диверсионно-разведывательной работы в тылу финских войск и др.

Специальная глава посвящена вопросам коллаборационизма среди местного населения в период финской оккупации. До сих пор отсутствуют не только монографические исследования, но и статьи, в которых эта проблема рассматривается

в качестве специальной темы исследования. Автор монографии по характеру деятельности условно разделяет коллаборационизм на четыре группы: политический, экономический (хозяйственный), военный и культурный. Он отмечает, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах была направлена на разделение населения по национальному признаку (на финно-угорское и русское) и поощрение сотрудничества советских граждан карельской, вепсской и финской национальностей с оккупационной администрацией.

Однако эта политика потерпела крах. Летом 1944 года лишь около 2800 человек из 86 тыс. жителей, оказавшихся в зоне оккупации (3,5 % всего населения), эвакуировались в Финляндию вместе с отступающей финской армией (с. 412). Для многих этот шаг был неизбежным: для тех, кто находился на военной и хозяйственной службе у финских властей и боялся привлечения к суду за предательство; для женщин, состоявших в браке с финнами; для мужчин, которые служили в братском батальоне. Более того, те, кого пришли освободить от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

Большое впечатление производит солидная источниковая база исследования. Автор широко использует архивные источники как центральных, так и региональных государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот (Архив Президента Российской Федерации, Архив внешней политики РФ, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив экономики, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный военный архив, Центральный государственный архив исторической и политической документации, Российский государственный архив Военно-морского флота, Национальный архив Республики Карелия, Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия, Архив Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Карелия).

Многообразная информация о различных аспектах деятельности финского оккупационного режима в Восточной Карелии в 1941–1944 годах, национальной политики Военного управления Восточной Карелии, организации системы просвещения, здравоохранения, культурно-просветительской работы и других вопросов на оккупированной территории Карелии почерпнута им в фондах финляндских государственных архивов (Национальный архив Финляндии (Kansallisarkisto, КА, г. Хельсинки), Военный архив Финляндии (Sota arkisto, СА, г. Хельсинки)).

Ценность книги придают приложения, в которых даются карты довоенной и послевоенной

Карелии, ход боевых действий Советско-финляндской войны 1939–1940 годов и Карельского фронта в период Великой Отечественной войны, дислокация финских концентрационных, переселенческих и трудовых лагерей. Книга снабжена именным и географическим указателями, списком сокращений.

Отмечая глубокое знание автором монографии работ предшественников, следует, однако, высказать ряд замечаний. Так, историю изучения проблемы можно было представить более системно. Справедливо выделяя современный этап историографии проблемы (конец 1980-х годов XX – начало XXI века), когда в центре внимания исследователей оказались ранее слабо изученные вопросы политической и социально-экономической жизни республики в годы Второй мировой войны, автору стоило критичнее подойти к оценке литературы 1990-х годов, отличающейся крайней политизированностью. Материал о российско-финляндских научных конференциях, на которых обсуждались острые проблемы партизанской войны на Севере, логичнее было бы разместить не в 3-й главе, где дается характеристика особенностей партизанского движения в Карелии, а в историографическом разделе введения. Анализ многочисленных источников, на которые опирается в своем исследовании автор, выстроен по конкретным архивным фондам. На наш взгляд, целесообразнее было бы дать характеристику источников по видам: делопроизводственная документация (отчетная, распорядительная и текущая); статистика; периодическая печать; источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма) и т. д. Впрочем, все эти замечания носят скорее рекомендательный характер и ни в коей мере не снижают высокой оценки рецензируемой книги.

Следует отметить, что ряд положений монографии (например, вопросы о планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года, о роли органов НКВД в организации партизанской войны не только на оккупированной территории Карелии, но и в пограничных районах Финляндии и др.) отражают авторскую позицию и являются предметом дискуссий среди историков. Но это право любого исследователя. Аргументация С. Г. Веригина представляется вполне убедительной.

В целом монография С. Г. Веригина оставляет впечатление законченного самостоятельного исследования, значительно расширяющего знания о таком важном регионе России, как Северо-Западный, в один из самых острых моментов его истории. Привлечение новых источников и использование современных методов исследования придают книге новизну и оригинальность. Она будет интересна как специалистам, изучающим историю Второй мировой войны на Севере Европы, так и широкому кругу читателей, которые интересуются историей своего края.

УДК 729 (091)

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
suni@karelia.ru

Рец. на кн.: Byckling Liisa. Keisarinajan kulisseissa. Helsingin venäläisen teatterin historia 1868–1918. – SKS. – Helsinki, 2009. – 416 s.

Книга финской исследовательницы Лиисы Бюклинг «За кулисами имперского времени. История Русского театра в Хельсинки. 1868–1918» посвящена истории Русского театра в Хельсинки (1868–1918) и является итогом целенаправленной работы, проводившейся автором на протяжении нескольких последних десятилетий.

Л. Бюклинг имеет международную известность как крупный специалист по истории русского театрального искусства, финско-русских литературных связей XX–XXI веков. Ее становление как исследователя начиналось в стенах Хельсинкского университета, где она специализировалась в области драматургической литературы, и было продолжено при Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, история которого связана с деятельностью таких выдающихся мастеров, как Л. С. Вивьен, В. Э. Мейерхольд, Б. М. Сушкевич и др.

Ее новаторская книга «Михаил Чехов в западном театре и кино», написанная на основе неизвестных до сих пор материалов, была издана на русском языке в 2000 году. В настоящее время Л. Бюклинг является доцентом Хельсинкского университета.

Рецензируемую книгу Лииса Бюклинг посвящает памяти своего научного руководителя профессора А. Я. Альтшулера, Юлии Рыбаковой и всем своим друзьям в Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства.

Приступая к работе над своей монографией, Л. Бюклинг видела свою задачу в том, чтобы вернуть Русский театр в Хельсинки «из почти полного забвения» в историю театрального искусства Финляндии, которая в качестве Великого княжества с 1809 по 1917 год входила в состав Российской империи. Забвение, действительно, было полным. В финляндской историографии, которая может гордиться своими многочисленными трудами по истории финского и шведского театров, о Русском театре в Гельсингфорсе до книги Л. Бюклинг не появилось ни одного исследования. Нет их и в отечественной литературе. Монография Л. Бюклинг – первая серьезная работа в заявленной области – выполнена с привлечением архивных материалов из хранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, Таллинна, Хельсинки, русской, финской и шведской прессы исследуемого периода, а также воспоминаний русских театральных деятелей.

История возникновения «Русского казенного Александровского театра в Гельсингфорсе», столице Великого княжества Финляндского, достаточно своеобразна. В Финляндии, переживавшей во второй половине XIX столетия подъем финского национального движения, боровшегося против шведского культурного и духовного господства, русскоязычное население было крайне немногочисленным. Отсутствовало русское чиновничество, поскольку оно не имело права занимать административные должности в княжестве. Немногие успешные предприниматели (СинегрохOFF, Киселефф и др.) давно ассимилировались и полностью слились со шведской привилегированной прослойкой общества. Русское купечество средней руки проживало главным образом в восточных районах Финляндии и, как отмечает Л. Бюклинг, было весьма далеко от культурных запросов своего времени. И тем не менее рождение Русского театра в Гельсингфорсе в 1868 году состоялось. Он создавался на средства имперской казны как центр русской культуры для командного состава российских войск, дислоцированных в княжестве. Именно образованная часть офицерства принимала самое живое участие не только в организации театра, но и в его последующей жизни. Театр являлся единственным стационарным учреждением русской культуры в Финляндии, но его двери были открыты не только для русских актеров и русского зрителя. Его сцена была также предоставлена зарубежным оперным труппам. Однако основной репертуар театра, который, по мнению его учредителей, должен был знакомить своего зрителя прежде всего с русской культурой, состоял все же из драматических произведений отечественных авторов. Пьесы А. Грибоедова, А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Островского, А. Сухово-Кобылина, А. Толстого наряду с популярными в то время водевилями занимали видное место в его репертуаре.

На творческую жизнь Русского театра в Гельсингфорсе не могла не оказывать близость Санкт-Петербурга, культурного центра империи. Это влияние было самым многообразным – начиная комплектованием труппы, формированием репертуара, организацией гастролей актеров Александринского, Василеостровского театров и кончая помощью с обеспечением костюмами и иным реквизитом. Тесная связь Русского театра в Гель-

сингфорсе с театральной жизнью России в значительной мере предопределила содержание и структуру исследования Л. Бюклинг. Каждый новый этап развития Русского театра в Финляндии (периодизация в основном привязана к именам его художественных руководителей) предваряется общей характеристикой театрального дела в метрополии. Это позволило автору сделать вывод о том, что Русский Александровский театр в Гельсингфорсе находился на уровне добротного, «крепкого» провинциального театра империи. На культурной карте России он приобрел известность уже с начала 1880-х годов, когда стал получать первые предложения об организации гастролей драматических, оперных, балетных коллективов из Санкт-Петербурга и других регионов России. В общей сложности на сцене Русского театра за весь период его существования, по подсчетам Л. Бюклинг, выступило около тысячи актеров.

Л. Бюклинг отмечает, что творческие взлеты, особенно на рубеже XIX–XX веков, перемежались с неудачами, сопровождаясь перманентными трудностями, которые в основе своей объяснялись специфической и немногочисленной воинской аудиторией театра. Последнее обстоятельство определяло непродолжительность театрального сезона, который начинался в октябре и заканчивался уже с наступлением православной Пасхи. В весенний и летний периоды «постоянный зритель» находился на сборах и разного рода учениях. Полугодовой перерыв в работе театра помимо прочего затруднял приглашение известных столичных артистов, считавших такой

«урезанный» контракт крайне невыгодным с финансовой точки зрения. Поэтому в труппе было немало молодых, начинающих актеров, из среды которых тем не менее вышли такие театральные деятели, как В. Андреев-Бурлак и А. Азаров.

Монография Л. Бюклинг предоставляет исследователям театрального искусства подробнейшее описание творческого пути Русского театра в Гельсингфорсе на протяжении его полувекового существования. Читатель найдет в книге исчерпывающие сведения о репертуаре театра, его руководителях, актерах. Приводятся суждения театральных критиков и воспоминания выступавших на сцене Русского театра артистов.

Вместе с тем этот основательный анализ позволяет сделать важный и однозначный вывод о том, что Русский театр оставался все же небольшим изолированным островком русской культуры, которая в силу языкового барьера и политических обстоятельств практически не находила отклика в финском обществе. Театр не имел никаких творческих контактов с местными театральными коллективами. Структурируя свою работу, Л. Бюклинг неслучайно излагает историю Русского театра на фоне театральной жизни России, но не Финляндии. В итоге, если автору вполне удалось «из почти полного забвения» восстановить историю Русского театра как такового, то вряд ли можно говорить о том, что его история органически вписывается в историю театрального искусства Финляндии.

8 января 2011 года исполнилось 80 лет доктору исторических наук, профессору, декану факультета политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала *Валентине Семеновне Максимовой*.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВНА МАКСИМОВА К 80-летию со дня рождения

В. С. Максимова родилась в деревне Красный Бор Подпорожского района Ленинградской области. Испытания военного времени, эвакуация в Мордовию, возвращение на разоренную войной родину закалили ее характер и стали первыми университетами.

В 1950 году В. С. Максимова поступила в Карело-Финский государственный университет. На втором курсе студентку исторического факультета, отличницу, лауреата сталинской стипендии избрали освобожденным секретарем комсомольской организации университета. После окончания университета она работала по месту службы своего супруга во Владивостоке. В 1960 году семья Максимовых вернулась в Петрозаводск, где Валентина Семеновна стала директором одной из школ. В 1966 году после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации работала в университете старшим преподавателем, а с 1971 года – доцентом на кафедре философии и научного коммунизма. В 1980 году после защиты докторской диссертации становится профессором, избирается заведующей кафедрой политологии и социологии. Работа в Карловом университете в Праге стала особым периодом в жизни и профессиональной деятельности Валентины Семеновны. По возвращении она прикладывает много сил для открытия в ПетрГУ факультета политических и социальных наук, который и был создан 1 сентября 2001 года.

Под руководством В. С. Максимовой защищены 8 кандидатских диссертаций, 9 человек являются аспирантами и соискателями кафедры международных отношений. Неизменный участник конгрессов политологов, на IV Всероссийском конгрессе и на Всемирном конгрессе политических наук в Тампере она не только руководила секциями, но и выступала с докладами. Эта деятельность способствовала созданию Карельского отделения ассоциации политической науки. В. С. Максимова – автор более 70 научных работ, руководитель многих международных научных проектов, член Российской ассоциации политической науки, действительный член Академии политической науки.

Заслуги Валентины Семеновны отмечены разными наградами, среди которых медаль «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», орден «Cestny Odznak» – «За советско-чехословацкое сотрудничество», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», орден Дружбы. Она дважды признавалась Лауреатом года РК, ей присвоено звание «Заслуженный деятель науки РК».

Сердечно поздравляем Валентину Семеновну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, бодрости духа и успехов в научной и педагогической деятельности!

ХРОНИКА

■ 13–17 сентября 2010 года состоялась 8-я Международная конференция «Мезолит в Европе» (MESO 2010).

Впервые в истории конференций MESO, первая из которых состоялась еще в 1973 году в г. Потсдаме, местом проведения стала Южная Европа. Форум проходил в г. Сантандер (Испания), организатором выступил Кантабрийский международный институт доисторических исследований (ИПРС), общее руководство осуществлял Пабло Ариас. Комитет, осуществлявший научное руководство подготовкой и проведением конгресса, включал ведущих современных исследователей каменного века Европы, таких как Стефан Козловский (Варшавский университет, Польша), Ларс Ларссон (Университет г. Лунд, Швеция), Марек Цвелебил (Университет г. Шеффилд, Великобритания), Оле Грюн (Лангеландский музей, Дания), Дуглас Прайс (Университет г. Висконсин, США) и др.

В работе конференции приняли участие более 300 исследователей археологии мезолита и, шире, каменного века из большинства европейских стран, а также некоторых государств американского континента. Россию представляли 12 участников: из Санкт-Петербурга (Д. Герасимов, С. Лисицын, С. Бельский, М. Кулькова, А. Кульков, Н. Цветкова), Москвы (М. Жилин), Петрозаводска (А. Тарасов, М. Шахнович), Сергиева Посада (В. Лозовский, О. Лозовская), Свердловска (С. Савченко), представивших 11 устных и стендовых докладов, в том числе в соавторстве с зарубежными коллегами. Организаторы определили свою главную задачу следующим образом: совместить традиции и особую атмосферу конференций MESO, сформировавшиеся в ходе предыдущих семи успешных встреч, с современными тенденциями в изучении каменного века, главной

из которых является усиливающаяся исследовательская специализация. Несмотря на огромное количество устных выступлений (всего 206 заявленных докладов), были созданы условия для того, чтобы участники могли ознакомиться с как можно большим количеством докладов и дискуссий. Секционные заседания были посвящены следующим основным проблемам: процессы колонизации, люди и окружающая среда, люди и ландшафты, поселения и жилища, региональные особенности, социальные отношения, обряды и символы, вопросы перехода от мезолита к неолиту. В целом в тематике докладов можно отметить преобладание работ, основанных на использовании разного рода естественно-научных методов, нацеленных на реконструкцию взаимоотношений мезолитических коллективов с окружающей средой, рациона питания, технологии древних производств и других аспектов человеческого поведения.

Участникам конференции была предоставлена уникальная возможность охватить все разнообразие исследовательских направлений и лично встретиться с ведущими специалистами в области археологии каменного века Европы. В программу входила серия приемов и экскурсия по археологическим памятникам Кантабрии.

В результате голосования, проведенного на завершающем заседании, местом проведения следующей конференции была избрана Италия.

*А. Ю. Тарасов,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института языка, литературы и
истории, Карельский научный центр РАН*

■ 8–13 ноября 2010 года в г. Ханты-Мансийске состоялся III Международный Северный археологический конгресс (САК).

Конгресс инициирован и организован Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральским государственным университетом им. А. М. Горького. Соорганизаторами конгресса выступили Институт археологии и этнографии СО РАН и Институт археологии РАН (Москва).

В работе конгресса приняли участие 190 исследователей из 9 стран: России, Франции, Германии, Венгрии, США, Эстонии, Швеции, Норвегии, Казахстана. Российские ученые из Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Екатеринбург, Ижевска, Иркутска, Казани, Кемерово, Красноярска, Магадана, Москвы, Надыма, Нефтеюганска, Нижневартовска, Нижнего Тагила, Новосибирска, Омска, Перми, Петрозаводска,

Санкт-Петербурга, Салехарда, Сургута, Сыктывкара, Тобольска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Ханты-Мансийска, Югорска представляли 14 научных центров, 16 вузов, 10 музеев, 7 учреждений по охране и использованию историко-культурного наследия; 16 зарубежных ученых – 4 научных центра, 5 университетов и 2 музея.

Основной темой конгресса стала актуализация наиболее значимых достижений и перспектив изучения и сохранения объектов археологии Севера. Работа проводилась по 5 основным направлениям:

1. Освоение человеком циркумполярной зоны в плейстоцене и голоцене: изменения природной среды и эволюция систем жизнеобеспечения.

2. Социокультурная вариативность в древности: археологические проявления и интерпретации.

3. Искусство, сакральное пространство и мифоритуальная практика древнего населения Севера.

4. Колонизация Севера и взаимодействие культур в Средние века и Новое время.

5. Археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование.

Остановлюсь на более существенных, с моей точки зрения, научно-исследовательских проблемах в области археологии, живо обсуждавшихся на конгрессе. Во-первых, это вопросы теории и практики археологических исследований. Л. Н. Корякова, В. И. Молодин (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) рассмотрели некоторые принципы эволюционного подхода, который считается традиционным в археологии. Но за последнее время он существенно изменился благодаря открытиям в биологии и генетике, принятым на вооружение археологией. Авторы отмечают, что уже опубликовано немало книг и статей, написаны учебники и читаются университетские курсы по эволюционной археологии (все на английском языке). Они полагают, «что задача археологов состоит не только в том, чтобы фиксировать культурные изменения, но и в том, чтобы объяснить, как и почему определенные культурные черты... были отобраны и сохранились дольше во времени и пространстве, чем другие». Авторы надеются, что принципы эволюционной археологии со временем займут место в понятийном аппарате российской археологии, но для этого необходимо овладение новыми методами и вовлечение в этот процесс прежде всего молодых исследователей. Для убедительности они цитируют Гофри Кларка и Майкла Бартона: «Это может быть время – изумительное, мучительное, инновационное, чтобы перестать бесконечно использовать только эволюционные понятия XIX столетия в качестве основы для археологии XXI века».

Второе направление – вопросы колонизации Севера и взаимодействия культур в Средние века и Новое время – было представлено докладами об эталонных памятниках как Европейского Севера (Новгород, Старая Русса, Северо-Западное Приладожье, Белозерье, северо-восточные территории, Поволжье), так и Урала и Сибири. Несмотря на известные финансовые трудности, археологам удалось получить ценную информацию о материальной культуре, провести на ряде памятников охранные раскопки и т. д. Предметом дискуссии стал сам термин *колонизация*. В сознании отложился негативный, морально-этический оттенок термина, схожего по звучанию с *колониализмом*. Были попытки заменить термин *колонизация* *присоединением*, *освоением* или некоторыми другими более благозвучными словами. Однако колонизация и освоение – это не одно и то же, так как второй термин раскрывает лишь часть первого. Надо иметь в виду, что сам термин *колонизация* весьма изменчив и содержательная сущность его зависит от многих факторов: природно-

климатических, социально-экономических, политических, торгово-культурных и пространственно-временных. А. В. Головнёв в докладе «Колонизация в древности» подчеркнул, что термин *колонизация* следует считать сугубо научным: «...феномен колонизации представляет собой самостоятельный интерес как механизм освоения пространства и социальных взаимодействий. При этом важны не только итоги освоения (заселения, покорения) новых территорий, но и мотивации, технологии, сопутствующие эффекты. Колонизация универсальна как феномен, но изменчива как тактика и средство адаптации».

Третье направление – археологическое наследие как общественный ресурс: охрана и использование. В своей работе археологи ощущают неприятный «вызов времени», при котором археологические памятники подвергаются нашествию грабителей. Уничтожение археологических памятников в результате несанкционированных раскопок становится более серьезной угрозой археологическому наследию, нежели хозяйственная деятельность. Если в последнем случае установлены нормы законодательства об экспертизе земельных участков и проведение обязательных охранных мероприятий, то к кладоискателям, «любителям истории» и прочим авантюристам нормы действующего законодательства применить почти не удастся. Не удастся закрыть сайты, на которых открыто предлагаются археологические предметы, запретить продажу металлодетекторов непрофессионалам. Развитый рынок торговли, по сведениям О. В. Зеленцовой (Институт археологии РАН), привел к тому, что изменился сам грабитель – теперь это профессионал со стажем, опытом и знаниями, оснащенный современными техникой и транспортом, специализирующийся на определенных типах памятников. Не застрахованы от набегов даже территориально отдаленные памятники Ханты-Мансийского округа.

Тем не менее археологи предпринимают усилия для охраны памятников, превращения их в объект организованного туристического посещения, музеефикации археологических объектов, создания музеев под открытым небом, предлагают новые подходы к археологической экспозиции в музеях и многое другое. Но очевидно, что без помощи государства и бизнес-сообщества реализовать эти планы проблематично.

Материалы конгресса опубликованы в двух томах: Тезисы докладов; Доклады. Екатеринбург: Ханты-Мансийск, 2010.

С. И. Кочуркина,
доктор исторических наук, заведующий сектором
археологии Института языка, литературы и истории,
Карельский научный центр РАН

CONTENTS

HISTORY

Gouschin V. R.

ATHENIAN DEMOS AND JUDICIAL PROCESSES IN FIRST HALF OF V CENTURY B. C.

Summary: The article examines the role played by the Athenian demos in famous political trials. We know about two processes against Miltiades, the processes against the tragedian Phrynichus, Aristides, Themistocles, and Cimon. All these trials were initiated by *isangeliai* and reviewed primarily by areopagus, but the final verdict was passed by *heliaia* or people's assembly. According to IG 1³ 105 important political and judicial decisions could not be made without the majority of the Athenian demos (*aneu demou plethuon*).

Key words: Isangelia, areopagus, demos, heliaia, trials7

Fishman O. M.

NATURAL AND ECONOMIC ENVIRONMENT FORMATION FACTORS OF MICROLOCAL GROUP (TIKHVIN KARELIANS)

Summary: The article deals with the detection of the objective and subjective formation factors of the natural and economic environment of the Tikhvin Karelians who inhabited Tikhvinsky district of the Novgorod province (the modern Boksitogorsky district of the Leningradskaya region) since the XVIIth century. The archive and author's field materials are analyzed in the context of the interdisciplinary problem of the cultural adaptation to the new living environment. A system of the new living environment boundaries established by the settlers is defined. The following basic concepts of the new homeland are determined: wood, lake, swamp, river, slash, and clearing.

Key words: Karelians, migrants, natural and economic space, formation factors, boundary, concepts, XVII–XX centuries15

Pashkova A. A.

STATUS OF COLLOQUIAL RUSSIAN AND OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGES AMONG KARELIANS OF SALMI AND SORTAVALA DISTRICTS (YEZDS) IN LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Summary: The article is concerned with the poorly studied contemporary Russian Historiography topics – occurrence of the Russian language in Karelian population of Salmi and Sortavala districts (yezds) of Vyborg province (gubernija), and the problem of liturgical language in Orthodox churches of the Northern Ladoga area in the late XIIIth – early XXth centuries.

Key words: Ethnic self-consciousness, Karelians, Northern Ladoga area, linguistic question, Orthodoxy22

CULTURAL STUDIES

Rogoza N. V.

“ETERNAL FEMININITY” AS HIGHER IDEA EMBODIMENT OF FEMININITY IN SILVER AGE

Summary: The works of V. Solovyev were at the heart of the Eternal Femininity myth of the Silver Age period. His teaching about Eternal Femininity became an ideal, around which a new life and a new spirit of the age were formed. A new worldview, a new man, and a new God arise

Key words: Femininity, “Eternal Femininity”, sophiology, Mother archetype, mythologem, essentialism26

PEDAGOGY

Dobrynina O. L.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF CONTINUOUS FOREIGN LANGUAGE TEACHING FOR NON-LINGUISTIC STUDENTS

Summary: The article presents the pedagogical technology aimed at developing students' professional English language competencies. Steps, means, and methods of teaching are described.

Key words: Lifelong learning, professional English language competencies, seminars, students' conferences, elective courses29

Kalachev N. V., Lansikh A. N.

USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES IN CONDITIONS OF OPEN EDUCATION

Summary: Methods of teaching natural science disciplines (mathematics) at the department of open education at Financial University are described. A description of the educational portal is given, and work experience with part-time students and distance learning students is generalized.

Key words: Educational portal, teaching of natural-science disciplines, correspondence department, distance learning, remote classrooms35

SOCIAL SCIENCE*Razumova I. A.***MARRIAGE STATUS AND TYPOLOGY PROBLEM**

Summary: The article discusses problems related to modern conjugal configurations and typology of marriages. Conventional indications of traditional marriages are problematized, the functions of the actual marriage are reviewed, and a classification scheme is offered.

Key words: Marriage indications, out of wedlock unions, functions, conjugal configurations, classification38

*Chebotkova J. J.***ALCOHOLISM AS SOCIAL PROBLEM IN SOCIOLOGY AND PUBLIC OPINION**

Summary: The article considers a problem of alcoholism as a theoretical object of the modern science and public opinion. Points of coincidences and differences are revealed.

Key words: Alcoholism, drunkenness, alcohol consumption, national health, rehabilitation46

PHILOLOGY*Kotov A. A.***STUDY OF RUSSIAN PREDICATIVE ADJECTIVE: RESULTS NOT SUMMARIZED**

Summary: The article considers the syntax of the predicative adjective, the history of its study in Russian and foreign linguistics. The basic stages of the phenomenon research are defined, a short characteristic of the research stages is given, and further research prospects are formulated.

Key words: Predicative adjective, chronological stages, correlation of the full and short forms, grammatical factors, language history, semantics, research directions, explanatory force49

*Novak I. P.***FORMATION AND OPERATION OF CONSONANTS' INTERCHANGE IN KARELIAN**

Summary: The phonetic phenomenon of consonants' interchange is typical for most Baltic-Finnish languages. The article considers the history of the interchange formation in Karelian and the modern distribution of the phenomenon in all dialects.

Key words: Karelian, Phonetics, Interchange of consonants53

*Lvova I. V.***"CHRIST BY DOSTOEVSKY" IN KEROUAC'S PERCEPTION**

Summary: The article explores Jack Kerouac's perception of Dostoevsky. Jack Kerouac is one of the most important American writers of the XXth century. It argues that Dostoevsky was read by Kerouac as a Christian writer. It analyses Kerouac's interpretation of the «soil» and «living life» concepts. The article examines Jack Kerouac's understanding of the image of Christ in Dostoevsky's works. The analysis is based on Kerouac's diaries of 1947–1954.

Key words: American Literature, F. Dostoevsky, critical perception, Beat Generation, influence, Russian-American literary relations58

*Lychagin A. V.***BASIC FEATURES OF JOSEPH UTKIN'S POETIC DIALOGUE WITH HIS PEER POETS**

Summary: The article deals with several important strategies used by Joseph Utkin (1903–1944) in his creative interactions with the poets of his time. The particular focus of our research is a specific type of the poetic dialogue which we define as "opposing" (acting as an opponent), or philosophic negotiation. This unique strategy has never been discussed by other scholars and challenges some of the stereotypical views of the "entirely monologic" discourse of the Russian Soviet literature.

Key words: Utkin, post-revolutionary poetry, associativity, dialogue, philosophic negotiation, "opposing", Yesenin, Svetlov, Simonov61

*Fiskovets E. V.***THE INWARDNESS OF SYMBOLIC CONTENT IN V. ASTAFYEV'S TALE "INDIA"**

Summary: The article is concerned with the poorly studied tale of V. Astafyev "India". The symbolic content of the tale is examined in the context of Astafyev's heritage and his spiritual worldview.

Key words: Astafyev, India, ancient Russian literature, symbol, spiritual meaning, Christian tradition65

PHILOSOPHY*Pivoev V. M.***NEW PARADIGM OF WORLD CONCEPTUALIZATION**

Summary: A new system of the methodological coordinates for the conceptualization of the world in four measurements is offered. Two additional parameters are allocated in each measurement. On this basis, the prospects of the methodological distinction for four classes of sciences are distinguished: technical, natural, social, and humanitarian sciences.

Key words: Material, spiritual, rational, irrational, real, ideal, objective, subjective69

*Voronov V. M.***WORLDVIEW FUNCTION OF PHILOSOPHY OF HISTORY: RELATION BETWEEN PURPOSES OF LIFE AND HISTORY**

Summary: The article attempts to show a connection of history and philosophy of history with construction and validation of socio-historical purposes. In the context of this problem, ontological philosophy of history is interpreted as a metatheory for general worldview on history. The metatheory is aimed to design and substantiate the universal purposes of history. The

function of historical cognition correlates with legitimization of regional socio-historical senses.

Key words: Universal purpose of history; regional socio-historical senses; life purpose; comprehensible model; description, explanation and understanding of history77

ECONOMICS

Krutova O. S., Morozova T. V.

INTELLECTUAL MIGRATION AS RESPONSE TO GLOBALIZATION

Summary: This paper analyses the main directions of the intellectual migration in the countries of Europe, Asia, South America, Canada, USA and some developing countries in the circumstances of the world globalization. The data obtained by the Organization for Economic Co-operation and Development covering the period from 2000 till present time are used in the research.

Key words: Intellectual migration, globalization, human capital, transnational migration, intellectual capital.....81

Kurilo A. E., Druzhinin P. V.

SMALL ENTREPRENEURSHIP IN KARELIA AS ADAPTATION FORM OF POPULATION STRATEGY

Summary: The article considers such factors as mobility of the labor force, small entrepreneurship traditions in the society, and realization of the small business development. All factors are instrumental in shaping favorable climate for small entrepreneurship development. Social importance of the small business sector on the territory of the republic is reflected.

Key words: Small entrepreneurship, entrepreneurial climate of the region, support of the small business89

LEGAL STUDIES

Voropanov V. A.

PECULIARITIES AND VALUES OF LEGAL PROCEDURE AUDITING FORMS: END OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURIES

Summary: The article contains analysis of the judicial enforcement peculiarities, values of the legal procedure auditing forms, and expert actions of the interdepartmental supervision during the time of judicial system establishment in Russia.

Key words: The Russian Empire, judicial rights, legal procedure, supervision93

Burtzev V. I.

ACADEMIC LAWYERS ON ENVIRONMENTAL SAFETY

Summary: Academic lawyers initially viewed environmental safety as a universal category. Its maintenance, based on special international law principles, was considered an imperative duty of the mankind. However, neither state nor international laws provide its definition. Researchers differentiate various types of responses to threats against environmental safety. Their views on the problem are presented in this article.

Key words: Environmental safety, environmental safety maintenance, norms, requirements and measures of environmental safety, environmental safety threats, environmentally safe production100

Kozireva T. V.

WAYS TO INITIATE PROCEEDINGS IN CASES CONCERNING ADMINISTRATIVE OFFENCES

Summary: The article speaks about difficulties experienced by judges when issuing summons for proceedings concerning administrative offences. In judicial consideration of the case, recognition of the request for summons is of significant importance, as well as a possibility to consider a matter concerning administrative offences “absente reo”.

Key words: Issue summons, motion, requests for summons, session of the court, administrative process103

REVIEWS

Malchukova T. G.

The book review: *Zavialova V. P. Kallimakh and His Hymns*106

Seniavskaya E. S.

The book review: *Verigin S. G. Karelia During the Years of the War Ordeal: Political and Socioeconomic Position of the Soviet Karelia during the Second World War (1939–1945)*108

Suni L. V.

The book review: *Byckling Liisa. Keisarinajan kulisseissa. Helsingin venäläisen teatterin historia 1868–1918.*110

JUBILATION

To the 80th Birthday Anniversary of V. S. Maksimova112

SCIENTIFIC INFORMATION113

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

**ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
(РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.**

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАР-
НЫЕ НАУКИ» МОЖНО ПО КАТАЛОГУ ИЗДАНИЙ ОРГАНОВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА
«РОСПЕЧАТЬ» (ИНДЕКС 66094)